
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**LINGUISTICS & POLYGLOT
STUDIES**
VOLUME 10, No.1 (2024)

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
В МГИМО**
ТОМ 10, №1 (2024)

Издательство
«МГИМО-Университет»
2024

LINGUISTICS & POLYGLOT STUDIES / ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО

ISSN 2410-2423 (Print)

ISSN 2782-3717 (Online)

The journal *Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО* is an international peer-reviewed journal publishing research in linguistics, polyglottery and related fields.

The aims of the journal are:

- promoting international scholarly communication and discussion of ideas and findings in the field of linguistics, cross-cultural communication, translation studies, literature studies, methodology of foreign language teaching and related disciplines;
- developing an international platform for publication of research papers and conference proceedings in the field of polyglottery;
- publishing results of original interdisciplinary research.

The *Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО* focuses primarily on the following themes: linguistics, cross-cultural communication, sociolinguistics, cognitive linguistics, translation studies, pragmatics, discourse analysis, literature and culture studies, polyglottery and innovative methods of foreign language learning/teaching. It also publishes book and thesis reviews, literature overviews and conference reports.

Indexed / abstracted in RSCI, RSL, CrossRef, EBSCO Academic Research, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, Library of Congress, WorldCat, Lens.org., Mendeley.

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Japanese, Arabic and Hindi.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Address: 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

MGIMO University

Tel.: +7 495 225-3857

Email: philnauki@inno.mgimo.ru

Web site: philnauki.mgimo.ru

Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО, Volume 10, No. 1. (Editor-in-chief V. Iovenko). – Moscow: MGIMO-University, 2024. – 151 p.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО / LINGUISTICS & POLYGLOT STUDIES

ISSN 2410-2423 (Print)

ISSN 2782-3717 (Online)

Журнал *Филологические науки в МГИМО / Linguistics & Polyglot Studies* является международным журналом с двойным слепым рецензированием, публикующим научные статьи в области лингвистики, полиглотики и связанных с ними дисциплин.

Основные цели журнала:

- освещение результатов исследований и обмен опытом, идеями и научными открытиями в области лингвистики, литературоведения и межкультурной коммуникации, теории и практики перевода, методики обучения иностранным языкам и смежных с ними дисциплин;
- создание международной платформы для публикации научных исследований и материалов конференций в области изучения теории полиглотики и практики ее применения;
- публикация результатов оригинальных исследований междисциплинарного характера.

Основные рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация, социолингвистика и когнитивная лингвистика, переводоведение, прагматика и дискурсивный анализ, литературоведение и лингвокультурология, полиглотия, инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков, рецензии и научные обзоры.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ:

- 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки);
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки);
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки);
- 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), elibrary, РГБ, CrossRef, EBSCO Academic Search; Ulrich's Periodicals Directory (Cambridge Information Group); Google Scholar, Library of Congress, World Cat, Lens.org, Соционет, Mendeley.

Периодичность: четыре номера в год.

Языки: русский, английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, китайский, японский, арабский и хинди.

Журнал придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

Публикация статей в журнале осуществляется бесплатно.

Адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, 76, МГИМО МИД России

Тел.: +7 (495) 225-38-57

E-mail: philnauki@inno.mgimo.ru

Интернет-сайт: philnauki.mgimo.ru

Филологические науки в МГИМО / Linguistics & Polyglot Studies: Журнал. Том 10. №1. / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2024. – 151 с.

Научное издание

Филологические науки в МГИМО / Linguistics & Polyglot Studies. Том 10. №1.

Выпускающий редактор: Е.А. Крашенинникова

Корректурa: Т.А. Ивушкина, Г.А. Казаков

Компьютерная верстка и дизайн: Д.Е. Волков

Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге ООО «Урал-Пресс» 80991.

Цена свободная.

Подписано в печать 26.03.2024 г. Формат 60x84¹/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 19. Тираж 500 экз. Заказ № 361.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России: 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Valery A. Iovenko, Doctor of Philology, Professor at the Spanish Language Department, MGIMO University, Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Sergei V. Evteev, Candidate of Philology, Professor at the Department of German, MGIMO-University, Russia

ACADEMIC EDITOR

Tatiana A. Ivushkina, Doctor of Philology, Professor, Chair of English Department №3, MGIMO University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Grigory A. Kazakov, Candidate of Philology, PhD, Associate Professor at English Department №3, MGIMO University, Russia

ISSUING EDITOR

Elena A. Krashenninnikova, Expert of the Directorate of Language Training, MGIMO University, Russia

Alexey N. Aleksakhin, Doctor of Philology, Professor at Department of Chinese, Vietnamese, Lao and Thai, MGIMO University, Russia

Pavel V. Balditsin, Doctor of Philology, Head of the Department of Medialinguistics, Moscow State University, Russia

Olga S. Chesnokova, Doctor of Philology, professor at Foreign Languages Department, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia, Russia

Elena L. Gladkova, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Indo-Iranian and African languages, MGIMO University, Russia

Ekaterina E. Golubkova, Doctor of Philology, Professor at the Department of English Lexicology, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University, Russia

Tatiana M. Gurevich, Doctor of Cultural Studies, Candidate of Philology, Professor at the Department of Japanese, Korean and Indonesian Languages, MGIMO University, Russia

Nikolai V. Ivanov, Doctor of Philology, Professor, Head of Romance Languages, MGIMO University, Russia

Kitabayashi Hikaru, PhD, Professor Emeritus of Daito Bunka University, Japan;

Marina P. Kizima, Doctor of Philology, Professor at Department of World Literature and Culture, MGIMO University, Russia

Lidiya P. Kostikova, Doctor of Pedagogy, Ryazan State University, Russia

Natalia V. Loseva, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor at Department of French, MGIMO University, Russia

Natalia N. Nizhneva, Doctor of Pedagogy, Belarusian State University, Belarus

Evgenia V. Ponomarenko, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at English Department №4, MGIMO University, Russia

Elena M. Pozdniakova, Doctor of Philology, Professor, professor at English Department №3, MGIMO University, Russia

Maria M. Repenkova, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of Asia and Africa, Moscow State University, Russia

Nabati Shahram, Doctor of Philology, Head of the Russian Language Department at Gilan University, Islamic Republic of Iran

Andrei V. Shtanov, Candidate of Philology, Head of Near and Middle East Languages Department, MGIMO University, Russia

Elvira L. Shubina, Doctor of Philology, Professor at the Department of German, MGIMO University, Russia

Lyudmila Smirnova, PhD, Professor of Education, Mount Saint Mary College in Newburgh, USA

Svetlana Grigoryevna Ter-Minasova, Doctor of Philology, President of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University, Russia;

Elena Y. Varlamova, Doctor of Pedagogy, Moscow Aviation Institute, Russia

Elena V. Voevoda, Doctor of Pedagogy, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

Elena B. Yastrebova, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, professor at English Department №1, MGIMO University, Russia

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Иовенко Валерий Алексеевич – д.филол. н., профессор, проф. кафедры испанского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Евтеев Сергей Валентинович – к.филол. н., доцент, проф. кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Ивушкина Татьяна Александровна – д.филол. н., проф., заведующий кафедрой английского языка №3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Казаков Григорий Александрович – к.филол.н., PhD, доцент кафедры английского языка №3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Крашенинникова Елена Андреевна – эксперт Управления языковой подготовки МГИМО МИД России

Алексахин Алексей Николаевич – д.филол.н., профессор, проф. кафедры китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Балдицын Павел Вячеславович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой медиалингвистики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Варламова Елена Юрьевна – д.пед.н., доцент, проф. кафедры И-12 «Лингвистика и переводоведение» МАИ, (Россия, Москва)

Воевода Елена Владимировна – д.пед.н., профессор, заведующий кафедрой педагогики и психологии, проф. кафедры английского языка № 2 МГИМО МИД России, (Россия, Москва)

Гладкова Елена Львовна – к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой индоиранских и африканских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Голубкова Екатерина Евгеньевна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета (Россия, Москва)

Гуревич Татьяна Михайловна – д.культурологии, к.филол.н., доцент, проф. кафедры японского, корейского и индонезийского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Иванов Николай Викторович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой романских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Кизима Марина Прокофьевна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры мировой литературы и культуры МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Китабаяси Хикару – PhD, заслуженный профессор Университета Дайто-Бунка, Япония, Токио;

Костикова Лидия Петровна – д.пед.н., профессор кафедры иностранных языков института истории, философии и политических наук РГУ им. С.А. Есенина, (Россия, Рязань)

Лосева Наталья Владимировна – к.филол.наук, доцент, проф. кафедры французского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Набати Шахрам – д.филол.н., заведующий кафедрой русского языка Гилянского университета (ИРИ, Решт)

Нижнева Наталья Николаевна – академик Международной академии наук педагогического образования, член-корреспондент Международной академии акмеологических наук, д.пед.н., профессор кафедры английского языкознания БГУ (Белоруссия, Минск)

Позднякова Елена Михайловна – д.филол. н., профессор, проф. кафедры английского языка № 3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Пономаренко Евгения Витальевна – д.филол. н., доцент, проф. кафедры английского языка №4 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Репенкова Мария Михайловна – д.филол.н., доцент, заведующий кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Смирнова Людмила – PhD, профессор педагогики, колледж Маунт-Сент-Мэри (США, Нью-Йорк)

Тер-Минасова Светлана Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, президент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова;

Чеснокова Ольга Станиславовна – д.филол. н., профессор, проф. кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (Россия, Москва)

Штанов Андрей Владимирович – к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Шубина Эльвира Леонидовна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Ястребова Елена Борисовна – к.пед.н., доцент, проф. кафедры английского языка № 1 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

German modal verbs in secondary meaning and their analogues in Russian	8
<i>Anna V. Averina</i>	
Structural and semantic analysis of the concept <i>union</i> in political media discourse.	22
(comparative study of the English, German and Russian languages)	
<i>Tatiana K. Ivanova, Alina A. Mutallapova, Marina A. Chigasheva</i>	
English urban neological discourse: pragmasemantic aspect	35
<i>Veronika V. Katermina</i>	
Morphology and semantics of derivational metaphors in Spanish media discourse	47
<i>Marina V. Larionova, Galina S. Romanova</i>	
About the Russian and Persian verbs of speech impact in business communication	60
<i>Sevinj Mehdikhanli, Manije Amiri</i>	
Gender asymmetries of the category “appearance” in the English language.	73
(based on the analysis of attributive-nominal word combinations with the core lexemes “man” and “woman”)	
<i>Liudmila P. Murashova</i>	
Conventional and occasional euphemisms in German economic journalism.	86
<i>Julia A. Raikova</i>	
On the impact of extralinguistic and intralinguistic factors on the vocabulary enrichment	98
of the French language during the pandemic	
<i>Maria V. Tarasova</i>	

TRANSLATION STUDIES

A linguocognitive approach to the analysis of the interpreter’s language personality in an interpreting situation	113
<i>Ekaterina E. Ulanova</i>	

INNOVATIVE METHODS AND COMPETENCE APPROACH IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Optimization of the approach to teaching the second foreign language	126
<i>Elena A. Grinina, Anna M. Ionova, Marina M. Konkol</i>	

LITERATURE AND CULTURE STUDIES

Reminiscence of the existentialism philosophy in Hindi literature	139
<i>Ksenia A. Lesik, Guzel V. Strelkova</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Немецкие модальные глаголы во вторичном значении и их аналоги в русском языке.....	8
<i>Аверина А.В.</i>	
Структурно-семантический анализ понятия <i>союз</i> в политическом медиадискурсе	22
(сопоставительное исследование английского, немецкого и русского языков)	
<i>Иванова Т.К., Муталлапова А.А., Чигашева М.А.</i>	
Английский урбанистический неологический дискурс: прагма-семантический аспект	35
<i>Катермина В.В.</i>	
Морфология и семантика словообразовательной метафоры в испанском медийном дискурсе.....	47
<i>Ларионова М.В., Романова Г.С.</i>	
О глаголах речевого воздействия русского и персидского языков в ситуациях делового общения.	60
<i>Мехтиханлы С., Амири М.</i>	
Гендерные асимметрии категории «внешность» в английском языке	73
(на примере анализа атрибутивно-именных словосочетаний с ядерными лексемами «man» и «woman»)	
<i>Мурашова Л.П.</i>	
Узуальные и окказиональные эвфемизмы в немецкой экономической публицистике.....	86
<i>Райкова Ю.А.</i>	
О влиянии экстралингвистических и интралингвистических факторов	98
на неологизацию французского языка в период пандемии	
<i>Тарасова М.В.</i>	

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Лингвокогнитивный подход к анализу языковой личности переводчика в ситуации устного перевода	113
<i>Уланова Е.Э.</i>	

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Оптимизация подхода к обучению второму иностранному языку	126
<i>Гришина Т.А., Ионова А.М., Конколь М.М.</i>	

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Реминисценция философии экзистенциализма в литературе хинди конца XX – начала XXI вв.	139
<i>Лесик К.А., Стрелкова Г.В.</i>	

GERMAN MODAL VERBS IN SECONDARY MEANING AND THEIR ANALOGUES IN RUSSIAN

Anna V. Averina

*Moscow State Linguistic University,
119034, Ostoshenka 38/1, Moscow, Russia*

Abstract. The publication focuses on modal verbs of the German language in the secondary meaning and their analogues in the Russian language. The specificity of modal verbs of the German language used in the secondary meaning is that they are two-dimensional deictics and convey various types of deictic modal meanings. The purpose of this publication is to describe the typology of the meanings of modal verbs of the German language in deictic use and to reveal the question of functional equivalents in the Russian language. The hypothesis of the study was as follows: the complete functional equivalents of German modal verbs in the Russian language can only be particles as grammaticalized indicators and multidimensional deictics. The following methods were used in the study: comparative method, contextual analysis method, transformational and descriptive method. The study analyzed examples selected from the German DWDS and DEWAC16A corpora, as well as from the National Corpus of the Russian language, from the main and parallel subcorps, in particular. The analysis of statements from the main and parallel corpus of the Russian language made it possible to see that complete functional analogues in the Russian language possessing two-dimensional deicticity can be considered particles *jakoby, mol, deskat'*. Incomplete functional equivalents of the German verbs *müssen, dürfen* and *mögen* in Russian are introductory words, *sudya po vsemu, veroyatno, mozhet byt', vozmozhno*. In the case of the use of the introductory word *sudya po vsemu*, the meaning of evidentiality can be traced more clearly, while epistemicity may or may not find its expression: this is confirmed by the fact that *sudya po vsemu* has no restrictions on syntactic use. When using introductory words *veroyatno, mozhet byt', vozmozhno*, either epistemicity or inferential evidentiality, determined by the context, is mainly transmitted. A two-plane deicticality and, accordingly, full functional equivalence can be considered a modal predicative *dolzno byt'*: it has a value of inferential evidentiality, coupled with epistemicity. The results obtained are important for identifying not only semantic, but also functional equivalence of modal indicators with two-dimensional deicticity in German and Russian.

Keywords: deicticity, modal verbs, German, functional equivalents, evidentiality, epistemicity

For citation: Averina A.V. (2024). German modal verbs in secondary meaning and their analogues in Russian. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(1), pp. 8–21. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-1-38-8-21>

НЕМЕЦКИЕ МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ ВО ВТОРИЧНОМ ЗНАЧЕНИИ И ИХ АНАЛОГИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А.В. Аверина

Московский государственный лингвистический университет,
119034, г. Москва, ул. Остоженка, дом 38 стр.1

Аннотация. В центре внимания публикации – модальные глаголы немецкого языка, использованные во вторичном значении, и их аналоги в русском языке. Особенность немецких модальных глаголов во вторичном употреблении заключается в том, что они являются двуплановыми дейктиками и передают различные типы дейктичных модальных значений. Цель данной публикации заключается в том, чтобы описать типологию значений модальных глаголов немецкого языка в дейктичном употреблении и раскрыть вопрос о функциональных аналогах, используемых в русском языке. Гипотеза исследования заключалась в следующем: полными функциональными эквивалентами немецких модальных глаголов в русском языке могут быть только частицы как грамматикализованные показатели и многоплановые дейктики. При проведении исследования применялись следующие методы: сопоставительный метод, метод контекстуального анализа, трансформационный и описательный метод. В ходе исследования были проанализированы примеры, отобранные из немецких корпусов DWDS и DEWAC16A, а также из Национального корпуса русского языка, в частности из основного и параллельного подкорпусов. Анализ высказываний из основного и параллельного корпуса русского языка позволил увидеть, что полными функциональными аналогами в русском языке, обладающими двуплановой дейктичностью, можно считать частицы *мол*, *дескать* и *якобы*. Неполные функциональные эквиваленты немецких глаголов *müssen*, *dürfen* и *mögen* в русском языке – это вводные слова *судя по всему*, *вероятно*, *может быть*, *возможно*. В случае употребления вводного слова *судя по всему* значение эвиденциальности прослеживается более отчетливо, в то время как эпистемичность может иметь, а может и не находить своего выражения: это подтверждается тем, что *судя по всему* не имеет ограничений на синтаксическое употребление. При употреблении вводных слов *вероятно*, *может быть*, *возможно* преимущественно передаётся либо эпистемичность, либо инференциальная эвиденциальность, определяемая по контексту. Двуплановой дейктичностью и, соответственно, полной функциональной эквивалентностью можно считать модальный предикатив *должно быть*: он обладает значением инференциальной эвиденциальности, сопряжённым с эпистемичностью. Полученные результаты важны для выявления не только семантической, но и функциональной эквивалентности модальных показателей, обладающих двуплановой дейктичностью, в немецком и русском языках.

Ключевые слова: дейктичность, модальные глаголы, немецкий язык, функциональные эквиваленты, эвиденциальность, эпистемичность

Для цитирования: Аверина А.В. (2024). Немецкие модальные глаголы во вторичном значении и их аналоги в русском языке. *Филологические науки в МГИМО*. 10(1), С. 8–21. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-1-38-8-21>

1. Введение (INTRODUCTION)

Немецкий язык располагает системой модальных глаголов, способных передавать первичные (деонтичность, волиитивность и алетичность) и вторичные (эпистемичность и эвиденциальность) модальные значения. Автор публикации исходит из того, что употреблённые во вторичном значении модальные глаголы немецкого языка являются двуплановыми дейктиками. Эта идея принадлежит, в первую очередь, Э. Лайсс [15]: она указывает на то, что двуплановая дейктичность, выраженная модальными глаголами немецкого языка, объясняется тем, что в высказывании представлен Ориго-Говорящий и Ориго-Наблюдатель. В случае с Ориго-Говорящим в роли исходного пункта выступает говорящий; соответственно, наблюдатель будет представлять исходную точку отсчёта в ситуации с Ориго-Наблюдателем. Ориго-Наблюдатель может быть представлен в форме 3-го или 1-го лица. В последнем случае речь идёт о том, что Ориго-Говорящий и Ориго-Наблюдатель представлены в одном лице. Проявление и Ориго-Говорящего, и Ориго-Наблюдателя при употреблении модальных глаголов немецкого языка во вторичном значении делает их систему уникальной.

В настоящей публикации представлен анализ семантики модальных глаголов немецкого языка во вторичном значении и их функциональных аналогов в русском языке. Обращение к данному вопросу обусловлено рядом факторов: во-первых, русский язык не располагает системой модальных глаголов, аналогичной таковой в немецком языке; во-вторых, нуждается в освещении вопрос о вариантах языковой репрезентации в русском языке тех смыслов, которые характерны для модальных глаголов немецкого языка во вторичном значении; в-третьих, представляется важным оценить функциональную эквивалентность модальных показателей, обладающих двуплановой дейктичностью, в немецком и русском языках. Этим объясняется **актуальность** данной публикации.

Теоретическая база исследования представлена работами В. Абрахама [6], Г. Дивальд [8], [9], [10], М.Л. Котина [11], [12], [13], А. Зоцки [18], Дж. Лайонза [16], Ф. Палмера [17], М. Турмэр [19], [20] и др. лингвистов. Большую значимость представляют собой работы Г. Дивальд [8], [9], [10] о дейктичных значениях модальности и эвиденциальности. Дейктичны не все модальные значения – прежде всего речь идёт об эпистемичности (значении предположения) и инференциальной эвиденциальности. Инференциальная эвиденциальность находит проявление в случае, если сам говорящий выступает в роли источника информации, базируясь на собственных умозаключениях, наблюдениях или опыте. Репортативная эвиденциальность предполагает указание на 3-е лицо как на источник информации [18]. В. Абрахам [6] раскрывает вопрос о том, что показатели эпистемической модальности/инференциальной эвиденциальности разноплановы по дейктичным свойствам, а несомненной заслугой Э. Лайсс [15] можно считать теоретическое обоснование двуплановости дейктичности модальных глаголов. Одно из значимых наблюдений М.Л. Котина [11] состоит в том, что степень появления дейктичности зависит от степени грамматикализованности языковой единицы. Соответственно, двуплановые дейктики обладают большей степенью грамматикализованности, чем одноплановые.

Цель данной публикации – описание типологии значений модальных глаголов немецкого языка в дейктичном употреблении и раскрытие вопроса о функциональных аналогах, используемых в русском языке. Цель определила следующие **задачи**: 1) структурировать виды значений, передаваемых модальными глаголами немецкого языка, во вторичном употреблении; 2) выстроить типологию этих значений; 3) определить функциональные эквиваленты в немецком и русском языках в соответствии с выявленными значениями и 4) показать степень грамматикализации русских аналогов немецких модальных глаголов. **Гипотеза** исследования заключается в следующем: поскольку русский язык не располагает обширной системой модальных глаголов как в немецком языке, двуплановая дейктичность может находить свою реализацию в системе модальных частиц как грамматикализованных единиц.

Как справедливо отмечает В.Б. Кашкин, языки несопоставимы на уровне отдельно взятой формы [5, с. 47], а значение в переводе передаётся «через контекстуальный комплекс разноразрядных средств» [там же, с. 49]. Соответственно, вслед за А.В. Бондарко [3], [4] в работе В.Б. Кашкина предлагается говорить о грамматико-контекстуальном комплексе, под которым понимаются частные случаи суммарного действия грамматических, лексических и контекстуальных средств, используемых для реализации одной грамматической функции [5, с. 49]. При сопоставлении определяется общая функция, находящаяся в языках различного типа свою реализацию. В данном случае целесообразно определить, что именно является базой для сопоставления, или, как пишет В.Б. Кашкин, «грамматическим интегралом» [Там же]. Под ним исследователь понимает конкретно-языковые случаи разных вариантов реализации контекстуальных комплексов, объединённых некоторым общим ‘правилом’ [Там же]. Автор публикации склоняется к тому, что в роли Tertium Comparationis (базы для сопоставления) можно рассматривать двуплановую дейктичность как грамматическое свойство модальных глаголов немецкого языка. Первый дейктичный план обусловлен наличием Ориго-Наблюдателя (в примере (1) в его роли выступает 3-е лицо), второй дейктичный план – это Ориго-Говорящий:

(1) *Er soll zirka 1 Stunde mit dem e 55 telefoniert haben*¹.

‘Говорят, что он около часа говорил по телефону с e 55’.

В примере (1) модальный глагол *sollen* служит для указания на источник сообщаемой информации (в значении «говорят, что ...»). В русском языке (2) эту функцию выполняет частица *мол*, сравним:

(2) *Это не какое-то волшебство: мол, вылили чашку кофе – и всё, начали терять килограммы с безумной скоростью*².

Как видно из (2), наряду со значением репортативной эвиденциальности в высказывании выражена и определённая доля сомнения, то есть эпистемическая модальность.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в курсе сопоставительной типологии немецкого и русского языков; они также могут быть полезны специалистам в области компьютерной лингвистики, разрабатывающих автоматическое распознавание тональности высказываний. В **теоретическом** отношении работа вносит определённый вклад в описание принципов сопоставительного исследования модальных показателей в языках различного строя.

2. Материал и методы исследования (METHODOLOGY AND MATERIALS)

В качестве материалов исследования послужили корпусные данные: примеры были отобраны из немецких корпусов DWDS и DEWAC16A, а также из Национального корпуса русского языка, в частности из основного и параллельного подкорпусов. В отдельных случаях рассматривались отрывки, взятые из немецкой художественной литературы. Всего было отобрано и проанализировано свыше 200 примеров, содержащих модальные глаголы немецкого языка во вторичном значении, и их переводы на русский язык.

При работе с фактическим материалом были использованы следующие методы: сопоставительный метод, метод контекстуального анализа, трансформационный и описательный метод. Посредством описательного метода были проанализированы виды значений, передаваемые модальными глаголами немецкого языка во вторичном значении, а также их эквиваленты в русском языке. Метод контекстуального анализа позволил определить условия, при которых помимо репортативной эвиденциальности может быть выражена эпистемичность. Сопоставительный анализ был использован для определения функциональной эквивалентности немецких и русских

¹ DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: www.webcorpora.org (дата обращения: 1.05.2023-1.06.2023).

² Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

грамматикализованных форм выражения модальных значений. Посредством использования трансформационного анализа была показана разница между показателями алетической и эпистемической модальности, а также инференциальной эвиденциальности.

3. Результаты исследования, их анализ и их обсуждение (RESULTS, ANALYSIS AND DISCUSSION)

Остановимся на анализе вторичных значений, передаваемых модальными глаголами немецкого языка, и проанализируем функциональные эквиваленты в русском языке.

Модальный глагол *müssen* во вторичном значении передаёт в высказывании высокую степень вероятности существования факта/ситуации. По мнению Э. Лайсс, связано это с тем, что Ориго-Говорящий и Ориго-Наблюдатель – одно лицо [15]. В данном случае можно говорить о том, что передаётся значение инференциальности как косвенной эвиденциальности, поскольку говорящий сам делает выводы на основе имеющихся у него доказательств³. Действительно, посредством использования данного глагола говорящий оценивает высокую вероятность факта на основе своих наблюдений и сделанного умозаключения, то есть передаётся одновременно значение инференциальной эвиденциальности и эпистемичности, что и обуславливает двуплановую дейктичность, например:

(3) *Das muss er ja richtig **geplant haben**, man läuft doch sonst nicht einfach mit einem Fernglas herum*⁴.

(4) *Zudem weisen verschiedene Hormonwerte darauf hin, dass er zum Zeitpunkt der Verbrennung bereits tot oder bewusstlos **gewesen sein muss***⁵.

(5) *Jemand muss es sich also **angesehen haben***⁶.

В приведённых примерах предположение говорящего базируется на его умозаключении и касается положения дел в прошлом, поскольку *müssen* выступает в комбинации с формой *Infinitiv II*. Использование модального глагола *müssen* в сочетании с формой *Infinitiv I* позволяет говорящему выразить своё умозаключение на основе наблюдаемой ситуации в настоящий момент времени:

(6) *Das muss eine Verwechslung **sein!***⁷

(7) *Das muss eine starke Persönlichkeit **sein***⁸.

В одной из публикаций автора было показано, что одноплановые и двуплановые дейктики не могут быть использованы в условных придаточных, а также в объектных, если предикат главного предложения фактивен. Трёхплановые дейктики, в роли которых выступают модальные частицы немецкого языка, исключены в придаточных места, в то время как одноплановые и двуплановые дейктики там возможны [7]. Соответственно, использование модальных глаголов немецкого языка во вторичном значении невозможно в условных и в объектных придаточных, если предикат главного предложения является фактивным:

(6') *Er bedauert, dass das eine Verwechslung **sein muss**.*

(7') *Wenn ich merke (***gemerkt haben muss**), die Firma ist in einer schwierigen Lage, dann versuche ich, mehr dort zu sein und mein Partner übernimmt dafür zu Hause.*

В качестве русских эквивалентов немецкого глагола *müssen* во вторичном значении можно рассматривать вводное слово должно быть:

³ В зарубежной германистике указывается на существование прямой и косвенной эвиденциальности. В случае с косвенной эвиденциальностью говорящий делает выводы на основе имеющихся у него доказательств. Как отмечается в работе А. Зоцки, в области косвенной эвиденциальности заключения могут базироваться как на восприятии, так и на основе других источников информации: «Typologische Untersuchungen haben gezeigt, dass im Bereich der direkten Evidenz die Unterscheidung zwischen der visuellen und nicht-visuellen Wahrnehmung wesentlich ist, im Bereich der indirekten Evidenz die Unterscheidung zwischen den wahrnehmungsbasierten und den nicht-wahrnehmungsbasierten Inferenzen» [13, S. 43].

⁴ DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

⁵ DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

⁶ DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

⁷ DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

⁸ DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

(8) *Когда его перевернули, стало видно, что он, должно быть, недолго мучился, – на лице у него было такое спокойное выражение, словно он был даже доволен тем, что всё кончилось именно так»⁹.*

Анализ параллельного корпуса показывает, что вводное слово должно быть является наиболее типичным при передаче вторичного значения модального глагола *müssen*, сравним:

(9) *«Hier ist der Degen eines deutschen Majors», sagte er.» Er muss ihn in der Aufregung vergessen haben, ein fluchwürdiges Verhalten für einen deutschen Offizier (E.M. Remarque. Der Himmel kennt keine Günstlinge)¹⁰.*

(9¹) – *Смотри-ка, сабля немецкого майора, – сказал он. – Должно быть, забыл впопыхах, какой позор для немецкого-то офицера!* (перевод М.Л. Рудницкого)¹¹.

(10) *Ihm war, als höre er Schritte in der Wohnung. Das mußte ein Irrtum sein (D. Noll. Die Abenteuer des Werner Holt. Roman einer Jugend)¹².*

(10¹) *Хотьму слышались шаги в коридоре. Но он, должно быть, ошибся!* (перевод В. Курелла, Р. Гальпериной)¹³.

В русском языке вводное слово *должно быть* можно рассматривать как показатель инференциальной эвиденциальности и эпистемичности. Оно также не может быть использовано в придаточных объектных при фактивном предикате главного предложения и в придаточных условия, что подтверждает его нефактивность и дейктичность:

(11) *Он сожалеет, что (*должно быть) мало услышал о театрально-концертной деятельности Москвы¹⁴.*

(12) *Приказ понят правильно, если он (*должно быть) приводит к правильному результату¹⁵.*

Сказанное позволяет заключить, что передаваемое модальным глаголом *müssen* значение эквивалентно таковому в русских высказываниях с вводным словом *должно быть* – об этом свидетельствуют и схожие значения анализируемых единиц.

Модальный глагол *können* также способен выступать в первичном и вторичном значении. Специфика значений этого глагола уже была проанализирована в одной из публикаций автора. С опорой на концепцию Э. Лайсс [15] было показано, что немецкий глагол *können* и русский глагол *мочь* являются базовыми, маркируя алетическую модальность. При определённых условиях интерпретация немецкого *können* и русского *мочь* меняется в зависимости от аспектуальных свойств формы *Infinitiv*, семантических ролей актантов и наличия отрицания [2]. В сочетании с формой *Infinitiv II* модальный глагол *können* кодирует предположение говорящего, степень уверенности при этом несколько ниже, чем в случае употребления модального глагола *müssen* во вторичном значении. Анализ корпусных данных позволил сделать наблюдение, что глагол *können* при этом использован в форме *Konjunktiv II*. Рассмотрим примеры:

(13) *Jetzt hat sie Angst, das könnte ein großer Fehler gewesen sein¹⁶.*

(14) *Genau die könnte den Umschwung in den Umfragen bewirkt haben, ÖVP und FPÖ sind heute in der Ausländerpolitik kaum noch zu unterscheiden¹⁷.*

По мнению Э. Лайсс (2011) [15] модальный глагол *können* нецелесообразно рассматривать как двуплановый дейктик: говорящий не является источником информации. В высказываниях (13) и (14) находит реализацию либо эпистемичность, то есть дейктическое модальное значение, либо

⁹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

¹⁰ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

¹¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

¹² Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

¹³ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

¹⁴ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

¹⁵ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

¹⁶ DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

¹⁷ DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

алетическая модальность, не входящая в сферу дейктических модальных значений. В качестве русского эквивалента в данном случае можно рассматривать глагол русского языка *мочь* или вводное слово *возможно*:

(15) *Das, ähm, das könnte auch ein Irrtum gewesen sein* (C. Funke. Herr der Diebe)¹⁸.

(15') **Возможно**, м-м-м, возможно, это было какое-то недоразумение (перевод М.Л. Рудницкого)¹⁹.

(16) «*Wahrscheinlich hatte sie eine Herzattacke, verlor das Bewußtsein und ertrank*», *meinte Witold*,» **das könnte doch ganz lautlos geschehen sein** (I. Noll. Der Hahn ist tot)²⁰.

(16') – **Возможно**, у неё случился сердечный приступ, от которого она потеряла сознание и утонула, – предположил Витольд. – Это могло произойти без единого звука (перевод О.А. Соколовой)²¹.

Модальное слово *возможно* как показатель эпистемичности и, соответственно, дейктической модальности, не может быть использовано в придаточных условия и объектных при фактивном предикате главного предложения, в то время как глагол *мочь* вполне допустим, сравним:

(17) **Если он мог** прийти к нам из прошлого века, то он мог и уйти туда²².

(18) Позже он сожалеет, что (***возможно**) предал разрушению столько городов, но остановить действие своего проклятия не в силах²³.

Таким образом, глагол *können* может выступать либо как показатель алетической (недейктической), либо эпистемической (дейктической) модальности. В первом случае в русском языке в роли эквивалента выступает глагол *мочь*, во втором случае – модальное слово *возможно*, которое выступает как одноплановый дейктик и, соответственно, как маркер дейктического (эпистемического) модального значения. Как видно из примеров (15') и (16'), значение инференциальной эвиденциальности не прослеживается.

Рассмотрим модальные глаголы *dürfen* и *mögen* во вторичном значении. Глагол *dürfen*, используемый для выражения предположения говорящего, имеет форму Konjunktiv II. В одной из работ автора публикации [1], с опорой на исследования Г. Дивальд, было отмечено, что глагол *dürfen* (*dürfte*) имеет ярко выраженный анафорический характер, указывая на те обстоятельства, которые привели говорящего к соответствующему выводу (*ich folgere daraus, dass es wahrscheinlich ist, dass...; ich folgere daraus, dass mir die Vermutung erlaubt ist, dass... / я заключаю из этого, что это возможно так; предположение позволяет мне говорить о том, что...*) [8, с. 242]. Это можно проследить на примере следующих высказываний:

(19) *Der 49 Jährige hatte vermutlich einen Herzinfarkt erlitten und wird nun in der Uniklinik weiter behandelt. Das schnelle Handeln der noch jungen Streifenwagenbesatzung **dürfte** dem Mann das Leben gerettet haben*²⁴.

(20) *Es gab noch keine Tickets und gut ist!!! das **dürfte** mittlerweile jeder **mitbekommen haben** ... wenn da überhaupt wer ernsthaft drauf reingefallen ist*²⁵.

В приведённых примерах говорящий выражает своё предположение с опорой на имеющийся опыт – в данных высказываниях кодирован двухплановый дейксис: эпистемическая модальность и инференциальная эвиденциальность. Как показывает анализ корпусных данных, в русском языке в качестве аналогов могут быть использованы следующие показатели: модальный глагол *мочь*, вводное слово *вероятно* или оборот *судя по всему*, сравним:

¹⁸ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

¹⁹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

²⁰ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

²¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

²² Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

²³ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

²⁴ DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: www.webcorpora.org (дата обращения: 1.06.2023-1.08.2023).

²⁵ DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: www.webcorpora.org (дата обращения: 1.06.2023-1.08.2023).

(21) *Umso mehr dürfte es Blomberg befriedigt haben, als er einige Monate später zur Inspektion in die UdSSR reiste und die dortigen gemeinsamen Unternehmungen» in bestem Zustand «fand (R.-D. Müller. Der Feind steht im Osten: Hitlers geheime Pläne für einen Krieg gegen die Sowjetunion im Jahr 1939)²⁶.*

(21') *Тем большее удовлетворение мог испытывать Бломберг, когда несколько месяцев спустя он отправился с целью проведения инспекции в СССР и обнаружил совместные предприятия «в наилучшем состоянии» (перевод С. Визгиной, Д. Шаповаленко)²⁷.*

(22) *Stalin dürfte über diese Abfuhr aus Deutschland nicht erfreut gewesen sein (R.-D. Müller. Der Feind steht im Osten: Hitlers geheime Pläne für einen Krieg gegen die Sowjetunion im Jahr 1939)²⁸.*

(22') *Сталин, вероятно, был недоволен таким отказом Германии (перевод С. Визгиной, Д. Шаповаленко)²⁹.*

(23) *Beck dürfte die Anschauungen seiner Vorgänger als Generalstabschef des Heeres geteilt haben (R.-D. Müller. Der Feind steht im Osten: Hitlers geheime Pläne für einen Krieg gegen die Sowjetunion im Jahr 1939)³⁰.*

(23') *Бек, находясь в должности начальника генерального штаба сухопутных войск, судя по всему, разделял воззрения своих предшественников (перевод С. Визгиной, Д. Шаповаленко)³¹.*

Модальный глагол *mочь* не относится к маркерам дейктической (эпистемической) модальности, его можно рассматривать как показатель алетической модальности, который при определённых условиях может получить интерпретацию как эпистемичный. Модальное слово *вероятно* выступает как эпистемичный показатель, то есть как одноплановый дейктик, поскольку указывает только на степень вероятности факта. Обращает на себя внимание тот факт, что эпистемичный маркер не может быть использован в объектных придаточных при фактивном предикате в главном предложении и в условных, в то время как вводное слово *судя по всему* – может, поскольку является исключительно эвиденциальным показателем, при употреблении которого значение эпистемичности не проявляется, сравним:

(17') *Если он (*вероятно, +судя по всему) мог прийти к нам из прошлого века, то он мог и уйти туда³².*

(18') *Позже он сожалеет, что (*вероятно, +судя по всему) предал разрушению столько городов, но остановить действие своего проклятия не в силах³³.*

Использованные в роли аналогов немецкого глагола *dürfen* средства русского языка передают либо алетическую, либо эпистемическую, либо эвиденциальную семантику, а двуплановая дейктичность фактически не прослеживается. На основании синтаксических свойств русских аналогов немецкого *dürfen* во вторичном значении можно заключить, что не все они обладают свойством дейктичности и, соответственно, не обладают полной функциональной идентичностью.

Модальный глагол *mögen* передаёт предположение говорящего, базирующееся на его убеждениях и опыте, то есть в данном случае тоже прослеживается значение инференциальной эвиденциальности и эпистемичности, например:

(24) *Wer denen nachrennt, mag ein «Bedürfnis nach Führung» verspüren³⁴.*

(25) *Es mag ein bisschen hirnlos sein, mit dem Motorrad 2.000 Kilometer nach Biarritz zu fahren, um da zu surfen, Musik zu hören und anderer Typen Motorräder anzugaffen³⁵.*

В русском языке для передачи значения данного типа, как правило, используют вводное слово *может быть*. Это подтверждают корпусные данные:

²⁶ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

²⁷ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

²⁸ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

²⁹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

³⁰ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

³¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

³² Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

³³ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

³⁴ DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

³⁵ DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

(26) *Mag sein, dass ich in eurer Welt nicht viel ausrichten kann, aber in der Geisterwelt bin ich eine ziemlich große Nummer* (K. Gier. Smaragdgrün)³⁶.

(26') *Может быть, в вашем мире я и не могу многого сделать, но в мире призраков я по-настоящему важная персона* (перевод С. Вольштейн)³⁷.

(27) *Mag sein, dass sie bei der Uefa im Moment auch nicht so genau wissen, wer denn in diesen Tagen beim Deutschen Fußball-Bund der geeignete Ansprechpartner bei solchen Fragen ist, mag sein, dass irgendeine Regel den Verbänden diktiert, partout den vorangegangenen Weltmeisterschaftsgastgeber als Ersatzkandidaten zu pitchen – jedenfalls, so schreiben die französischen Kollegen, steht nun Russland bereit*³⁸.

(27') *Может, функционеры УЕФА просто не знали, с кем поговорить на эту тему в Немецкой федерации футбола. Или есть какое-то правило, предписывающее футбольным федерациям просто-напросто рассматривать в качестве запасного варианта страну, принимавшую Чемпионат мира в прошлый раз. Но, как бы то ни было, французские коллеги пишут, что Россия готова* (К. Беккер. Спасительница Россия)³⁹.

Вводное слово *может быть* является одноплановым дейктиком и участвует в передаче эпистемичности, то есть предположения. Как показатель дейктической модальности оно не может быть использовано в придаточных условия и объектных при фактивном предикате в главном предложении:

(17'') *Если он (*может быть) мог прийти к нам из прошлого века, то он мог и уйти туда*⁴⁰.

(18'') *Позже он сожалеет, что (*может быть) предал разрушению столько городов, но остановить действие своего проклятия не в силах*⁴¹.

Высказывания с модальным глаголом *mögen* во вторичном значении зачастую имеют уступительный характер, на что в своих работах обратила внимание Г. Дивальд [8, с. 243]. Анализ предложений с этим глаголом позволяет заметить, что высказанное говорящим обстоятельство не является каким-либо препятствием:

(28) *Macron mag der größte Visionär Europas, Merkel die beste «Klempnerin» der Welt sein (Zitat von einem deutschen Industriellen), doch zusammengefunden haben sie trotz oder wegen Martin Schulz noch nicht, um die EU zu reparieren*⁴².

(29) *Das Foto mag irreführend gewesen sein, aber es verriet eine tiefere Wahrheit*⁴³.

(30) *Deren Toleranz mag ihn verwirren und befremden – uns bedeutet sie Freiheit*⁴⁴.

В русском языке в предложениях с уступительной семантикой модальный показатель может факультативен:

(31) *Mag sein, dass ich in eurer Welt nicht viel ausrichten kann, aber in der Geisterwelt bin ich eine ziemlich große Nummer* (K. Gier. Smaragdgrün)⁴⁵.

(31') *Может быть, в вашем мире я и не могу многого сделать, но в мире призраков я по-настоящему важная персона* (перевод С. Вольштейн)⁴⁶.

(32) *«Mag schon sein», sagte Henry, » aber im Prinzip ist doch ein Schal leicht ersetzbar, überhaupt: Alles ist er setzbar – auf irgendeine Weise* (S. Lenz. Fundbüro)⁴⁷.

³⁶ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

³⁷ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

³⁸ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

³⁹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

⁴⁰ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

⁴¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

⁴² DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

⁴³ DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

⁴⁴ DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

⁴⁵ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

⁴⁶ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

⁴⁷ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

(32) – *Вполне **может быть**, – согласился Генри, – но в принципе любой шарф легко заменим, да и вообще, всё можно заменить, не тем, так другим* (перевод Г. М. Косарик)⁴⁸.

(33) *Nein doch! Lessi **mag** ein nettes Mädchen sein, aber ich hätte mich nimmermehr in sie verliebt* (I. Noll. Der Hahn ist tot)⁴⁹.

(33') – *Да нет же! Лесси милая девушка, но я отношусь к ней по-дружески* (перевод О.А. Соколовой)⁵⁰.

Таким образом, можно заключить, что модальный глагол *tögen*, использованный во вторичном значении, можно рассматривать как двуплановый дейктик, поскольку передаётся значение эпистемичности и инференциальной эвиденциальности. В качестве русского эквивалента можно рассматривать вводное слово *может быть* как показатель эпистемической модальности.

Немецкий модальный глагол *sollen* во вторичном значении можно рассматривать как маркер репортативной эвиденциальности: в высказывании с этим глаголом передаётся отсылка к 3-му лицу как к источнику информации, при этом сам этот источник чётко не определён. В случае употребления глагола *sollen* во вторичном значении можно выделить ситуации двух типов: в первом случае говорящий не выражает своего отношения к излагаемой информации, во втором, напротив, прослеживается некоторая доля сомнения. Сравним следующие высказывания:

(34) *1909 **soll** Kaiser Franz Joseph aus dieser Flasche getrunken haben», erzählt er und muss dabei ein wenig lachen*⁵¹.

(35) *Der junge Mann **soll** nach dem Messerangriff auf den 59-jährigen Fahrer in der Nacht zum Mittwoch vergangener Woche möglicherweise blutverschmiert in Richtung Karolinenviertel **geflüchtet sein**, teilte die Polizei am Dienstag mit*⁵².

В приведённых предложениях модальный глагол *sollen* в сочетании с формой *Infinitiv II* служит для указания на источник сообщаемой информации, речь идёт исключительно о репортативном эвиденциальном значении. Дополнительно сомнение говорящего не выражено. В некоторых случаях наряду с репортативной эвиденциальностью может быть выражено сомнение, сравним:

(36) *Das Unglück des Menschen rührt daher, dass er nicht still in seinem Zimmer bleiben will, dort, wo er hingehört. Sagt Pascal. Aber Pascal war ein großer Mann gewesen, ein Frangipani des Geistes, ein Handwerker recht eigentlich, und ein solcher ist heute nicht mehr gefragt. Jetzt lesen sie **aufwieglerische Bücher** von Hugenotten oder Engländern. Oder sie schreiben Traktate oder **sogenannte wissenschaftliche Großwerke**, in denen sie alles und jedes in Frage stellen. Nichts mehr **soll** stimmen, alles **soll** jetzt plötzlich anders sein. In einem Glas Wassers **sollen** neuerdings ganz kleine Tierchen schwimmen, die man früher nicht gesehen hat; die Syphilis **soll** eine ganz normale Krankheit sein und keine Strafe Gottes mehr; Gott **soll** die Welt nicht an sieben Tagen erschaffen haben, sondern in Jahrmillionen, wenn er es überhaupt war [...]*.

Двуплановая дейктичность в предложениях с модальным глаголом *sollen* во вторичном значении проявляется на уровне контекста: один из героев произведения – Балдини – выражает своё недовольство нравами современного общества и сомневается в истинности высказываемых им утверждений и моральных норм.

Модальный глагол *wollen* можно также рассматривать как маркер репортативной модальности. В случае с *wollen* источник информации чётко определён:

(37) *Die Dame **soll** nämlich erst 17 Jahre alt und damit minderjährig gewesen sein, wovon Ribéry, laut französischer Staatsanwaltschaft, nach einer ersten Einlassung nichts **gewusst haben will***⁵⁴.

(38) *Der Mann **will** die Leiche dann im Wald versteckt haben und in die Wohnung der Toten **gezogen sein***⁵⁵.

⁴⁸ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

⁴⁹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

⁵⁰ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

⁵¹ DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

⁵² DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

⁵³ Süskind P. Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders. Zürich: Diogenes Verlag, 1994. 319 S.

⁵⁴ DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

⁵⁵ DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

По мнению Э. Лайсс, в предложениях с модальным глаголом *wollen* передаётся высокая степень неуверенности со стороны говорящего [15, с. 160-162]. Анализ фактического материала позволяет заметить, что, действительно, в некоторых случаях может проявляться сомнение говорящего:

(39) *Ich habe es nicht mit Absicht gemacht», sagt der türkischstämmige Deutsche Bahtiyar Duysak jetzt im Gespräch mit dem IT-PortalTechcrunch. Er will Trump die elfminütige Sendepause an seinem letzten Arbeitstag verpasst haben*⁵⁶.

В русском языке значение репортивной эвиденциальности передаётся в высказываниях с модальными частицами *дескать*, *мол* и *якобы*. В предложениях с этими частицами зачастую находит своё проявление и некоторая доля сомнения говорящего:

(40) *Не зря накануне премьеры «Трёх сестер» тот же Чехов угрожал в одном из писем: вот, дескать, провалится пьеса, так поеду проигрывать в Монте-Карло*⁵⁷.

(41) *При нём фонд стал использовать метод трудотерапии, воспетый ещё Макаренко: наркоманов отправляют на лесопилки и расчистку улиц – мол, тяжёлый физический труд освободит их от наркозависимости*⁵⁸.

(42) *При подписании договоров силовикам якобы пообещали так называемые комиссионные в размере \$ 6 млн.*⁵⁹.

Модальные частицы, использованные в высказываниях, можно рассматривать как двуплановые дейктики: они служат для выражения репортивной эвиденциальности и эпистемичности. Их можно рассматривать как полные функциональные аналоги немецких модальных глаголов *sollen* и *wollen* во вторичном значении.

Таким образом, модальные глаголы немецкого языка, являющиеся двуплановыми дейктиками, способны передавать одновременно эпистемические и эвиденциальные значения. В немецком языке можно говорить о следующих ситуациях в случае употребления модальных глаголов во вторичном значении⁶⁰:

(1) в предложении передаётся инференциальная эвиденциальность и эпистемичность: Ориго-Говорящий и Ориго-Наблюдатель – одно лицо. Эта ситуация имеет место при употреблении модальных глаголов *müssen*, *dürfen* и *mögen*;

(2) в предложении передаётся репортивная эвиденциальность и эпистемичность: Ориго-Говорящий и Ориго-Наблюдатель – разные лица. Эта ситуация имеет место при употреблении модальных глаголов *wollen* и *sollen*. В некоторых случаях позиция Ориго-Говорящего не прослеживается.

В русском языке в роли функциональных аналогов немецких модальных глаголов выступают вводные слова, модальные частицы, модальный глагол *мочь* в форме прошедшего времени. Представим в обобщённом виде варианты передачи перечисленных типов ситуаций в русском языке:

(1) значения эвиденциальности или эпистемичности могут быть переданы вводными словами *судя по всему*, *вероятно*, *может быть*, *должно быть*, *возможно*. В случае употребления вводного слова *судя по всему* значение эвиденциальности прослеживается более отчётливо, в то время как эпистемичность может иметь, а может и не находить своего выражения: это подтверждается тем, что *судя по всему* не имеет никаких ограничений на синтаксическое употребление. При употреблении вводных слов *вероятно*, *может быть*, *возможно* преимущественно передаётся эпистемичность, а значение инференциальной эвиденциальности может быть выявлено только из контекста; вводное слово *должно быть* обладает значением инференциальной эвиденциальности,

⁵⁶ DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

⁵⁷ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

⁵⁸ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

⁵⁹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022 – 25.01.2023).

⁶⁰ Предложенные типы ситуаций составлены в соответствии с концепцией Э. Лайсс. Справедливо в этой связи её наблюдение о том, что оценка степени вероятности при употреблении модальных глаголов во вторичном значении зависит непосредственно от того, являются ли Ориго-Говорящий и Ориго-Наблюдатель разными лицами или одним лицом [12].

сопряжённым с эпистемичностью; вводные слова *вероятно*, *может быть*, *возможно* и *должно быть* как дейктичные показатели не могут быть использованы в объектных придаточных при фактивном предикате в главном и в условных;

(2) значение репортативной эвиденциальности и эпистемичности может быть передано посредством использования частиц *мол*, *дескать* и *якобы*. Дополнительная оценка степени вероятности зависит от контекста и ситуации.

В систематизированном виде грамматическая семантика модальных глаголов немецкого языка, употреблённых во вторичном значении, а также русские эквиваленты представлены в таблице 1:

Таблица 1: Типология значений модальных глаголов немецкого языка в дейктичном употреблении и их функциональные эквиваленты в русском языке

Тип значения в немецком языке, передаваемый модальным глаголом	Варианты реализации модального значения в русском языке
Недейктическое модальное значение: алетическая модальность (<i>können</i> + <i>Infinitiv I</i>)	Модальный глагол <i>мочь</i> (алетическая модальность)
Дейктическое модальное значение: эпистемичность (<i>können</i> + <i>Infinitiv I (II)</i>)	Модальное слово <i>возможно</i> (эпистемическое значение)
Двуплановая дейктичность (инференциальная эвиденциальность, основанная на умозаключении + эпистемичность) (<i>müssen</i> + <i>Infinitiv I (II)</i>)	Модальный предикатив <i>должно быть</i> (инференциальная эвиденциальность + эпистемичность)
Двуплановая дейктичность (инференциальная эвиденциальность, основанная на личном опыте + эпистемичность) (<i>dürfen</i> + <i>Infinitiv I (II)</i>)	<ul style="list-style-type: none"> • Модальный глагол <i>мочь</i> (алетическое значение) • вводное слово <i>судя по всему</i> (эвиденциальное значение) • модальное слово <i>вероятно</i> (эпистемическое значение)
Двуплановая дейктичность (инференциальная эвиденциальность, основанная на размышлениях говорящего + эпистемичность) (<i>mögen</i> + <i>Infinitiv I (II)</i>)	<ul style="list-style-type: none"> • Модальный глагол <i>мочь</i> (алетическое значение) • вводное слово <i>может быть</i> (эпистемическое значение)
Двуплановая дейктичность (репортативная эвиденциальность (+ эпистемичность): <i>sollen</i> , <i>wollen</i> + <i>Infinitiv I (II)</i>)	Репортативная эвиденциальность + эпистемическая модальность: частицы <i>мол</i> , <i>дескать</i> , <i>якобы</i>

В целом можно заключить, что двуплановая дейктичность, кодированная в системе немецких модальных глаголов, употреблённых во вторичном значении, характерна только для русских модальных частиц *дескать*, *мол* и *якобы* и вводного слова *должно быть*. При использовании вводного слова *судя по всему* преобладает значение эвиденциальности; *вероятно*, *может быть*, *возможно* эпистемичны. Речь идёт об одноплановых дейктиках, не являющихся полными функциональными синонимами немецких модальных глаголов во вторичном употреблении.

4. Заключение (CONCLUSION)

Цель данной публикации состояла в выявлении функциональных эквивалентов немецкого и русского языков, способных передавать эпистемические и эвиденциальные значения одновременно. Было показано, что русские частицы *дескать*, *мол* и *якобы* функционально эквивалентны немецким модальным глаголами *sollen* и *wollen* во вторичном значении. Они обладают той же степенью грамматикализованности, что и модальные глаголы *wollen* и *sollen* во вторичном значении. Вводные слова русского языка *судя по всему*, *вероятно*, *может быть*, *возможно*, специфика которых заключается в выражении либо эпистемического, либо эвиденциального значения, проявляют лишь частичную эквивалентность с немецкими модальными глаголами *müssen*, *mögen* и *dürfen* во вторичном значении, поскольку последние передают и значение эпистемической модальности, и инференциальной эвиденциальности одновременно и, как следствие этого, обладают большей степенью грамматикализованности. Это находит отражение в синтаксических свойствах единиц русского языка (например, вводное слово *судя по всему* не имеет ограничений на использование в придаточных предложениях). Двуплановой дейктичностью, то есть способностью передавать

значение эпистемической модальности и инференциальной эвиденциальности, обладает модальный предикатив русского языка *должно быть*. В целом можно заключить, что грамматикализация модальных частиц и модального предикатива в русском языке проявляется в большей степени, чем у модальных слов.

© Аверина А.В., 2024

Список литературы

1. Аверина А.В. Модальный синтаксис немецкого языка. М.: ИИУ МГОУ, 2019. 142 с.
2. Аверина А.В. Модальные значения немецкого глагола können и русского мочь в различных типах контекстов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2023. №6 (874). С. 9-17.
3. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, 1971. 114 с.
4. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М.: УРСС, 2001. 208 с.
5. Кашкин В.Б. Функциональная типология (неопределённый артикль). Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2001. 255 с.
6. Abraham W. Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung // Modalität und Evidentialität. Focus: Trier 2011. S. 125-147.
7. Averina A. Nebensätze des Deutschen und des Russischen aus der Sicht ihrer Modalisierung: Tiefenstruktur und Semantik // Sprachwissenschaft. Heidelberg: Winter Verlag, 2020. Bd. 45. №4. S. 425-471.
8. Diewald G. Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polifunktionalität. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1999. 464 S.
9. Diewald G. Faktizität und Evidentialität: Semantische Differenzierungen bei den Modal- und Modalitätsverben im Deutschen // Tempus / Temporalität und Modus / Modalität im Sprachenvergleich. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2004. S. 231-258.
10. Diewald G. Modus und Modalverben – Kategorisierungsoptionen im grammatischen Kernbereich der Modalität // Funktionen der Modalität. Berlin, Boston: De Gruyter, 2013. S. 77-110.
11. Kotin M.L. Die Sprache in statu movendi. Bd. 1. Heidelberg: Winter Verlag, 2007. 274 S.
12. Kotin M. Ik gihorta dat seggen...Modalität, Evidentialität, Sprachwandel und das Problem der grammatischen Kategorisierung // Modalität und Evidentialität. Trier: Focus, 2011. S. 35-48.
13. Kotin M.L. Modalitäten // Zeitschrift des Verbandes polnischer Germanisten. Wydawnitwo Uniwersytetu Jagiellonskiego: Jagiellonian University Press, 2012. S. 140-158.
14. Leiss E. The silent and aspect-driven patterns of deonticity and epistemicity: A chapter in diachronic typology // Modality-aspect Interfaces. Implications and typological solutions, 2008. P. 15-42.
15. Leiss E. Lexikalische versus grammatische Epistemicität und Evidentialität: Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik // Modalität und Evidentialität [Fokus 37]. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 2011. S. 149-169.
16. Lyons J. Semantik. Bd. II. München, 1983. 897 S.
17. Palmer F. R. Mood and Modality. 2. Aufl., Cambridge, 2001. 260 p.
18. Socka A. Satzadverbien und Modalverben als Marker der Reportativität im Deutschen und im Polnischen. Reihe: Danziger Beiträge zur Germanistik. Bd. 60, 2021. 570 S.
19. Thurmair M. Modalpartikeln und ihre Kombinationen. Tübingen, 1983. 314 S.
20. Thurmair M. Satztyp und Modalpartikeln // Satztypen des Deutschen. Berlin, 2013. S. 627-651.

References

1. Averina, A.V. *Modal'nyi sintaksis nemetskogo iazyka* [Modal syntax of German]. M.: IIU MGOU, 2019. 142 c.
2. Averina, A.V. *Modal'nye znacheniiia nemetskogo glagola können i russkogo moch' v razlichnykh tipakh kontekstov* [Modal meanings of the German verb können and the Russian moč' in different types of contexts] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2023. №6 (874). S. 9-17.
3. Bondarko, A.V. *Grammaticheskaja kategoriia i kontekst* [Grammar category and the context]. L.: Nauka, 1971. 114 c.
4. Bondarko, A.V. *Printsipy funkcional'noy grammatiki i voprosy aspektologii* [Principles of functional grammar and questions of aspectology]. M.: URSS, 2001. 208 c.
5. Kashkin, V.B. *Funktsional'naja tipologija* (neopredelennyi artikl'). [Functional typology (indefinite article)]. Voronezh: Izd-vo VGTU, 2001. 255 c.
6. Abraham, W. Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung // *Modalität und Evidentialität*. Focus: Trier 2011. S. 125-147.
7. Averina, A. Nebensätze des Deutschen und des Russischen aus der Sicht ihrer Modalisierung: Tiefenstruktur und Semantik // *Sprachwissenschaft*. Heidelberg: Winter Verlag, 2020. Bd. 45. №4. S. 425-471.
8. Diewald, G. *Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polifunktionalität*. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1999. 464 S.
9. Diewald, G. Faktizität und Evidentialität: Semantische Differenzierungen bei den Modal- und Modalitätsverben im Deutschen // *Tempus / Temporalität und Modus / Modalität im Sprachenvergleich*. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2004. S. 231-258.
10. Diewald, G. Modus und Modalverben – Kategorisierungsoptionen im grammatischen Kernbereich der Modalität // *Funktionen der Modalität*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2013. S. 77-110.
11. Kotin, M.L. *Die Sprache in statu movendi*. Bd. 1. Heidelberg: Winter Verlag, 2007. 274 S.

12. Kotin, M. Ik gihorta dat seggen...Modalität, Evidentialität, Sprachwandel und das Problem der grammatischen Kategorisierung // *Modalität und Evidentialität*. Trier: Focus, 2011. S. 35-48.
13. Kotin, M.L. Modalitäten // *Zeitschrift des Verbandes polnischer Germanisten*. Wydawnitwo Uniwersytetu Jagiellonskiego: Jagiellonian University Press, 2012. S. 140-158.
14. Leiss, E. The silent and aspect-driven patterns of deonticity and epistemicity: A chapter in diachronic typology // *Modality-aspect Interfaces. Implications and typological solutions*, 2008. P. 15-42.
15. Leiss, E. Lexikalische versus grammatische Epistemizität und Evidentialität: Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik // *Modalität und Evidentialität* [Fokus 37]. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 2011. S. 149-169.
16. Lyons, J. *Semantik*. Bd. II. München, 1983. 897 S.
17. Palmer, F. R. *Mood and Modality*. 2. Aufl., Cambridge, 2001. 260 p.
18. Socka, A. *Satzadverbien und Modalverben als Marker der Reportativität im Deutschen und im Polnischen*. Reihe: Danziger Beiträge zur Germanistik. Bd. 60, 2021. 570 S.
19. Thurmair, M. *Modalpartikeln und ihre Kombinationen*. Tübingen, 1989. 314 S.
20. Thurmair, M. Satztyp und Modalpartikeln // *Satztypen des Deutschen*. Berlin, 2013. S. 627-651.

Сведения об авторе:

Аверина Анна Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка Московского государственного лингвистического университета (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: грамматика немецкого языка, сравнительная типология немецкого и русского языков. E-mail: Anna.averina@list.ru. ORCID 0000-0002-3117-6362

About the author:

Anna V. Averina, Doctor in Philological Sciences, is Professor at the Department of German Grammar and History, Moscow State Linguistic University; Spheres of research and professional interest: grammar of German, typology of German and Russian. E-mail: Anna.averina@list.ru ORCID 0000-0002-3117-6362

* * *

STRUCTURAL AND SEMANTIC ANALYSIS OF THE CONCEPT 'UNION' IN POLITICAL MEDIA DISCOURSE (COMPARATIVE STUDY OF THE ENGLISH, GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES)

Tatiana K. Ivanova¹, Alina A. Mutallapova¹, Marina A. Chigasheva²

¹ Institute of Philology and Intercultural Communication (Kazan Federal University),
Tatarstan-Str. 2, Kazan, Tatarstan, 420021, Russia

² MGIMO UNIVERSITY,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia

Abstract. The article analyzes the semantic structure of the concept *union* by comparing its semantic markers for different European languages within the media discourse. The purpose of the article is to determine the features of individual meanings expressed through semantic markers in the media discourse of these languages and reflecting the uniqueness of the implementation of the concept *union* in semantic terms. When considering the features of meaning, semantic markers associated with the central concept are established; patterns of their frequency of use in the languages under study and factors influencing the transformation of semantics are determined. The interrelation of situations of communicative interaction and its influence on the realization of the specific meaning of the concept *union* indicate the high relevance of the study.

The choice of linguistic means of implementing the concept and the role of the communicative situation in this process has a significant impact on the negative or positive assessment of the phenomenon itself. The research methodology includes elements of system analysis, linguistic description method, discourse analysis, semantic and component analysis. The study uses statistical data extracted from the corpus corresponding to the declared languages by automatic sampling according to the specified parameters.

The authors conclude that the semantic structure of the concept is realized depending on the communicative situation by various semantic markers, which, with the similarity of structures in the course of historical development and various social experiences, have a divergence of meaning, which may later serve as a space for various kinds of semantic manipulations in modern media discourse. The peculiarities of the use of the concept *union* in politically oriented texts of the studied languages are also of interest.

Keywords: media discourse, concept, *union*, semantic structure, meaning, semantic marker

For citation: Ivanova T.K., Mutallapova A.A., Chigasheva M.A. (2024). Structural and semantic analysis of the concept *union* in political media discourse (comparative study of the English, German and Russian languages). *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(1), pp. 22–34. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-1-38-22-34>

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ *СОЮЗ* В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Т.К. Иванова¹, А.А. Муталлапова¹, М.А. Чигашева²

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420021, Россия, Казань, ул. Татарстан, д. 2

² Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье проводится анализ семантической структуры понятия *союз* путём сопоставления его семантических маркеров для разных европейских языков. Авторы рассматривают особенности формирования и реализации данного концепта в процессе межъязыкового взаимодействия в рамках медиадискурса английского, немецкого и русского языков. Целью статьи является выявление характерных черт формирования отдельных значений, выраженных через семантические маркеры в медиадискурсе данных языков и отражающих своеобразие реализации концепта *союз* в семантическом плане. При рассмотрении особенностей значения устанавливаются семантические маркеры, ассоциативно связанные с центральным понятием, закономерности частотности использования их в исследуемых языках, определяются факторы, воздействующие на трансформацию семантики. Взаимосвязь ситуаций коммуникативного взаимодействия и её влияние на реализацию конкретного значения понятия *союз* свидетельствуют о высокой актуальности исследования.

Выбор лингвистических средств реализации концепта и роли коммуникативной ситуации в этом процессе оказывает значительное влияние на негативацию или положительную оценку самого явления. Методология исследования включает элементы системного анализа, метода лингвистического описания, дискурс-анализа, семантического и компонентного анализа. В ходе исследования используются статистические данные, извлечённые из соответствующих заявленным языкам корпусов методом автоматической выборки по заданным параметрам.

Авторы приходят к выводу о том, что семантическая структура концепта реализуется в зависимости от коммуникативной ситуации различными семантическими маркерами, у которых при сходстве структур в ходе исторического развития и различного общественного опыта наблюдается расхождение смысла, которое может являться в дальнейшем пространством для различного рода смысловых манипуляций в современном медиадискурсе. Интерес представляют и особенности использования в исследуемых языках понятия *союз* в текстах политической направленности.

Ключевые слова: медиадискурс, концепт, 'союз', понятие, семантическая структура, значение, семантический маркер

Для цитирования: Иванова Т.К., Муталлапова А.А., Чигашева М.А. (2024). Структурно-семантический анализ понятия союз в политическом медиадискурсе (сопоставительное исследование английского, немецкого и русского языков). *Филологические науки в МГИМО*. 10(1), С. 22–34. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-1-38-22-34>

1. Введение

В начале XXI века лингвисты большое внимание уделяют сопоставительному анализу различных языков, в особенности проблемам порождения смысла в процессе коммуникации представителей различных языковых сообществ. Интерес вызывает не только и не сколько сам коммуникативный процесс, а проблемы кодировки и декодировки получаемой или передаваемой в процессе общения информации, на которую в свою очередь влияют вид, форма и сама ситуация языкового взаимодействия, а также экстралингвистические факторы, образующие коммуникативное поле, которое вместе с наличием реакции коммуникантов называется дискурсом. К наиболее значимым, с точки зрения оказываемого на жизнь общества воздействия, относится медиадискурс [7], [9]. Самыми распространёнными в медийной сфере являются тексты информирующего и убеждающего характера.

Одну из значимых сфер деятельности человека в современном мире представляет политика, изучение которой с лингвистической точки зрения осуществляется, как правило, в форме исследований политического медиадискурса [1, с. 5-7]. Данный тип институционального дискурса сочетает в себе лингвистические компоненты, свойственные также таким дисциплинам, как политология, философия и экономика. Изучение политического дискурса проводится с использованием разнообразных методов анализа, рассматриваются его структурные, лексико-грамматические, переводческие, концептуальные и стилистические особенности, отражённые в политическом тексте (В. Н. Бутов, О. И. Воробьёва, Н. Р. Гейко, Т. М. Грушевская, В. З. Демьянков, Ю. И. Левшенко, В. А. Маслова, Т. Г. Попова, О. Ф. Русакова, Д. А. Максимов и др.) [3], [4], [12], [13], [20], описываются его прагматические особенности, специфика реализации манипуляторной стратегии, метафоричность значения (Х. Трабелси, Н. А. Сокол, А. П. Чудинов, J. Ball, N. Fairclough и др.) [14, с. 18-22]. Особое место в современном языкознании занимают проблемы понимания политических текстов, так как они отражают многомерные политические контакты и проблемы современного мира [22], [23], [24], [25], [26].

В XXI веке, в эпоху новых технологий и усовершенствованных способов передачи информации, Интернет становится средством и местом межличностного взаимодействия, сферой, где формируется общественное мнение. Благодаря быстродействию и оперативности данная коммуникативная система способна за короткий период изменить ход истории, поменять социальные приоритеты и повлиять на общественный строй. Практически любая коммуникация сегодня осуществляется через доступ к интернет-пространству. Интернет-коммуникация в соответствии с современными её особенностями накладывает отпечаток и на развитие политического дискурса.

Исходя из вышесказанного, Интернет – это среда, в которой разного рода информация группируется по характеру контента – определённого рода содержимого, информационного наполнения сайта, издания. Если данное содержимое направлено на передачу и осуществление каких-либо действий, связанных с политической сферой деятельности, то следует говорить о существовании некоего политически ориентированного медиапространства, которое обладает всем набором особенностей, свойственных современной интернет-коммуникации и политическому дискурсу. «Как известно, средства массовой коммуникации характеризуются неоднородностью, синкретичностью языка, которая проявляется в размытости стиливых границ, во взаимопроникновении и взаимодействии характерных черт разных стилей – газетного, публицистического, научно-художественного» [8, с. 29].

Несмотря на повышенный интерес к данной сфере, исследователи отмечают ряд вопросов, требующих дальнейшего изучения, например, выявление и описание динамики семантики различных понятий (концептов), которые обнаруживаются в рамках политических медиадискурсов разноструктурных языков, на разных уровнях языковой системы. «Значение и смысл... представляют определённую ситуацию как относительно законченную содержательную структуру, воплощающую коммуникативное намерение. На первый план выдвигается смысловой аспект дискурса, что обусловлено коммуникативной сущностью речевого акта (который актуализирует заложенный автором и воспринятый (с разной степенью адекватности) адресатом смысл речи в той или иной ситуации общения) и речевой деятельности в целом (которая направлена на экстерииоризацию смыслов и внутренних образов сознания коммуникантов)» [10, с. 31]. На этой базе формируется определённая возможность смысловых манипуляций, которые могут носить как запланированный, так и произвольный характер и вести к искажению первоначального смысла: «*The media outlets that we read and there are an obvious player in the bullshit game, and their difficult economics make it easy to see why they're amenable to running stories with minimal checking or with exaggeration*» [18, с. 202].

С данной точки зрения представляется интересным проследить, как складывается и чем определяется целостный смысл отдельных понятий или концептов, которые достаточно часто встречаются в политически ориентированных текстах современного медиадискурса. Одним из подобных ключевых понятий является концепт *союз* и его лингвистические репрезентации в виде семантических маркеров. Под семантическими маркерами в данном исследовании понимаются ассоциативно и семантически близкие по значению лексические единицы и группы слов. Исходя из данных предпосылок, целью данного исследования является анализ семантики понятия *союз* и его семантических маркеров в текстах политического медиадискурса (английский, немецкий и русский языки), а также ассоциируемых с данным концептом слов и выражений (лексических единиц), используемых для модификации или уточнения конкретного значения.

2. Материалы и методы

В качестве теоретической основы в работе используются труды известных лингвистов по проблематике концептосферы, особенностей формирования семантики отдельных понятий, структуры организации смыслового пространства английского, немецкого и русского дискурса: О. Д. Вишняковой, В. М. Лейчика, В. И. Красных, И. Б. Голуба, Т. Ван Дейка, Е. И. Шейгал, J. Ball, N. Bubenhofer, C. Bluhm, O. Feldmann, R. Rathmayer, N. Fairclough и др. [2], [19], [20], [22].

Основными методами, использованными для решения поставленной цели, послужили методы системного лингвистического анализа, семантического анализа, статистической обработки данных, а также метод выборочного компонентного анализа с использованием специализированных словарей. В ходе исследования было проведено уточнение структуры значения понятия *союз* в английском, немецком и русском языках. При этом были сопоставлены данные нескольких толковых одноязычных словарей; затем полученные результаты были сравнены с заложенными в национальные корпуса соответствующего языка значениями понятия *союз*.

В силу минимальной реализации среди примеров русского корпуса¹ значения *служебная часть речи*, а также отсутствия подобного элемента у англоязычного и немецкоязычного варианта данного понятия снятие омонимии при подсчёте абсолютной (подсчёт автоматическим способом по всему корпусу) и относительной частотности (подсчёт автоматическим способом по газетному и публицистическому подкорпусу соответствующего языка) не производилось. Сравнение частотности данного понятия на уровне языков осуществлялось по абсолютным данным, употребительность в разного рода текстах сопоставлялась по полученным в ходе автоматического подсчёта данным.

¹ Национальный корпус русского языка (НКРЯ), <https://ruscorpora.ru/> (Accessed: 28.08.23).

Материалом исследования послужили электронные версии англоязычной, немецкоязычной и русскоязычной прессы за период с 1946 по 2021 год (изданий, отражённых в соответствующих национальных корпусах), а также современные этимологические и толковые электронные словари и прочие корпуса². Из вышеперечисленных источников методом автоматической выборки выделялись семантические маркеры, характеризующие понятие *союз* в данных языках, его сочетательные характеристики с другими словами в том или ином языке. Семантические маркеры были получены в ходе сопоставительного анализа структуры значения данного концепта, а также методом *bag of words* ('мешок слов').

Выявленные семантические маркеры для каждого из языков были сопоставлены по частоте появления в корпусе соответствующего языка для выявления совпадений по распространённости лексической единицы и особенностей её сочетаемостного потенциала. Затем производилось уточнение характера изменений, имеющих место в соответствующей языковой системе за указанный период, а также выяснению наличия сходств или различий по отношению к исходному концепту (*союз*).

3. Результаты исследования структуры понятия *союз*

В политически ориентированном медиадискурсе репрезентируются некоторые концептуальные представления, которые напрямую связаны с когнитивной деятельностью общества и его ценностными лингвокультурными представлениями. На первый план выходит описание языковой личности, которая является носителем определённой культуры [11, с. 3].

Исследователи подчёркивают, что такой подход будет способствовать описанию оценочных, ритуальных, институциональных и ценностных характеристик политической коммуникации. Для этого выделяют языковые особенности реализации воздействующей стратегии политического дискурса в комбинации с определением когнитивных структур, позволяющих выявить ассоциативную направленность в сознании языковой личности [17, с. 5].

Одной из дискурсообразующих характеристик при этом является реализация языковых концептов, позволяющих структурировать политические явления по заданным критериям. При этом под концептами понимаются «основополагающие ментальные единицы индивидуального и массового сознания, задающие структуру и функциональные характеристики семиотического и жанрового пространства дискурса» [15, с. 103]. Так, М. А. Филиппова, выделяет концепт *демократия* и его образные и ценностные характеристики, а Е. И. Шейгал рассматривает в своих исследованиях концепты *власть* и *политика* как базовые «в силу их высокого манипуляторного и контролирующего потенциала» [17].

Н. А. Сокол и О. И. Уланович, обобщив результаты концептуальных исследований политического дискурса, к основным концептам, которые реализуются в нём, относят: *народ / общество, власть, политика (демократия), патриотизм (Россия / Германия / Америка / Европейский союз), процветание, экономика, свобода, кризис, президент, солидарность, враг (терроризм), союз* [15].

Выделенный выше ряд концептов представляет собой универсальное смыслообразующее упорядоченное множество элементов политического дискурса, которое функционируют в разнообразных речевых практиках, характеризуясь вариативностью их представленности в конкретном политическом тексте. Каждый из этих концептов обладает как общими, так и отличительными (свойственными лишь определённой культуре) признаками.

Следует отметить, что концепты, представленные в политическом медиадискурсе, подвергаются переосмыслению в силу изменений связанных с ними ассоциативных признаков. Остановимся подробнее на понятии *союз*.

² British National Corpus (BNC), <https://www.english-corpora.org/bnc/>, British Contemporary Corpus (BNC), <https://www.english-corpora.org/bnc/>, Digitales Woerterbuch der Deutschen Sprache (DWDS), <https://www.dwds.de/>, Национальный корпус русского языка (НКРЯ), <https://ruscorpora.ru/> (Accessed: 28.08.23).

3.1 Понятие *союз* и его маркеры в английском медиадискурсе (1946 - 2021 гг.)

Материалом данного исследования послужили тексты политической тематики, заимствованные из корпусов и электронных англоязычных газет *The Daily Telegraph* и *The Guardian* за период с 1946 по 2021 год. Исследовалась частота появления лексемы *союз*, которой соответствуют англоязычные *alliance* и *union*, по данным Британского национального корпуса (далее – BNC)³.

Понятие союз, которому соответствуют в английском языке *union* и *alliance*⁴ или *Union* в немецком правописании, имеет французское происхождение, но пришло из латинского языка. Из материалов толкового словаря Лонгман следует, что данное существительное появилось в английском языке в XV веке и имело несколько значений. Так, согласно словарю Merriam-Webster⁵, данная лексема обозначала *объединение или присоединение одной вещи к другой, также соглашение и брачные узы*⁶. Начиная с XVI века добавились такие значения, как *действия объединения в одну политическую организацию, группа людей или государств, сокращение от профсоюза*⁷. В настоящее время данное слово имеет порядка 16856 вхождений (частотность 168,56 употреблений на 1000 слов, данные за 2021 год) и относится к 700 наиболее распространённым английским словам. Причём использование слова в разговорной среде практически в два раза выше, чем в научном или газетно-публицистическом дискурсе⁸.

Слово *alliance* было также заимствовано из древнефранцузского языка в XIII веке и обозначало *семейные отношения, связь между семьями, государствами, партиями или отдельными лицами, а также связь или договор между правителями или народами, союзники*⁹. Данная лексема имеет 3004 вхождения (частотность 30,04, данные 2022 г.), используется в разговорной среде в 1,8 раза чаще, чем в научной, и практически в 4 раза реже, чем *union*¹⁰.

В данной работе интерес представляют три ассоциируемых с политическим дискурсом значения маркеров: *a group of states or nations that are ruled by one government or that agree to work together; a group of states or nations united into one political body, as that of the American colonies at the time of the Revolution, that of England and Scotland in 1707, or that of Great Britain and Ireland in 1801; the Union, in U.S. history: the group of states that remained part of the United States after 11 southern states seceded in 1860 and 1861 and formed the Confederacy*¹¹.

Данные единицы можно рассматривать как отдельно, так и в ассоциации с концептами *политика* или *государство*. Разница в использовании данных понятий в современном английском дискурсе состоит в том, что слово *union* в отличие от *alliance* используется для обозначения объединения исчисляемого количества участников (два и больше), тогда как *alliance* имеет более общий смысл как некий *союз вообще*; дополнительно отмечено, что в виду французской этимологии данное слово более ‘модно’.

Проанализировав материал публицистического дискурса второй половины XX века, можно проследить наличие в политических статьях слов *модернизация, рабочий союз, реализация политических стратегий*, связанных с понятием *union* как гражданского объединения.

3.2 Понятие *союз* и его маркеры в немецком медиадискурсе (1946 - 2022 гг.)

В немецком языке понятию *союз* отвечают несколько существительных – *Union, Allianz, Bündnis*.

Существительное *Union* восходит к церковной латыни, *Allianz* заимствовано из древнефранцузского языка, в котором оно обозначало также и *узы брака*.

³ British National Corpus, <https://www.english-corpora.org/bnc/> 2022 (Accessed: 28.08.23).

⁴ Выбрано на основе параллельного английского подкорпуса НКРЯ

⁵ Union Definition & Meaning – Merriam-Webster <https://www.merriam-webster.com/dictionary/union> (Accessed: 28.08.23).

⁶ См. словарь Лонгман <http://www.вокабула.рф/словари/ldoce/union> (Accessed: 28.08.23).

⁷ См. толковый словарь Merriam-Webster Collegiate Dictionary <https://www.merriam-webster.com/dictionary/union> (Accessed: 28.08.23).

⁸ Britis National Corpus, <https://www.english-corpora.org/bnc/> 2022 (Accessed: 28.08.23).

⁹ См. толковый словарь Merriam-Webster Collegiate Dictionary <https://www.merriam-webster.com/dictionary/alliance> (Accessed: 28.08.23).

¹⁰ Union, Britis National Corpus, <https://www.english-corpora.org/bnc/> 2022 (Accessed: 28.08.23).

¹¹ Union Definition & Meaning | Dictionary.com <https://www.dictionary.com/browse/union> 2022 (Accessed: 28.08.23).

Для нас интерес представляют следующие значения отобранных слов: *Bund, Vereinigung, Zusammenschluss (besonders von Staaten und von Kirchen mit verwandten Bekenntnissen); Zusammenschluss, Bund (besonders zwischen Staaten im Hinblick auf die Leistung von Beistand im Kriegsfall u. a.); Bündnis zwischen Staaten, Bündnis, Vereinigung, Gemeinschaft*¹².

Непосредственно за исследуемый период среди маркеров, которые использовались в связи с понятием *Union*, были, например, *Sozialdemokrat, Vertragsstaat, europäisch, brauen, fordern, Koalition, Regierung, beitreten, westeuropäisch, Russland, patriotisch, lehnen, streiten, jung, humanistisch, werfen, neu, warnen, kritisieren* (слова приводятся по ассоциативной диаграмме *bag of words* от ядра до периферии). При исследовании частотности использования в период 1946-2022 гг.¹³ возрастание приходится на интервалы 1960-1975 гг. и 1989-2000 гг., что объясняется обсуждением в обществе значимых для Германии политических событий – строительства Берлинской стены, отношений между Германской Демократической Республикой и Федеративной Республикой Германия в период Холодной войны, а также событий, способствовавших объединению Германии.

Из автоматически полученного графика также следует, что самое частое появление этого понятия приходится на период 1996-2003 гг., затем наблюдается резкий спад использования данной лексической единицы в дискурсе, предположительно, по причине вытеснения темы объединения более актуальными политическими событиями.

В рамках данного исследования интерес также представляют семантические единицы, взаимосвязанные с понятием *Allianz: Muenchener, strategisch, schmieden, Kooperation, atlantisch, transatlantisch, Partnerschaft, Fusion, bilden, unheilig, demokratisch* и др. Плавный рост частотности употребления¹⁴ наблюдается с 1950 по 1990 годы. Пик роста приходится на 1988-1998 годы, спад использования понятия наблюдается в период 1996-2000 годы, последние значения частотности остаются относительно стабильными, начиная с 2006 года¹⁵.

Относительно использования слова *Bündnis* в современном политическом медиадискурсе можно утверждать, что оно употребляется реже, чем рассмотренные выше синонимы¹⁶. Самое редкое появление этого слова в текстах опять же приходилось на 1946 год и на 2007-2008 годы, самое частое – на 1996-2000 годы.

Согласно корпусным данным, частотность использования в медиадискурсе слова *Union* выше, чем у остальных лексем, ассоциируемых в немецком языке с концептом *союз*: *Allianz* имело на пике 3484 упоминания в 2003 году (минимальное в 1949 году – 42), *Bündnis* – 8318 упоминания в 1993 году (минимальные значения – 172 упоминания в 1946 году), а *Union* – 90634 упоминаний в 2002 году (944 упоминания минимально в 1951 году).

Общим значением в рамках исследования для данной группы немецких слов будет обозначение некоего объединения частей в одно целое, причём *Allianz* будет иметь более специфичную сочетаемость (например, *семейный союз* или соотнесённость с каким-либо конкретным *иностранным союзом*), тогда как *Bündnis, Bund* и *Union* напрямую соотносятся с понятиями немецкого медиaprостранства.

3.3 Сопоставительный анализ понятия союз в английском, немецком и русском медиадискурсе

При работе с русскоязычным словарем ассоциаций¹⁷ для перевода понятия *союз* на английский язык предлагаются следующие варианты: *covenant – пакт, святой союз – holy covenant, federation – организация, футбольный союз – football confederation, conjunction – сочетание, тайный союз – secret combination, coalition – коалиция, guild – гильдия, Union – объединение, альянс, ассоциация;*

¹² Данные приводятся по корпусу DWDS, сгенерированы автоматически, 2022 (Accessed: 10.03.22).

¹³ Данные графиков *Union* приводятся по корпусу DWDS, сгенерированы автоматически, 2022 (Accessed: 10.03.22).

¹⁴ *Allianz*, корпус DWDS, данные сгенерированы автоматически, 2022 (Accessed: 10.03.22).

¹⁵ *Allianz*, корпус DWDS, данные сгенерированы автоматически, 2022 (Accessed: 10.03.22).

¹⁶ *Bündnis*, корпус DWDS, данные сгенерированы автоматически, 2022 (Accessed: 10.03.22).

¹⁷ Словарь ассоциаций <http://www.reright.ru/analysis/624777~союз.html> (Accessed: 28.08.23).

League – лига. На немецкий язык: *'Union'* – объединение, *Африканский союз* – *Afrikanische Union*, *Bündnis* – альянс, федерация, союз с Россией – *Bündnis mit Russland*, немецкий союз – *der deutsche Bund*, *Vereinigung* – объединение, международный союз – *internationale Vereinigung*, частный союз – *der private Verein*, *Bündnissystem* – союз государств, *Alliance* – объединение, *Konjunktion*, *Föderation* – федерация, *Berufsgenossenschaft* – объединение, *Gesellschaft* – объединение, *Konföderation* – объединение, *Genossenschaft* – объединение, *Liga* – лига, *Koalition* – объединение, *Verbundenheit*, *Ring*.

В качестве семантических маркеров встречаются ассоциации или синонимы, например, *банда*, *братство*, *ватага*, *группа*, *круг*, *община*, *объединение*, *партия*, *плеяда*, *секта*, *сеть*, *скопление*, *собрание*, *совет*, *соглашение*, *соединение*, *сообщество*, *сосредоточение*, *сочетание*, *сплетение*, *сплочение*, *сращение*, *супружество*, *сфера*, *товарищество*, *федерация*, *шайка* (примеры получены с помощью программы *wordmap*¹⁸, общее количество – 100, синонимов – 21). Гиперонимы понятия *союз* – *отношения*. Гипонимы слова *союз* – *уния*, *дуэт*, *коллегия*¹⁹.

При обработке статистических данных по частотности словоупотребления абсолютный минимум использования слова *союз* приходится в русском языке на 1958 и 2021 годы с встречаемостью 30,04 и 35,72 соответственно; максимальная частотность со значением 71,91 приходится на 1969 год²⁰.

При обработке через систему *Google Books Ngram Viewer* результаты по частотности использования лексемы *союз* несколько отличаются в числовом выражении при сохранении общих тенденций²¹. Так, на графике отсутствует снижение частотности в 1958-1961 гг. и 1995 году, а также пик частотности 1995 года, но общая тенденция на снижение использования лексической единицы в русском языке к 2021 году сохраняется в обеих системах.

Сходные различия в данных с национальными корпусами были обнаружены при использовании *Google Books Ngram Viewer* для сопоставления результатов частотности использования понятия *союз* в английском и немецком языках: при расхождении количественных характеристик, общие тенденции сохранялись. Следовательно, можно утверждать, что данные, полученные из национальных корпусов, сопоставимы по своей сути, так как контрольные измерения выполнялись в одной программной оболочке, хотя и для разных языковых систем.

В ходе сопоставительного анализа было выявлено, что в англо- и немецкоязычном дискурсе понятие *союз* обнаруживает как сходства, так и различия в контекстной реализации.

Так, в использовании данного понятия в английском, немецком и русском языках наблюдается общая семантика при наименовании объединений: а) как ассоциации или федерации (особенно между государствами в отношении оказания помощи в случае войны и т.д.); б) использование единиц при наименовании федераций и союзов, например, как объединения штатов и церковей родственных конфессий. Слово *альянс* в данных языках является заимствованием из французского языка и реализует в контекстах частично паронимичное значение.

Расхождения по использованию понятия наблюдаются:

1) в численности лингвистических компонентов, ассоциируемых с понятием *союз* и степенью градации данного значения. В частности, в немецком языке таких слов больше и дифференциация выше (например, семантический маркер *Einigung* тоже соотносится со значением объединения);

2) в дифференцированности значения, выраженной через сочетаемость с другими компонентами. В частности, в английском языке слово *the Union* используется для обозначения США как государства: *'the group of states that remained part of the United States after 11 southern states seceded*

¹⁸ Wordmap, <https://wordmap.ru/synonym/союз> (Accessed: 28.08.23).

¹⁹ Wordmap, <https://wordmap.ru/synonym/союз>, Сеть Словесных Ассоциаций (ССА) <https://wordassociations.net/ru/ассоциации-к-слову/Союз> (Accessed: 28.08.23).

²⁰ НКРЯ, <https://ruscorpora.ru/results?search=CjMKCNGB0L7RjtC3IiAKCAgAEAoYMiAKIAAonvuZkfGuqAtACkoHY3JlYXRlZCcCoCAAEyAQUqCAiaDxDlDxgD>, сгенерировано автоматически 2022 (Accessed: 10.03.22).

²¹ Google Books Ngram Viewer https://books.google.com/ngrams/graph?year_start=1946&year_end=2021&corpus=36&content=союз&smoothing=3 сгенерировано автоматически, 2022 (Accessed: 10.03.22).

*in 1860 and 1861 and formed the Confederacy (see CONFEDERACY sense 2b) : the federal union of states during the period of the American Civil War*²². Аналогичное использование наблюдается и с немецким словом по отношению к обозначению Евросоюза;

3) в динамике ассоциированных связей понятия: так, в англоязычной культуре XX века *союз* ассоциируется с объединением государств с идеологией фашизма, а также с политическим названием России доперестроечной эпохи – *Советский союз*; в немецкоязычном пространстве XX века понятие *союз* ассоциируется с государствами, поддержавшими Германию во Второй мировой войне, а с XXI века оно используется для обозначения Евросоюза и различных экономических объединений стран, то есть наблюдается некое сближение семантики и признакового пространства на фоне общности культур.

4. Дискуссия: реализация значения отдельных единиц и общий смысл понятия *союз* в анализируемых языках

Смысл анализа и изучения значения слова состоит в том, что семантическая структура отдельного понятия является лингвистической, психологической, философской, логической и культурологической категорией. Семантика комплексных языковых единиц, к которым можно отнести и концепты, неразрывно связана с главным вопросом, касающимся мышления, языка, слова и понятия – передачей смысла. Через них отражается разнообразие внутреннего мира людей, различных языковых сообществ, а также этических норм и моральных ценностей. Отдельные языковые единицы проявляют ту или иную специфику в зависимости от коммуникативных намерений и ситуации общения: «Под коммуникативным намерением мы понимаем конкретную цель высказывания говорящего, то есть спрашивает ли он, или утверждает, или призывает, осуждает или одобряет, советует или требует и т.д. Коммуникативное намерение является регулятором речевого поведения партнёров» [2, с. 72].

Ситуация, в которой осуществляется коммуникация, задаёт условия реализации значения отдельных единиц и смысловой нагрузки в целом: «Характер коммуникативной ситуации оказывается существенным для определения значения точно так же, как и сами семантические компоненты, обуславливающие не только соответствующую организацию языковых единиц для передачи определённого содержания, но и понимание этих языковых выражений в соотнесении с определённым контекстом. Иными словами, языковое значение можно полноценно изучить только в случае, если свести вместе семантические и прагматические принципы описания этого сложного феномена» [10, с. 32].

Поэтому исследование реализации понятия *союз* как одного из ключевых концептов политического медиадискурса, несомненно, очень актуально. Политический медиадискурс реализуется посредством текста, главной функцией которого является воздействие на общественное мнение с последующей его трансформацией. Для этого используются эмоционально-воздействующие и побуждающие к действиям языковые средства [26].

Исходя из обусловленности реализации отдельных значений коммуникативной ситуацией, следует внимательно отнестись к проблеме возникновения в ходе исторического развития дополнительных смыслов, что было зафиксировано при анализе семантики концепта *союз*: расхождение значений на национальном уровне.

Понятие *союза* как некоего объединения не несёт в общем отрицательной или положительной оценки, но сочетаемость данной единицы с различными характеристиками, имеющими оценочную направленность, влияет на восприятие и искажение смысловой нагрузки текста. Исследование частотности отдельных семантических маркеров способствует уточнению реализуемого значения и положительно влияет на точность передачи смысла в переводных текстах, что отражается и в параллельных корпусах.

²² The union Definition & Meaning – Merriam-Webster <https://www.merriam-webster.com/dictionary/the%20union> (Accessed: 28.08.23).

Данные маркеры отражают концептуальное наполнение политического дискурса и изменяются со временем под влиянием ассоциативных связей у представителей языкового сообщества: “*Finally, when it comes to politics and public policy, most statements are neither ‘true’ nor ‘false’, but somewhere in between...Differentiating one from the other isn’t really a question of fact, but one of judgement or opinion...*” [18, с. 250]. Так, например, соотнесённость понятия *союз* с политическим альянсом изначально нейтральна, но, например, связанность ассоциаций в европейском языковом пространстве понятия *union* с государствами, поддержавшими Германию в эпоху господства фашизма как идеологии, вызывает негативную оценочность фрагмента текста, и как следствие, может быть перенесена на события, представленные в медиадискурсе. На основе реализации того или иного значения в контексте ситуации может возникать своеобразная ‘свернутость смысла’ за счёт оценки и переосмысления ситуации в целом (больше о метафоризации значения в политических текстах см. А. П. Чудинов [16]).

Поскольку в исследовании речь шла о структуре семантики понятия и его реализации языковыми маркерами, не проводился отдельный подсчёт по частотности фиксации отдельных значений в разных типах текста. Поэтому возможности установления закономерностей валентности не были установлены, равно как и закономерность возникновения положительных или отрицательных характеристик для данного понятия в зависимости от цели высказывания.

Интересно было бы пронаблюдать, есть ли закономерности по частотности использования семантических маркеров и самого понятия *союз*, возможной взаимосвязи валентности и экспрессивности как самого понятия, так и его семантических маркеров в данных языках. Однако такие наблюдения нельзя проводить лишь на уровне лингвистических единиц, а следует опираться на смысловую нагрузку текста и проводить комплексный анализ на различных уровнях текстовой структуры [21], [23], [24], [26].

Итак, одной из дискурсообразующих характеристик современного политического медиадискурса является реализация в нём определённых концептов. При сопоставлении материала было установлено, что при реализации концепта *союз* в английском, немецком и русскоязычном медиапространстве данное понятие используется при обозначении различного рода ассоциаций или объединений типа федераций, если речь идёт о союзах между государствами по оказанию помощи, или союзных объединений (особенно для обозначения союзов административных единиц типа штатов и церковей родственных конфессий). Понятие *альянс* является в данных языках лексическим заимствованием и реализует практически сходные значения.

Расхождения в структуре семантики наблюдаются:

1) По наличию разного набора семантических маркеров, соотносимых с понятием *союз*: в частности, по количественным параметрам.

2) В валентности данных маркеров, которые используются наряду с ключевым понятием; а также их частотности.

3) По отдельным реализациям значения: в частности, в английском языке слово *the Union*²³ используется для обозначения государства – США.

4) В европейском языковом пространстве XX века понятие *союз* соотносилось как с идеологическим направлением *фашизма*, так и политическим обозначением страны (Советский Союз); начиная с XXI века используется как обозначение *Евросоюза* и различных экономических объединений стран. Для Германии отдельным ассоциативным маркером для понятия *союз* выступает контекстное обозначение стран, поддержавших гитлеровскую Германию.

Итак, семантические маркеры способны влиять на положительную или отрицательную оценочность и формировать общую экспрессивность текста, направляя и управляя общественным мнением.

© Иванова Т.К., Муталлапова А.А., Чигашева М.А., 2024

²³ Написание с заглавной буквы.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. М.: Знание, 1991. 64 с.
2. Баукина С.А. Языковая реализация коммуникативного намерения в деловом общении (на примере немецкого языка) / С.А. Баукина // Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 2. С. 72–74.
3. Воробьева О. И. Политическая лексика: семантическая структура / О. И. Воробьева. Архангельск, 1999. 92 с.
4. Гейко Н.Р. Политический текст как объект перевода / Н. Р. Гейко // *Lingua mobilis*. 2013. № 7 (46). С. 61–67.
5. Грушевская Т. М. Политический газетный дискурс сквозь призму языковых средств представления информации / Т. М. Грушевская // *Сфера услуг: инновации и качество*, 2011. 12 с.
6. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В. З. Демьянков // *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие* / под ред. М. Н. Володиной. М.: Изд-во Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2003. С. 116–133.
7. Кулявина А. П. Соотношение понятий «текст» и «дискурс» как методологическая проблема / А. П. Кулявина // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2015. Т. 17. № 1 (5). С. 1157–1161
8. Левковская Н. А. О диалогичности политического дискурса // Н. А. Левковская // *Филологические науки в МГИМО* № 21(1 2020), С. 28–33.
9. Левшенко Ю. И. Политический дискурс: аналитический обзор теоретико-методологических подходов. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение / Ю. И. Левшенко // *Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2012. Ч. II. №7 (21). С. 100–108.
10. Малахова В. Л. Значение и смысл как основа функционального пространства английского дискурса / В.Л. Малахова // *Филологические науки в МГИМО*. 2022, 8(1), С. 29–43. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-29-43> (Дата обращения: 28.08.23).
11. Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? / В. А. Маслова // *Политическая лингвистика*. Екатеринбург, 2008. Вып.1 (24). С. 43–48.
12. Попова Т. Г. Политический текст и его лексические особенности / Т. Г. Попова, Н. В. Таратынова // *Rhema*. Рема. 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-tekst-i-ego-leksicheskie-osobennosti> (дата обращения: 02.05.2019).
13. Русакова О. Ф. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса / О. Ф. Русакова, Д. А. Максимов. Екатеринбург: Полис, 2006. №4. С. 26–43.
14. Трабелси Х. Политический дискурс как объект лингвистического исследования / Х. Трабелси // *Современная филология: теория и практика: материалы VIII международной научно-практической конференции*, г. Москва, 2-3 июля 2012 г. / Научн.-инф. издат. центр «Институт стратегических исследований». М.: Спецкнига, 2010. С. 104–110.
15. Уланович О. И. Концептуальная структура политического дискурса / Н. А. Сокол, О. И. Уланович // *Лингвистическая теория и образовательная практика: сб. науч. ст./ Белорус. гос. ун-т; отв. ред. О.И. Уланович*. Минск: Изд. центр БГУ, 2013. С. 102–112.
16. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. 176 с.
17. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. Волгоград, 2000. 431 с.
18. Ball, James. (2017). *Post-Truth. How Bullshit conquered the world*. Biteback Publishing Ltd, Westminster Tower, 3 Albert Embankment, London, SE1 7SP, James Ball 2017, 308 p.
19. Bluhm, Claudia; Deissler, Dirk; Scharloth, Joachim; Stukenbrock, Anja (2000): *Linguistische Diskursanalyse: Überblick, Probleme, Perspektiven*. In: *Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht*, p. 3–19. <https://www.bibsonomy.org/url/6e1a44dcefb16e6ec93d0f87c310953> (Accessed: 09.11.2022).
20. Bubenhofer, Noah. *Diskurse berechnen? Wege zu einer Korpuslinguistischen Diskursanalyse*. In: Spitzmüller, Jürgen/Warnke, Ingo (Hrsg.): *Methoden der Diskurslinguistik. Sprachwissenschaftliche Zugänge zur transtextuellen Ebene*. Berlin/New York, de Gruyter, 2008. P. 407–434.
21. Bubenhofer, Noah, Scharloth, Joachim. *Korpuspragmatische Methoden für kulturanalytische Fragestellungen*. In: *Kommunikation – Korpus – Kultur. Ansätze und Konzepte einer kulturwissenschaftlichen Linguistik*. Giessen Contributions to the Study of Culture, Trier: Wvt Wissenschaftlicher Verlag, 2014. P. 47–66.
22. Fairclough, Norman. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research* / N. Fairclough. London: Routledge, 2003. 270 p.
23. Khafizova A. A. *Lexical Stylistic Peculiarities of the Analytical Media Texts About International Relations and Politics* / A. A. Khafizova // *AD ALTA: Journal of Interdisciplinary Research*. 2020. #10/02-XII. P. 67–71, http://www.magnanimitas.cz/ADALTA/100212/papers/A_18.pdf (Accessed: 28.08.23).
24. *Politically speaking: a worldwide examination of language used in the public sphere*. Ed. by O. Feldman. New York, 1998 (Ofer Feldman, Christl De Landtsheer) <http://bookre.org/reader?file=1043011&pg=3> (Accessed: 09.11.2022).
25. Rathmayr R. *Neue Elemente im russischen politischen Diskurs seit Gorbatschtow* / R. Rathmayr, R. Wodak, F. P. Kirsch eds. *Totalitare Sprache – language of dictatorship*. Wien: Passagen. 2015. S. 195–214.
26. Tushev A., Bushkanets L., et al. *Complex analysis of political speech* // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2019. Vol.10, Is.4. P. 170–174.

References

1. Baranov, A. N. *Parlamentskie debaty: traditsii i novatsii* (Parliamentary debates: traditions and innovations) / A.N. Baranov, E.G. Kazakevich. M.: Znanie, 1991. 64 s. (in Russian).

2. Baukina, S.A. Iazykovaia realizatsia kommunikativnogo namereniia v delovom obshchenii (na primere nemetskogo iazyka) (Linguistic implementation of communicative intention in business communication (using the example of the German language)) / S.A. Baukina // *Voprosy teorii i praktiki. Gramota*: Tambov, 2017. № 6(72): v 3-kh ch. CH. 2. С. 72–74. (in Russian)
3. Vorob'yova, O. I. *Politicheskaiia leksika: semanticheskaiia struktura* (Political vocabulary: semantic structure) / O.I. Vorob'yova. Arhangel'sk, 1999. 92 s. (in Russian).
4. Geiko, N.R. Politicheskii tekst kak ob'ekt perevoda (Political text as an object of translation) / N.R. Geiko // *Lingua mobilis*. 2013. № 7 (46). S. 61–67. (in Russian).
5. Grushevskaya, T. M. Politicheskiiy gazetnyy diskurs skvoz' prizmu iazykovykh sredstv predstavleniia informatsii (Political newspaper discourse through the prism of linguistic media) / T. M. Grushevskaya // *Sfera uslug: innovatsii i kachestvo*, 2011. 12 s. (in Russian).
6. Dem'yankov, V.Z. Interpretatsiia politicheskogo diskursa v SMI (Interpretation of political discourse in the media) / V.Z. Dem'yankov // *Iazyk SMI kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia: uchebnoe posobie* / pod red. M. N. Volodinoi. M.: Izd-vo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M. V. Lomonosova, 2003. S. 116–133. (in Russian).
7. Kulyavina, A. P. Sootnoshenie poniatii «tekst» i «diskurs» kak metodologicheskaiia problema (The relationship between the concepts of “text” and “discourse” as a methodological problem) / A.P. Kuliavina // *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. 2015. T. 17. № 1 (5). S. 1157–1161. (in Russian).
8. Levkovskaya, N.A. O dialogichnosti politicheskogo diskursa (On the dialogic nature of political discourse) // N.A. Levkovskaya // *Filologicheskie nauki v MGIMO* № 21(1 2020), S. 28–33. (in Russian).
9. Levshenko, Yu.I. Politicheskii diskurs: analiticheskii obzor teoretiko-metodologicheskikh podkhodov. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie (Political discourse: an analytical review of theoretical and methodological approaches. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism) / Yu.I. Levshenko // *Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota*, 2012. CH.II. №7 (21). S. 100–108. (in Russian).
10. Malakhova, V. L. Znachenie i smysl kak osnova funktsional'nogo prostranstva angliiskogo diskursa (Meaning and meaning as the basis of the functional space of English discourse) / V.L. Malakhova // *Filologicheskie nauki v MGIMO*. 2022, 8(1), S. 29–43, <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-29-43> (in Russian).
11. Maslova, V.A. Politicheskii diskurs: iazykovye igry ili igry v slova? (Political discourse: language games or word games?) / V.A. Maslova // *Politicheskaiia lingvistika*. Ekaterinburg, 2008. Vyp.1 (24). S. 43-48. (in Russian) (Accessed: 28.08.23).
12. Popova, T. G. Politicheskii tekst i ego leksicheskie osobennosti (The political text and its lexical features) / T.G. Popova, N. V. Taratynova // *Rhema. Rema*. 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiiy-tekst-i-ego-leksicheskie-osobennosti> (Accessed: 02.05.2022). (in Russian).
13. Rusakova, O. F. Politicheskaiia diskursologiya: predmetnoe pole, teoreticheskie podkhody i strukturnaiia model' politicheskogo diskursa (Political discursology: the subject field, theoretical approaches and the structural model of political discourse) / O. F. Rusakova, D. A. Maksimov. Ekaterinburg: Polis, 2006. №4. S. 26-43. (in Russian).
14. Trabelsi, H. Politicheskii diskurs kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniia (Political discourse as an object of linguistic research) / H. Trabelsi // *Sovremennaiia filologiya: teoriia i praktika: materialy VIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, g. Moskva, 2-3 iuliia 2012 g. / Nauchn.-inf. izdat. tsentr «Institut strategicheskikh issledovaniia». M.: Spetskniga, 2010. S. 104–110. (in Russian).
15. Ulanovich, O.I. Kontseptual'naiia struktura politicheskogo diskursa (The conceptual structure of political discourse) / N.A. Sokol, O.I. Ulanovich // *Lingvisticheskaiia teoriia i obrazovatel'naiia praktika*: sb. nauch. st./ Belorus. gos. un-t; otv. red. O.I. lanovich. Minsk: Izd. centr BGU, 2013. S. 102–112. (in Russian).
16. Chudinov, A.P. *Ocherki po sovremennoi politicheskoi metaforologii: Monografiia* (Essays on contemporary Political Metaphorology: Monography) / Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 2013. 176 s. (in Russian).
17. Sheigal, E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* (Semiotics of political discourse) / E. I. Sheigal. Volgograd, 2000. 431 s. (in Russian).
18. Ball, James. *Post-Truth. How Bullshit conquered the world*. Biteback Publishing Ltd, Westminster Tower, 3 Albert Embankment, London, SE1 7SP, James Ball 2017, 308 p. (in English).
19. Bluhm, Claudia; Deissler, Dirk; et al. Linguistische Diskursanalyse: Überblick, Probleme, Perspektiven. In: *Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht*, 3–19. <https://www.bibsonomy.org/url/6e1a44dcefb16e6ec93d0f87c310953> (Accessed 09.11.2022). (in German).
20. Bubenhofer, Noah: Diskurse berechnen? Wege zu einer Korpuslinguistischen Diskursanalyse. In: Spitzmüller, Jürgen/Warnke, Ingo (Hrsg.): *Methoden der Diskurslinguistik. Sprachwissenschaftliche Zugänge zur transtextuellen Ebene*. Berlin/New York, de Gruyter, 2008, 407–434. (in German).
21. Bubenhofer, Noah; Scharloth, Joachim: Korpuspragmatische Methoden für kulturanalytische Fragestellungen. In: *Kommunikation – Korpus – Kultur. Ansätze und Konzepte einer kulturwissenschaftlichen Linguistik. Giessen Contributions to the Study of Culture*, Trier: Wvt Wissenschaftlicher Verlag, 2014, 47-66.
22. Fairclough, Norman. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research* / N. Fairclough. London: Routledge, 2003. 270 p. (in English).
23. Khafizova, A. A. Lexical Stylistic Peculiarities of the Analytical Media Texts About International Relations and Politics / A. A. Khafizova // *AD ALTA: Journal of Interdisciplinary Research*. #10/02-XII. 2020, Pp. 67-71. http://www.magnanimitas.cz/ADALTA/100212/papers/A_18.pdf (in English) (Accessed: 28.08.23).
24. Politically speaking: a worldwide examination of language used in the public sphere / Ed. by O. Feldman. New York, 1998 // *Politically Speaking: A Worldwide Examination of Language Used in the Public Sphere* (Ofer Feldman, Christ'l De Landtsheer) <http://bookre.org/reader?file=1043011&pg=3> (in English) (Accessed: 28.08.23).
25. Rathmayr, R. Neue Elemente im russischen politischen Diskurs seit Gorbatschtow / R. Rathmayr, R. Wodak, F. P. Kirsch eds. *Totalitare Sprache -langue de bois-language of dictatorship*. Wien: Passagen. 2005, S. 195–214. (in German)
26. Tushev, A., Bushkanets, L., et al. Complex analysis of political speech // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2019. Vol.10, Is.4. p.170-174. (in English).

Сведения об авторах:

Иванова Татьяна Константиновна – доктор филологических наук, доцент кафедры теории и практики преподавания иностранных языков ИФиМК КФУ (Россия, Казань). Сфера научных и профессиональных интересов: политический дискурс, сопоставительное словообразование, лингвистический анализ текста, лингвокультурология, специальный перевод.

E-mail: Tatiana.ivanova@kpfu.ru. ORCID ID: 0000-0001-5355-6430

Муталлапова Алина Альфритовна – студентка отделения перевода и переводоведения ИМО, Казанский федеральный университет. Сферы интересов: политический дискурс, сопоставительная лингвистика, лингвокультурология, специальный перевод. Эл. Адрес : alinamk00@mail.ru

Чигашева Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: семантика, лексикология, политический дискурс, перевод.

E-mail: mchigasheva@mail.ru ORCID: 0000-0003-1423-5479

About the authors:

Tatiana K. Ivanova – PhD, is Assistant Professor, Department of Theory and Praxis in Teaching Foreign Languages, Kazan Federal University (Kazan, Russia). Spheres of research and professional interest: political discourse, comparative word formation, linguistic analysis of the text, linguoculturology, special translation.

E-mail: Tatiana.ivanova@kpfu.ru. ORCID ID: 0000-0001-5355-6430

Alina A. Mutallapova – Student of the Institute of Public Relations, Higher School of Translation and Translation Studies, IMO, Kazan Federal University (Kazan, Russia). Spheres of research and professional interest: political discourse, comparative linguistics, linguoculturology, special translation. E-mail: alinamk00@mail.ru

Marina A. Chigasheva – PhD in Linguistics, is Professor of German Language Department, MGIMO University (76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia). Spheres of research and professional interest: semantics, lexicology, political discourse, translation.

E-mail: mchigasheva@mail.ru ORCID ID: 0000-0003-1423-5479

* * *

ENGLISH URBAN NEOLOGICAL DISCOURSE: PRAGMASEMANTIC ASPECT

Veronika V. Katermina

*Kuban State University,
149, ul. Stavropolskaya, 149, Krasnodar, 350040, Russia*

Abstract. The article is devoted to the analysis of semantic, cognitive and pragmatic features of English neologisms of the urban discourse to identify in their definitions and contextual field the mentality features of the creators of these neologisms. The relevance of the study is ensured by the continuous expansion of the corpus of English neologisms, the permanent interest of linguists in the English urban neological discourse, the need for scientific interpretation of the display of collective experience in the analyzed vocabulary. The material was the examples taken from English electronic sources from 2017 till 2023. The choice was determined by the fact that these resources provide informal vocabulary reflecting the characteristics of collective word creation. The fundamental method is lexicological analysis allowing one to consider the new network vocabulary of the English urban discourse from the perspective of its semantic and pragmatic potential. The study uses elements of the following types of analyses: discursive, interpretative, descriptive, component, structural, semantic, cognitive and stylistic. The urban discourse is understood as a set of cognitive and pragmatic characteristics contained in English neological units used to implement the entire spectrum of ideas about the modern city by the participants in this discourse. Neologisms are traditionally understood as the result of dynamic processes reflecting the adaptation of the language to the transformations in the society. The article notes that English urban neologisms have a cognitive and pragmatic potential, which is a consequence of the subjective evaluative worldview. Evaluation as a process of establishing the value relationship of a person to the analysed neologisms and as a result of this relationship is an integral part of the process of reflecting reality and has a cognitive nature.

Keywords: neologism, the English language, urban discourse, cognition, pragmatics, stylistics, connotation, nomination, dominant, culture

For citation: Katermina V.V. (2024). English urban neological discourse: pragmasemantic aspect. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(1), pp. 35–46. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-1-38-35-46>

АНГЛИЙСКИЙ УРБАНИСТИЧЕСКИЙ НЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ПРАГМА-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В.В. Катермина

*Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодар, ул. Ставропольская, 149*

Аннотация. Статья посвящена анализу семантических, когнитивных и прагматических особенностей английских неологизмов урбанистического дискурса с целью выявления в их определениях, а также в их окружении отличительных черт менталитета создателей неологических единиц. Актуальность исследования обеспечена непрерывным расширением корпуса англоязычной неологической лексики, неослабевающей заинтересованностью учёных к этой области новых слов – неологизмов урбанистического англоязычного дискурса, необходимостью научной интерпретации отображения коллективного опыта в анализируемом пласте лексики. Материалом настоящего исследования послужили примеры, извлечённые методом сплошной выборки из англоязычных лексикографических электронных источников за период 2017–2023 годов. основополагающим методом исследования становится лексикологический анализ, позволяющий рассмотреть новую сетевую лексику англоязычного урбанистического дискурса со стороны её семантического и прагматического потенциала. В исследовании по мере необходимости используются элементы таких видов анализа, как дискурсивный, интерпретативный, описательный, компонентный, структурный, семантический, когнитивный и стилистический. Урбанистический дискурс рассматривается в данной статье как система взаимосвязанных характеристик неологизмов англоязычного дискурса в плане их реализации когнитивных и прагматических свойств. Данные характеристики необходимы для понимания восприятия современного города сознанием участников дискурса. Следуя классической трактовке неологизмов в отечественной и зарубежной лингвистике, мы понимаем неологизмы как итог тех изменений, которые происходят в языковом сознании общества. Неологизмы англоязычного урбанистического дискурса – это единицы, рассмотрение и анализ которых необходимы для создания многогранной лингвистической модели. В статье говорится о наличии семантических, когнитивных и прагматических ресурсов англоязычных новых урбанизмов, возникающих вследствие существования оценки человеком. Оценка как процесс установления ценностного отношения человека к анализируемым неологизмам и как результат этого отношения является неотъемлемой частью процесса отражения действительности и имеет когнитивную природу.

Ключевые слова: неологизм, английский язык, урбанистический дискурс, семантика, когнициция, прагматика, стилистика, коннотация, номинация, доминанта, культура

Для цитирования: Катермина, В.В. (2024). Английский урбанистический неологический дискурс: прагма-семантический аспект. *Филологические науки в МГИМО*. 10(1), С. 35–46. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-1-38-35-46>

1. Введение

Эволюция средств интернет-связи вызвала резкий рост неологических единиц. Их формирование «отразило в себе радикальные культурные трансформации, повлекшие за собой изменение картины мира. Интернет стал пространством изобретения и фиксации неологизмов в речи, универсальной площадкой для коллективного словотворчества – многообразие жанров сетевого общения повлекло за собой расширение возможностей рядовых участников интернет-дискурса в плане сотворения неологизмов» [5, с. 65].

Новые слова воссоздают и передают «изменения коллективного сознания, передают специфику познавательной деятельности и установок современного человека, являются зримым носителем общественных ценностей» [12, с. 3]. Дэвид Кристалл, ведущий британский лингвист, даёт следующую характеристику неологической единицы: «создание новых лексических единиц как реакция на изменение обстоятельств внешнего мира, приобретающее определённую актуальность внутри речевого сообщества в определённое время. Новые слова в определённой степени передают идею новизны. Новые слова в языке постоянно входят в лексикон для описания новых концепций и технологий и того, что они для нас значат» [21, р. 234].

Цель статьи – анализ семантических и прагматических особенностей английских неологизмов урбанистического дискурса для выявления в их определениях, а также в их окружении отличительных черт менталитета создателей подобных неологических единиц. Значимость данного исследования заключается в том, что изучение и познание неологических единиц как в обществе, так и в языке требует создания особых условий, которые помогут изучить функционирование этих слов. Считается, что одна из задач для раскрытия познавательных систем функционирования неологических единиц – «анализ тех когнитивных структур, в которых хранится знание о прагматически релевантных условиях уместного выбора и использования лексических единиц» [3, с. 11].

Изучение отражения в структуре английского языка механизма функционирования города рассматривается нами как «комплексная и интересная задача, решение которой находится в интердисциплинарном поле» [13, с. 98].

2. Материалы и методы исследования

Методологической базой исследования послужили работы учёных, анализировавших когнитивно-прагматический потенциал новой лексики. В частности, данные особенности неологизмов рассматривались в работах А. Е. Бельковой [2], Е. А. Ерочкиной [4], В.В. Катерминой, С.Х. Липириди [6], [7]; Н. Н. Кошкарновой [10], Е.В. Кондрашевой, А.О. Тининой [8]. Также нами были учтены выводы таких зарубежных исследователей новой лексики как J.Algeo [17], D.K. Barnhart [18], I. Creus, J. Julià-Muné [20], A.Rey [32] и др.

Неологизмы урбанистического дискурса обладают когнитивно-прагматическим потенциалом, который является следствием субъективной оценочной картины мира. Они приобретают ценностную значимость и эмоциональную окрашенность (Е.С. Кубрякова [11], Н.С. Розов [14], Т.Ф. Ухина [16], R.M. Williams [37] и др.).

Материалом исследования послужили примеры, извлечённые методом сплошной выборки из лексикографических электронных источников (Wordspy [30], Urban Dictionary [29], Cambridge Dictionaries Online Blog [24]) за период 2017–2023 годов. Данные неологические словари были выбраны потому, что в них заключена лексика, отображающая характерные черты коллективного создания новых слов.

Основопологающим методом исследования становится лексикологический анализ, позволяющий рассмотреть новую сетевую лексику англоязычного урбанистического дискурса со стороны её семантического и прагматического потенциала. В исследовании по мере необходимости используются элементы таких видов анализа, как дискурсивный, интерпретативный, описательный, компонентный, структурный, семантический и стилистический.

3. Результаты исследования

Урбанистический дискурс рассматривается в данной статье как система взаимосвязанных характеристик неологизмов англоязычного дискурса в плане реализации их когнитивных и прагматических свойств.

Возникновение «дискурса города» – «это консолидация ряда дискурсивных пространств, скреплённых содержательными характеристиками мегаконцепта “город”. В большей степени эти характеристики опираются на дифференциальное представление субъектов дискурса о благоустройстве города» [13, с. 99].

Английские неологизмы, составляющие основу урбанистического дискурса, обладают концептуальным содержанием и отражают ключевые особенности анализируемого дискурса.

Следует отметить выделение важных когнитивных доминант данного дискурса (*экологичность, удобство, комфорт*), отражённых в восприятии участников урбанистического дискурса при помощи неологических номинаций.

Основным компонентом урбанистического дискурса вообще и урбанистического неологического дискурса в частности является номинация города. В нашем материале данный компонент представлен двумя лексемами – *town* и *city*.

Согласно MacMillan Dictionary, *a town is a place where people live and work that is smaller than a city* [28], в то время как *a city is a large important town* [там же]. Разница заключается в размере (*smaller than a city, a large town*) и значимости (*important*).

В анализируемом материале можно отметить тенденцию к постройке экологических и «умных» городов.

Прежде всего рассмотрим три примера описания подобных населённых пунктов, которые уже появились в мире.

Eco-city – a city in which pollution and other potentially harmful environmental effects are minimised. Экологический город представляет собой город, в котором уменьшается и сокращается влияние пагубных для здоровья человека и окружающей нас действительности веществ.

Данная дефиниция позволяет раскрыть положительный потенциал подобных городов: ключевым словом в данном случае является лексема *to minimize* – *свести к минимуму*.

Такой город существует в Латинской Америке: *Now, Medellin wants to reinvent itself again – this time as Latin America’s first “eco-city” with wide-ranging initiatives in renewable energy, transportation, housing, water management and waste. As governments and investors around the world direct funds towards pandemic recovery efforts, cities like Medellin are taking the opportunity to simultaneously set a climate-friendly agenda for years to come* [31]. К основным особенностям можно отнести *wide-ranging initiatives in renewable energy, transportation, housing, water management and waste* – *широкий спектр инициатив в области возобновляемых источников энергии, транспорта, жилья, управления водными ресурсами и отходами, а также a climate-friendly agenda* – *благоприятная для климата среда*.

Ещё одним примером «экологического города» может служить «город-лес»: *forest city – the term used to refer to urban proposals that are designed combining urban infrastructures with local vegetation from the ecosystem in which the city is built (термин, используемый для обозначения предложений по благоустройству города, сочетающих городскую инфраструктуру с растительностью местной экосистемы, в которой построен город)*. Сущность лесного города включает в себя форму естественного симбиотического города или территории, которая не разрушает естественную среду обитания, а использует её достоинства.

Стефано Боэри, архитектор, известный своими небоскрёбами, покрытыми растениями, разработал проект создания целых новых зелёных поселений в Китае, страдающем от грязного воздуха. Согласно его проекту, наличие такого большого количества растений, деревьев и кустарников способствует очистке воздуха, способствует поглощению CO₂ и выработке кислорода. И что очень важно, такое большое количество растений является удивительным вкладом в поглощение пыли, образующейся в результате городского движения [22].

Умный город – *smart city* – *a city where information and communications technology is used to improve the life of its residents* (умный город – город, где для улучшения жизни жителей основное внимание уделяется информационно-коммуникационным технологиям).

Попытка построить такой город была в Торонто. Sidewalk Labs выиграла первоначальный контракт на застройку района в 2017 году и пообещала радикальное сочетание офисов, торговых площадей и домов с высокотехнологичными решениями городских проблем, таких как движение транспорта и вывоз мусора [34].

В ОАЭ Мохаммед бин Салман, наследный принц Саудовской Аравии, обнародовал планы строительства линейного города протяжённостью 100 миль под названием The Line. Город, который он хочет построить, соответствует дефиниции линейного города – очень длинного узкого города, построенного по прямой линии (*linear city* – *a very long, narrow city built in a straight line*): *Mohammed bin Salman, Crown Prince of Saudi Arabia, has unveiled plans for a 100-mile-long linear city called The Line. Announcing the project in a new video, the city would include a series of walkable communities for a million people with no cars or streets. The project locates essential facilities within a five-minute walk of housing, connected “modules” linking the Red Sea coast with north-west Saudi Arabia as part of the NEOM city-state* [33].

Основными чертами будут являться пешеходные сообщества для миллиона человек без автомобилей и улиц, а также размещение основных объектов в пяти минутах ходьбы от жилья; соединённые «модули», связывающие побережье Красного моря с северо-западом Саудовской Аравии в рамках города-государства NEOM (*the city would include a series of walkable communities for a million people with no cars or streets. The project locates essential facilities within a five-minute walk of housing, connected “modules” linking the Red Sea coast with north-west Saudi Arabia as part of the NEOM city-state*).

Важность безопасного города, где недвижимость стоит больших денег (*hedge city*), определяется возникновением данного понятия в 2014 году. Бернард Хики (Bernard Hickey) в своей статье о «хедж городе» говорит о росте объёмов покупок в данном виде города со стороны богатых людей. Он приводит цифры и факты, считая, что за данным городом – будущее: *“The influx of ‘hedge city’ buying from wealthy individuals in emerging markets has only just started. The amount of lending inside China has risen US\$15 trillion in the last six years, which is more lending than was done in the last 150 years of the US banking system. At the moment most of that money is stuck in China, but the new leader Xi Jinping is determined to relax the capital controls that currently stops all but a trickle of that money from flooding out into other property markets”* [23].

Основными характеристиками данного типа города можно назвать приватность, уединение, социальную и политическую стабильность (*privacy, seclusion, social and political stability*), что считается важными ценностями современного человека.

Ещё один тип города – «15-минутный город» – это город, устроенный таким образом, чтобы каждый, кто в нем живёт, мог добраться до любого нужного объекта (места) за 15 минут пешком или на велосипеде (*15-minute city* – *a city that is designed so that everyone who lives there can reach everything they need within 15 minutes on foot or by bike*).

Также к одной из тенденций нашего времени можно отнести возникновение городов-«зумов» (*zoom town* – *a town in which a large number of residents work remotely*). Тенденция работать дистанционно повлекла за собой необходимость предоставления возможностей для людей работать из дома.

Не менее важным элементом урбанистического дискурса являются и здания. К основным зданиями можно отнести отели, кафе, магазины.

Номинации отелей включают в себя такие важные характеристики, как комфорт: *poshtel – an upscale and luxury hostel*; *hometel – a hotel that is designed to make guests feel as though they are living in a comfortable home*.

И если в первой номинации акцент делается на роскоши (не случайно данная неологическая единица образована путём слияния двух слов – *posh* и *hostel*), то во второй внимание обращается на чувство комфорта, который можно испытать только дома (слияние слов *home* и *hotel*): *As a cute portmanteau between ‘home’ and ‘hotel’, a homotel embodies the standard hotel features that you would expect such as onsite security, daily housekeeping, in-room coffee and gym facilities while also appeasing the home sharing crowd with kitchens, flexible communal spaces, laundry and split-level mezzanine bedrooms* [35]; *“a building that includes a 200-metre-deep ground source heat pump, solar panels, runs on 100 per cent renewable energy and uses electricity only (no fossil fuels) doesn’t come without its challenges”* [36].

К новым видам отеля можно отнести и «отель-пузырь» – *bubble hotel*: Согласно рекламе из журнала *Travel Away*, гостей отеля приглашают спать под звёздами в надувных пластиковых пузырях... Каждый индивидуально оформленный номер удобно уединён и оснащён полностью непрозрачной ванной комнатой и телескопом для наблюдения за звёздами: *Luxury meets outdoor living at ATTRAP’RÊVES, a unique bubble hotel tucked away in the picturesque countryside of Marseille. Here, guests are invited to sleep beneath the stars in inflatable plastic bubbles ... Each individually decorated unit is conveniently secluded and comes with a completely opaque bathroom and a telescope for stargazing* [38].

К новинкам урбанистических кафе можно отнести *“an anti-procrastination café (productivity café) – a dedicated space where individuals go to work without distractions. The concept has gained popularity in recent years as people seek respite from the ever-increasing distractions of modern life and strive to increase productivity”* [26].

Так, например, появившееся в Японии подобное «продуктивное кафе» направлено на то, чтобы люди творческих профессий могли соблюдать сроки завершения работы. В число услуг данного кафе входит не только хороший Интернет, неограниченное количество кофе, но и жёсткий контроль творческого процесса под присмотром персонала.

Среди «новых» магазинов отметим *guideshop – a shop where customers can see and try products then order them to be delivered to their home, but which does not stock them for sale*. Особенностью данного магазина является возможность для покупателей увидеть и попробовать товары, а затем заказать их с доставкой на дом. Данный тип магазина позволяет сконцентрироваться на обслуживании клиентов, сократить расходы за счёт небольших магазинов, предложить более широкий выбор стилей и размеров.

Анализ материала также позволил выделить различные названия очень высоких зданий. Количественный подсчёт говорит о важности подобных конструкций. К ним можно отнести, в первую очередь, номинацию небоскребов, имеющих особенности: *superskinny – a very thin skyscraper (очень высокий небоскрёб; sidescraper – a very long, narrow building that looks like a skyscraper lying on its side (очень высокое и узкое здание, похожее на небоскрёб, лежащий на боку)*.

Ключевой семей, безусловно, является сема *tall – of considerable height*. К дополнительным сема можно отнести интенсификаторы *extremely, very*; узость конструкции – *narrow*.

Также отметим наличие метафоры в составе анализируемых неологических единиц: *forest (vertical forest)*; *iceberg (iceberg basement)*; *parasite (parasite building, parasite structure)*.

Интересным, на наш взгляд, является последний пример в данной группе – феномен так называемой «паразитной» («паразитической», «паразитарной») архитектуры. Учёные считают, что «новые формы в архитектуре, такие как «паразиты» набирают популярность среди архитекторов и привлекают внимание жителей городов своей необычной формой и структурой» [15].

Ещё одной важной семей можно считать «применение»: одна из номинаций обозначает здание для очистки воздуха (*smog tower – a tall, narrow structure that uses fans and filters to clean the air in an area where there is a lot of air pollution*), другая номинация описывает «энергоположительное» (т.е. эффективно использующее электроэнергию) здание (*energy-positive – an energy-positive building generates more energy than it uses*).

Важной составляющей урбанистического дискурса являются его участники, которые не только работают в офисах, ходят в магазины, отдыхают в отелях, но и живут в домах. Неологизмы, номинирующие квартиры и дома, составляют значительную часть анализируемых лексем. В неологических единицах, где ведущим компонентом является слово **квартира** (*apartment*), акцент делается на маленьком размере, выраженном морфемой *micro-*: *microcondo*, *microflat*.

Неологизмы с ключевой семой *house* более разнообразны.

Помимо сем «размер» (*large*), интенсификатора «очень» (*very*), появляется сема стоимости (*expensive*): *gigamansion – a very large and expensive house*. Подобные дома стали обычным явлением в Бель-Эйр, Беверли-Хиллз и Холмби-Хиллз.

Подобно «умным» городам, также существуют и «умные» дома: *super-home – a house that uses very little energy because it has good insulation and has been built using renewable technologies*. Подобные дома спроектированы таким образом, чтобы оставаться прохладными летом и тёплыми зимой. Такие экологичные дома используют очень мало энергии (*very little energy*), они обладают возобновляемыми технологиями (*renewable technologies*).

Следует также выделить новую единицу, номинирующую особый дом («дом упрямых хозяев» – *nail house*: первый компонент включает в себя метафору и обозначает упрямых хозяев. Сам неологизм появился в Китае, является калькой от 釘子戶 / 釘子户 (*dīngzihù*) и представляет собой игру слов: «гвозди (упрямые люди), которые застряли в дереве, и их нельзя забить молотком».

Акцент на экологию также можно проследить и в номинации улиц, дорог и мостов.

Отметим феномен «живого моста» (*living bridge*). В качестве примера можно говорить о подобном архитектурном сооружении в Ирландии: «Мост был спроектирован Wilkinson Eyre Architects, чтобы обеспечить социальное и культурное пространство, чтобы побудить пешеходов немного отдохнуть, когда они пересекают плавно изогнутую структуру. На данный момент на Шенноне он широкий и мелкий, с множеством лесистых островов, с которых открываются разнообразные виды и поддерживаются пирсы. Плата дека поддерживается двумя подвешенными под ней кабелями контактной сети» [27].

Солнечная дорога (*solar road*) – это велосипедная дорожка, вымощенная солнечными панелями со стеклянным покрытием, которые собирают энергию.

Удобство и комфорт воплощаются в улицах и аллеях, направленных на безопасность пешеходов и ограничение потоков транспорта: *skinny street – a street that is built narrower than usual to enhance traffic safety and encourage pedestrianism*; *living alley – an alley designed as a public space, particularly for pedestrians and cyclists, while maintaining limited vehicular access*.

Ключевыми в данных неологических единицах выступают следующие слова: *to enhance traffic safety – повысить безопасность дорожного движения*; *to maintain limited vehicular access – поддерживать ограниченный доступ транспортных средств*.

Интересен с точки зрения этимологии неологизм *woonerf – a living street, as originally implemented in the Netherlands and in Flanders (Belgium)*. *Techniques include shared space, traffic calming, and low speed limits* [25]. – Живая улица, первоначально реализованная в Нидерландах и Фландрии (Бельгия). Такие технологии включают создание общего пространства, замедление дорожного движения и существенные ограничения скорости.

Возникнув в Нидерландах, данный голландский концепт воплощает мечту любого городского жителя: улицы, которые сочетают в себе жилые и коммерческие помещения, а также автомобили, которые передвигаются медленно.

Подводя краткий итог рассмотрению урбанистического неологического дискурса, остановимся на номинациях типов городского дизайна.

Практика планирования и проектирования города или частей города таким образом, чтобы защитить их от приливов в результате изменения климата (*tidewater architecture*) – ещё одно подтверждение направленности градостроительства (и, соответственно, отражение этих тенденций в урбанистическом дискурсе) на защиту экологических ресурсов планеты, тщательное планирование и проектирование, которое способствует более комфортному проживанию жителей.

Новые технологии, проникающие в наши дни в архитектуру, планирование и проектирование и дизайн, направлены на проведение экспериментов. С ними соотносится целый ряд единиц, актуализируемых в современном урбанистическом дискурсе. В частности среди них можно встретить и нанотехнологии – неологизм *nanotecture*, образованный при помощи слияния двух слов – *nano* + *architecture*. По аналогии было образовано новое слово *furnitecture* (*furniture* + *architecture*), обозначающее мебель как часть устройства дома. Также довольно известными являются неологизм «вертикальная ферма» (*vertical farm*), обозначающий место в многоэтажках для растений и животных, а также «небесный бассейн» (*sky pool*) – сооружение, которое располагается между двумя зданиями.

В архитектурном дизайне городов можно встретить элементы «враждебной архитектуры» (*hostile architecture*), номинация которой имеет несколько синонимов – «неприятный дизайн» (*unpleasant design*), «оборонительная архитектура» (*defensive architecture*) и «архитектура против бездомных людей» (*anti homeless architecture*). Основная идея этих неологизмов – воплощение стратегии городского дизайна, в которой элементы искусственной среды используются для целенаправленного управления или ограничения поведения.

Согласно мнению учёных, *“the architecture of our cities is a powerful guide to its behavior, both directly and in its symbolism. Hostile architecture is a subtle expression of social division through urban design, mostly associated with the homeless. These include public spaces that are constructed or altered to discourage people from using them in a way not intended by the owner”* [19].

Компонентами, передающими негативную прагматику данных неологизмов, являются, прежде всего, компоненты их названий: *hostile, defensive, unpleasant, anti homeless*. Во всех этих лексемах содержится ярко выраженная отрицательная коннотация.

Сохранение городов – это забота не только властей и архитекторов, но и самих жителей, участников данного урбанистического дискурса: всё чаще город воспринимается как общая открытая площадка для общения, самореализации, творчества или бизнеса: *DIY urbanism – small-scale urban improvements such as the installation of street seating outside a cafe or store, undertaken by small local groups or businesses* (небольшие городские улучшения, такие как установка уличных сидений возле кафе или магазина, осуществляемые небольшими местными группами или предприятиями) и *open streets – a plan in urban areas in which certain streets are closed to motor vehicles for a period of time to allow residents to use those streets for walking, bicycle riding, skating, etc.* (план городских районов, в котором определённые улицы закрыты для автотранспорта на какой-то период времени, чтобы жители могли использовать эти улицы для прогулок, езды на велосипеде, катания на коньках и т. д.).

Благодаря движению *Do It Yourself* – «Сделай сам» – города становятся более социально ориентированными, а жители могут предпринимать маленькие тактические акции, которые могут перерасти во что-то большее. Соответственно, и урбанистический дискурс становится более социально ориентированным.

4. Дискуссия

Итак, в англоязычном урбанистическом дискурсе, включающем неологизмы, зафиксированные в электронных неографических источниках, основными элементами являются экологичность, защита экологических ресурсов, акцент на энергосберегающие ресурсы, комфортное проживание жителей города, возможность самореализации и творчества.

Анализ неологических единиц позволил выделить среди них несколько видов, к которым можно отнести номинации города, зданий (отели, кафе, магазины), наименования домов, улиц, дорог и мостов, а также типов городского дизайна.

Совокупность городов составляют «экологические города», цель которых – свести к минимуму нанесение вреда атмосфере (*eco-city*), «лесной город» (*forest city*) – место, где в инфраструктуру города «вплетена» растительность, что способствует развитию экологии и комфорту; «умный город» (*smart city*) – город-инновация, в котором основной акцент ставится на информационно-коммуникационные технологии; «хедж-город» (*hedge city*), в котором основной акцент ставится

на безопасность, и стабильность; «15-минутный город» (*15-minute city*) – город-комфорт в силу своей компактности; «город-зум» (*zoom town*) – возникший недавно тип города, обеспечивающий возможность работать дистанционно.

В определениях всех данных неологических единиц присутствуют семы с положительной коннотацией.

Примечательно то, что все эти города уже воплощены в жизнь, что доказывается примерами из массмедийных источников.

Второй вид характерной лексики данного дискурса – номинации отелей, кафе, магазинов. В их семантике также присутствуют смысловые компоненты комфорта (*poshtel, homotel*) и экологичности (*bubble hotel*).

Новинки кафе и магазинов – *anti-procrastination café* и *guideshop* – это те места, в которых жители могут как работать, так и отдыхать, а также с удобством заказывать товары.

Третий вид лексики в нашей классификации – номинация зданий. Ключевым компонентом является их форма, экологически полезные материалы, сфера применения (*plyscrapper, landscrapper; treescrapper; smog tower; energy-positive*).

Наряду с «умными» городами, среди неологизмов англоязычного урбанистического дискурса можно выделить и «умные» дома: *super-home* – они используют мало энергии и обладают возобновляемыми технологиями, что также свидетельствует об акценте на экологичность и комфорт потребителя.

Подобный акцент прослеживается и в ещё одной составляющей изучаемого дискурса – номинации улиц, дорог и мостов. Среди их основных характеристик можно перечислить чистоту и экологическую безопасность (*living bridge*); энергосберегающие ресурсы (*solar road*); удобство и комфорт (*skinny street; quietway; living alley*).

Ещё одним доказательством уже не раз выделяемых нами ключевых компонентов данного дискурса является «умная» практика планирования и проектирования частей города или города (*tidewater architecture; open streets; nanotecture; sky pool; vertical farm; furnitecture*).

Сохранение городов – это забота властей, архитекторов, а также и жителей – участников урбанистического дискурса (*hostile architecture; defensive architecture; DIY urbanism*).

Характеристика и анализ данных составляющих позволяет говорить о концептуальном наполнении данного вида дискурса и свидетельствует о когнитивных и прагматических особенностях участников урбанистического дискурса.

5. Выводы

Появление в языке новых концептов, так же, как и отмирание уже существующих, отражает «диалектическую природу всего происходящего: зарождение, функционирование (взаимодействие и взаимовлияние), уход. Изучение процессов пополнения словарного состава того или иного языка позволит выявить связь между динамикой когнитивно-словообразовательных механизмов, имеющих место в лексической системе языка, и общими тенденциями языковой эволюции, а также изменениями в языковой картине мира» [1, с. 108].

Англоязычные неологизмы, входящие в состав урбанистического дискурса, показывают изменения, вызванные сменой парадигмы и помещением человека в центр языка и культуры. С их помощью возможно прогнозировать возможные социальные, культурные и технологические изменения. Неологические единицы в английском урбанистическом дискурсе обладают склонностью выходить за пределы границ своих обычных употреблений, что связано с их когнитивно-прагматическим и аксиологическим потенциалом. Неологизмы англоязычного урбанистического дискурса – это единицы, рассмотрение и анализ которых необходимо для создания многогранной лингвистической модели.

Интеграция знаний в областях лингвистики и философии, «будучи использованной в теории градостроительства, даёт возможность создания более комфортной и «человечной» городской среды» [9, с. 921].

Список литературы

1. Абросимова Л.С. Неологизмы как фактор изменения языковой картины мира / Л.С. Абросимова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1 (26). С. 106–110.
2. Белькова А.Е. Функционирование неологизмов в интернет-ресурсах: на материале сайта NoName: монография / А.Е. Белькова. Нижневартковск: Изд-во НВГУ, 2018. 112 с.
3. Заботкина В.И. Когнитивно-прагматический подход к неологии / В.И. Заботкина // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. Сборник научных трудов. Калининград: КГУ, 1999. С. 3–9.
4. Ерочкина Е.А. Интернет-неологизмы в современном английском языке и проблема их перевода на русский язык / Е.А. Ерочкина // Вестник Калужского университета. 2020. № 1. С. 58–61.
5. Зенина И.Н. Когнитивные и прагматические факторы образования новых слов в английском языке / И.Н. Зенина, И.Г. Ищенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 23–27.
6. Катермина В.В. Словообразовательный потенциал неологизмов в англоязычном массмедийном дискурсе: монография / В.В. Катермина. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. 134 с.
7. Катермина В.В. Прагматико-аксиологический потенциал сетевых английских неологизмов туристического дискурса: монография / В.В. Катермина, С.Х. Липириди. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. 230 с.
8. Кондрашева Е.В. Новая лексика языка интернета: способы образования, причины появления / Е.В. Кондрашева, А.О. Тинина // Эпоха науки. 2019. № 18. С. 134–139.
9. Корсун М.А. Урбанистический дискурс в работах американских социологов XX века / М.А. Корсун, В.Я. Мачнев // XV Королевские чтения [Электронный ресурс]: междунар. молодёж. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Д.И. Козлова: сб. тр. : 8-10 окт. 2019 / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Самар. нац. исслед. ун-т им. С. П. Королёва (Самар. ун-т); [науч. ред. М. А. Шлеенков]. 2019. Т. 2. С.920–921.
10. Кошкарлова Н.Н. Лексико-семантические изменения как отражение ценностных приоритетов носителей русского языка / Н.Н. Кошкарлова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. №2. С.80–88.
11. Кубрякова Е.С. Новые единицы номинации в перекраивании картины мира как транснациональные проблемы / Е.С. Кубрякова // Языки и транснациональные проблемы. М.; Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. Т. 1. С. 9–16.
12. Липириди С. Х. Семантико-аксиологические и когнитивно-прагматические особенности сетевых английских неологизмов туристического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2021. 28 с.
13. Оводова С.Н., Жигунов А.Ю. «Город» в огне: анализ урбанистического дискурса методикой когнитивно-социологической (социокогнитивной) дифференциации / С.Н. Оводова, А.Ю. Жигунов // Гуманитарные исследования. 2020. № 2 (27). С. 97–101.
14. Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии / Н.С. Розов. Новосибирск: Изд-во Новосибирск. ун-та. 1998. 292 с.
15. Стратий П.В. Паразитная архитектура // П.В. Стратий, Д.А. Глаголева, И.С. Антонов / Инженерный вестник Дона. 2019. №1 URL: <http://ivdon.ru/magazine/archive/n1y2019/5589> (дата обращения 17.05.2023).
16. Ухина Т.Ф. Стилистические неологизмы в современном английском языке / Т.Ф. Ухина // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2009. №5. С. 47–51.
17. Algeo J. Problems in New-words Lexicography / J. Algeo // Dictionaries: Journal of the Dictionary Society of North America. 1994. Vol. 15 (1). P. 15.
18. Barnhart D.K. A Calculus for New Words / D. K. Barnhart // Dictionaries: Journal of the Dictionary Society of North America. 2007. Vol. 28 (1). P. 132–138.
19. Chadalavada K., Sripadma S.E. Defensive architecture – A design against humanity // International Journal of Advanced Research, Ideas and Innovations in Technology. Vol. 6. Issue 1. 2020. PP. 247–251.
20. Creus I. Neologismes Semantics. Semantic Change / I. Creus, J. Julià-Muné // Mots Nous en Català. New Words in Catalan: Una Panoramic Geolectal. A Diatopic View / ed. by M.T. Cabré, O. Domènech, R. Estopà. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2014. P. 179–205.
21. Crystal D. An Encyclopedic Dictionary of Language and languages. Oxford : Oxford University Press, 1995. 428 p.
22. 'Forest cities': the radical plan to save China from air pollution *The Guardian*, 17 Feb 2017, <https://www.theguardian.com/cities/2017/feb/17/forest-cities-radical-plan-china-air-pollution-stefano-boeri> (Accessed 17 May 2023).
23. Hickey B. Bernard Hickey: Is NZ in a Housing Bubble? *APIA Blog*, June 18, 2014 <https://apia.org.nz/questions-and-answers/bernard-hickey-is-nz-in-a-housing-bubble/2014> (Accessed 17 May 2023).
24. <http://cambridge.org> (Accessed 13 May 2023).
25. <https://en.wikipedia.org/wiki/Woonerf> (Accessed 13 May 2023).
26. <https://fik-kaffe.com/fuel-your-productivity-the-anti-procrastination-cafe/#:~:text=Short%20answer%20anti%20procrastination%20cafe%3A,and%20strive%20to%20increase%20productivity> (Accessed 13 May 2023).
27. https://ru.wikibrief.org/wiki/The_Living_Bridge (Accessed 13 May 2023).
28. <https://www.macmillandictionary.com> (Accessed 13 May 2023).
29. <http://www.urbandictionary.com> (Accessed 13 May 2023).
30. <http://www.wordspy.com> (Accessed 13 May 2023).
31. Medellín strives to become Latin America's first 'eco-city', *Aljazeera*, 31 Aug. 2021, <https://www.aljazeera.com/news/2021/8/31/medellin-strives-to-become-latin-americas-first-eco> (Accessed 13 May 2023).
32. Rey A. The Concept of Neologism and the Evaluation of Terminologies in Individual Languages / A. Rey // Terminology. International Journal of Theoretical and Applied Issues in Specialized Communication. 2005. Vol. 11, Iss. 2. P. 311–331.

33. Saudi Arabia Unveils Plans for Hundred-Mile-Long Linear City *Archdaily*, 15 Jan.2021, <https://www.archdaily.com/955079/saudi-arabia-unveils-plans-for-hundred-mile-long-linear-city> (Accessed 13 May 2023).
34. Sidewalk Labs drops Toronto smart city plans *Cities Today*, 11 May 2020, <https://cities-today.com/sidewalk-labs-drops-toronto-smart-city-plans/> (Accessed 13 May 2023).
35. Sharing economy adaptation via the ‘hometel’ 4 July 2018, <https://insights.ehotelier.com/insights/2018/07/04/sharing-economy-adaptation-via-the-hometel/> (Accessed 13 September 2023).
36. The world’s first fully net-zero ‘hometel’ is setting a new global industry standard *CEO Magazine*, 16 Dec. 2021, <https://www.theceomagazine.com/lifestyle/travel-leisure/room2-robert-godwin/> (Accessed 13 May 2023).
37. Williams R. M. Change and stability in values and value systems: a Sociological Perspective / R.M. Williams // *Understanding Human Values: Individual and Societal* / Ed. by M. Rokeach. New York: The Free Press, 1979. P. 15–46.
38. 10 Places in Europe Where You Can Sleep in a Bubble *Travel Away*, 22 Apr. 2022, <https://travelaway.me/sleep-in-a-bubble/> (Accessed 13 May 2023).

References

1. Abrosimova, L.S. Neologizmy kak faktor izmeneniia iazykovoi kartiny mira / [Neologisms as a factor in changing the language picture of the world] // *Voprosy` kognitivnoi lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics]. 2011. № 1 (26). PP. 106–110.
2. Bel’kova, A.E. Funktsionirovanie neologizmov v internet-resursakh: na materiale saita NoNaMe: monografiia [The functioning of neologisms in Internet resources: on the material of the NoNaMe site: monograph] / A.E. Bel’kova. Nizhnevartovsk: Izd-vo NVGU, 2018. 112 s.
3. Zabolotkina, V. I. Kognitivno-pragmaticheskii podkhod k neologii [Cognitive-Pragmatic Approach to Neology] / V. I. Zabolotkina // *Kognitivno-pragmaticheskie aspekty lingvisticheskikh issledovaniy. Sbornik nauchnykh trudov* [Cognitive-pragmatic aspects of linguistic research. Collection of scientific papers]. Kaliningrad: KGU, 1999. S. 3–9.
4. Erochkina, E. A. Internet-neologizmy v sovremennom angliiskom iazyke i problema ikh perevoda na russkii iazyk [Internet neologisms in modern English and the problem of their translation into Russian] / E.A. Erochkina // *Vestnik Kaluzhskogo universiteta* [Bulletin of Kaluga University]. 2020. No. 1. PP. 58–61.
5. Zenina, I. N. Kognitivnye i pragmaticheskie faktory obrazovaniia novykh slov v angliiskom iazyke [Cognitive and pragmatic factors in the formation of new words in the English language] / I. N. Zenina, I. G. Ishhenko // *Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. 2019. T. 12. Vy`p. 3. S. 23–27.
6. Katermina, V. V. Slovoobrazovatel’ny potentsial neologizmov v angliiskom iazyke: monografiia [Word-building potential of neologisms in the English-language mass media discourse: monograph] / V.V. Katermina. Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2019. 134 s.
7. Katermina, V. V., Lipiridi, S. Ch. Pragmatiko-aksiologicheskii potentsial setevykh angliiskikh neologizmov turisticheskogo diskursa: monografiia [Pragmatic and axiological potential of English network neologisms of tourism discourse: monograph] / V. V. Katermina, S. Ch. Lipiridi. Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2021. 230 s.
8. Kondrasheva, E. V. Novaia leksika iazyka interneta: sposoby` obrazovaniia, prichiny` poiavleniia [New Vocabulary of the Internet Language: Methods of Formation, Reasons for Appearance] / E.V. Kondrasheva, A.O. Tinina // *Epokha nauki* [Age of Science]. 2019. № 18. S. 134–139.
9. Korsun, M. A. Urbanisticheskii diskurs v rabotakh amerikanskikh sotsiologov XX veka [Urban Discourse in the Works of American Sociologists of the 20th Century] / M. A. Korsun, V. Ya. Machnev // *XV Korolevskie chteniia* [XV Royal Readings] [Elektronny resurs] : mezhdunar. molodezh. nauch. konf., posvyashh. 100-letiiu so dnia rozhdeniia D. I. Kozlova : sb. tr. : 8-10 okt. 2019 / M-vo nauki i vy`ssh. obrazovaniia Ros. Federatsii, Samar. nacz. issled. un-t im. S. P. Koroleva (Samar. un-t) ; [nauch. red. M. A. Shleenkov]. 2019. T. 2. S.920–921.
10. Koshkarova, N. N. Leksiko-semanticheskie izmeneniia kak otrazhenie tsennostnykh prioritetrov nositelei russkogo iazyka [Lexico-Semantic Changes as a Reflection of the Value Priorities of Russian Speakers] / N.N. Koshkarova // *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics]. 2021. No. 2. PP. 80–88.
11. Kubryakova, E. S. Novye edinitsy nominatsii v perekraivaniy kartiny mira kak transnatsional’nye problemy [New units of nomination in reshaping the picture of the world as transnational problems] / E.S. Kubryakova // *Yazyki i transnatsional’nye problemy* [Languages and transnational issues]. M.; Tambov: Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina, 2004. Vol. 1. PP. 9–16.
12. Lipiridi, S. Ch. Semantiko-aksiologicheskie i kognitivno-pragmaticheskie osobennosti setevykh angliiskikh neologizmov turisticheskogo diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Semantic-axiological and cognitive-pragmatic features of English network neologisms of tourism discourse: author. dis. ... cand. philol. sciences]. Krasnodar, 2021. 28 s
13. Ovodova, S. N., Zhigunov, A. Yu. “Gorod” v ogne: analiz urbanisticheskogo diskursa metodikoi kognitivno-sotsiologicheskoi (sotsiokognitivnoi) differentsiatsii [“City” on fire: analysis of urban discourse by the method of cognitive-sociological (socio-cognitive) differentiation] / S. N. Ovodova, A. Yu. Zhigunov // *Gumanitarny`e issledovaniya* [Humanities Studies]. 2020. № 2 (27). S. 97–101.
14. Rozov, N. S. Tsennosti v problemnom mire: filosofskie osnovaniia i sotsial’nye prilozheniia konstruktivnoi aksiologii [Values in a Problematic World: Philosophical Foundations and Social Applications of Constructive Axiology] / N.S. Rozov. Novosibirsk: Izd-vo Novosibirsk. un-ta. 1998. 292 s.
15. Stratij, P. V., Glagoleva, D .A., Antonov I. S. Parazitnaia arkhitektura [Parasitic architecture] // P.V. Stratij, D.A. Glagoleva, I.S. Antonov / *Inzhenernyi vestnik Dona* [Engineering Bulletin of the Don]. 2019. No. 1 <http://ivdon.ru/magazine/archive/n1y2019/5589> (Accessed 17 May 2023).
16. Uhiina // *Nauchny Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel’nogo universiteta* [Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering]. 2009. No. 5. PP. 47–51.
17. Algeo, J. Problems in New-words Lexicography / J. Algeo // *Dictionaries: Journal of the Dictionary Society of North America*. 1994. Vol. 15 (1). P. 15.

18. Barnhart, D. K. A Calculus for New Words / D. K. Barnhart // *Dictionaries: Journal of the Dictionary Society of North America*. 2007. Vol. 28 (1). P. 132–138.
19. Chadalavada, K., Sripadma, S. E. Defensive architecture – A design against humanity. *International Journal of Advanced Research, Ideas and Innovations in Technology*. Vol. 6. Issue 1. 2020. PP. 247–251.
20. Creus, I. Neologisms Semantics. Semantic Change / I. Creus, J. Julià-Muné // *Mots Nous en Català. New Words in Catalan: Una Panoramic Geolectal. A Diatopic View* / ed. by M.T. Cabré, O. Domènech, R. Estopà. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2014. P. 179–205.
21. Crystal, D. *An Encyclopedic Dictionary of language and languages*. Oxford: Oxford University Press, 1995. 428 p.
22. 'Forest cities': the radical plan to save China from air pollution *The Guardian*, 17 Feb 2017, <https://www.theguardian.com/cities/2017/feb/17/forest-cities-radical-plan-china-air-pollution-stefano-boeri> (Accessed 17 May 2023).
23. Hickey, B. Bernard Hickey: Is NZ in a Housing Bubble? *APIA Blog*, June 18, 2014 <https://apia.org.nz/questions-and-answers/bernard-hickey-is-nz-in-a-housing-bubble/2014> (Accessed 17 May 2023).
24. <http://cambridge.org> (Accessed 13 May 2023).
25. <https://en.wikipedia.org/wiki/Woonerf> (Accessed 13 May 2023).
26. <https://fik-kaffe.com/fuel-your-productivity-the-anti-procrastination-cafe/#:~:text=Short%20answer%20anti%20procrastination%20cafe%3A,and%20strive%20to%20increase%20productivity> (Accessed 13 May 2023).
27. https://ru.wikibrief.org/wiki/The_Living_Bridge (Accessed 13 May 2023).
28. <https://www.macmillandictionary.com> (Accessed 13 May 2023).
29. <http://www.urbandictionary.com> (Accessed 13 May 2023).
30. <http://www.wordspy.com> (Accessed 13 May 2023).
31. Medellín strives to become Latin America's first 'eco-city', *Aljazeera*, 31 Aug. 2021, <https://www.aljazeera.com/news/2021/8/31/medellin-strives-to-become-latin-americas-first-eco> (Accessed 13 May 2023).
32. Rey, A. The Concept of Neologism and the Evaluation of Terminologies in Individual Languages / A. Rey // *Terminology. International Journal of Theoretical and Applied Issues in Specialized Communication*. 2005. Vol. 11, Iss. 2. P. 311–331.
33. Saudi Arabia Unveils Plans for Hundred-Mile-Long Linear City *Archdaily*, 15 Jan. 2021, <https://www.archdaily.com/955079/saudi-arabia-unveils-plans-for-hundred-mile-long-linear-city> (Accessed 13 May 2023).
34. Sidewalk Labs drops Toronto smart city plans *Cities Today*, 11 May 2020, <https://cities-today.com/sidewalk-labs-drops-toronto-smart-city-plans/> (Accessed 13 May 2023).
35. Sharing economy adaptation via the 'hometel' 4 July 2018 <https://insights.ehotelier.com/insights/2018/07/04/sharing-economy-adaptation-via-the-hometel/> (Accessed 13 September 2023).
36. The world's first fully net-zero 'hometel' is setting a new global industry standard *CEO Magazine*, 16 Dec. 2021, <https://www.theceomagazine.com/lifestyle/travel-leisure/room2-robert-godwin/> (Accessed 13 May 2023).
37. Williams, R. M. Change and stability in values and value systems: a Sociological Perspective / R.M. Williams // *Understanding Human Values: Individual and Societal* / Ed. by M. Rokeach. New York: The Free Press, 1979. P. 15–46.
38. 10 Places in Europe Where You Can Sleep in a Bubble *Travel Away*, 22 Apr. 2022, <https://travelaway.me/sleep-in-a-bubble/> (Accessed 13 May 2023).

Сведения об авторе:

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии КубГУ (Россия, Краснодар). Сфера научных и профессиональных интересов: неология, медиалингвистика, лингвокультурология, гендерология.

E-mail: veronika.katermina@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-9141-9867

About the author:

Veronika V. Katermina, Prof. Dr. habil., is Professor of Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russia). Spheres of research and professional interest: neology, media linguistics, linguoculturology, gender studies. E-mail: veronika.katermina@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-9141-9867

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

* * *

MORPHOLOGY AND SEMANTICS OF DERIVATIONAL METAPHORS IN SPANISH MEDIA DISCOURSE

Marina V. Larionova, Galina S. Romanova

MGIMO UNIVERSITY,
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The cognitive and pragmatic potential of derivational metaphorical nominations, actively used in the Spanish media discourse, represent a relevant direction of Discursive and Cognitive research that requires scientific comprehension.

The article is devoted to the study of the linguo-cognitive specificity of derivational metaphors that verbalize new meanings, name new realities and frequently function as nomination-neologisms or occasionalisms. Derivational metaphors perform a pragmatic function, broadcasting an intentionally conditioned vision of the world in modern Spanish media discourse, and implement the intentional and evaluative discourse pragmatics. The objective of the study is to consider the morphosemantics of derivational metaphors and analyse the most frequent word-forming productive models of metaphorical nominations in Spanish media discourse.

An integral methodological approach is used to the study of word-formation discursive metaphors, which combines contextual, semantic, interpretive and stylistic analysis methodologically opening up the possibility of a systemic study of the linguo-pragmatics of derivative metaphorical nominations that function in the Spanish media discourse. The most productive morphosemantic models of word formation for creating metaphorical concepts in the Spanish media space are affixation (prefixation and suffixation as well as their combination) and word compounding.

The cognitive approach to the study of derivational metaphors through the prism of onomasiological theory allows one to interpret the process of word formation as a way of translating cognitive attitudes and meanings. The metaphorical meaning is generated by a derivational act. The morphological structure of a word change is not identical to the sum of the meanings of the derivational components involved in the creation of a new metaphor. In the discursive space the associative potential relative to the basic meaning of affixes or root morphemes in compound words brings a number of interpretations that vary the metaphorical rethinking of their semantics and integrate axiological evaluation.

The discursive role of word-formation metaphors, which have an evaluative potential, lies in the implementation of the pragmatic function of updating meanings, aimed at influencing the consciousness and behaviour of the target audience.

Keywords: the Spanish language, media discourse, cognitive science, pragmatics, metaphor, derivational/derivative metaphor, prefixation, suffixation, word compounding

For citation: Marina V. Larionova, Galina S. Romanova (2024). Morphology and semantics of derivational metaphors in Spanish media discourse. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(1), pp. 47–59. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-1-38-47-59>

МОРФОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В ИСПАНСКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

М.В. Ларионова, Г.С. Романова

*Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76*

Аннотация. В испанском медийном дискурсе активно функционируют словообразовательные метафорические номинации. Их когнитивный и прагматический потенциал представляет актуальное направление дискурсивных и когнитивных исследований, которое требует научного осмысления.

Целью статьи является изучение лингвокогнитивной специфики словообразовательных метафор – особых номинаций-неологизмов или окказионализмов, которые позволяют вербализовывать новые смыслы и называть новые реалии. Деривационные метафоры выполняют прагматическую функцию, так как транслируют интенционально обусловленное видение мира в информационном поле современного испанского медийного дискурса, реализуя тем самым интенциональную и оценочную прагматику дискурса. Задача исследования состоит в том, чтобы рассмотреть морфосемантику деривационных метафор и проанализировать наиболее частотные словообразовательные семантические модели метафорических номинаций реалий современной жизни в испанском медийном дискурсе.

Используется интегральный методический подход к исследованию словообразовательной дискурсивной метафоры. Он включает в себя контекстуальный, семантический, интерпретативный и стилистический анализ, который методологически открывает возможность системного изучения лингвопрагматики деривационных метафорических номинаций в испанском медийном дискурсе. С точки зрения морфосемантики наиболее продуктивными деривационными моделями для создания метафорических концептов в испанском медийном пространстве остаются аффиксация (как префиксация, так и суффиксация, а также их совместное использование) и словосложение.

Когнитивный подход к изучению словообразовательных дискурсивных метафор сквозь призму ономазиологической теории позволяет интерпретировать процесс словообразования как способ трансляции когнитивных установок и смыслов. При этом метафорическое значение порождается деривационным актом при изменении морфологической структуры слова и не тождественно сумме значений деривационных компонентов, участвующих в создании новой метафоры. Ассоциативный потенциал, который связан с базовым значением аффиксов или корневых морфем в сложных словах, в дискурсивной среде допускает целый ряд интерпретаций, варьирующих метафорическое переосмысление их семантики и интегрирующих аксиологическую оценочность.

Дискурсивная роль словообразовательных метафор, которые обладают оценочным потенциалом, заключается в реализации прагматической функции актуализации смыслов, направленной на оказание воздействия на сознание и поведение аудитории-адресата.

Ключевые слова: испанский язык, медийный дискурс, когнитивистика, прагматика, метафора, словообразовательная/деривационная метафора, префиксация, суффиксация, словосложение

Для цитирования: Ларионова М.В., Романова Г.С. (2024). Морфология и семантика словообразовательной метафоры в испанском медийном дискурсе. *Филологические науки в МГИМО. 10(1)*, С. 47–59. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-1-38-47-59>

1. Словообразовательная метафора. Теоретические основы исследования

Благодаря дискурсологии в науке утвердилась традиция описания действительности через язык, когда социальное пространство конституируется через дискурс и интерпретируется как пространство дискурсивное. Это означает, что любое социальное явление, ситуация или объект могут быть выражены как знание, а средством выражения знания является язык, иными словами, речевая практика, дискурс. Овладение процессом и механизмами естественной структуризации представлений о мире в человеческом разуме создаёт возможность в дальнейшем использовать их намеренно, искусственно или целенаправленно конструируя необходимые когнитивные модели и смыслы, что имеет особое прагматическое значение в медийном дискурсе [1, с. 317–380], [8, с. 5–13].

В дискурсивной среде механизм когнитивной интерпретации действительности преимущественно реализуется с помощью метафоры, представляющей собой одну из ключевых ментальных операций, необходимых для познания и объяснения реальности. Метафора как когнитивная операция, основанная на аналогии, является распространённым механизмом категоризации и вербализации действительности через понятия и концепты. Она позволяет ввести в оборот новые смыслы, опираясь на уже известные ментальные и языковые структуры [12, с. 202–203 и др.], [15, с. 29–43]. Гносеологический потенциал метафоры настолько широк, что даёт возможность получить представление даже о неизвестном: по словам Н.Д. Арутюновой, удачная метафора «помогает воспроизвести образ, не данный в опыте» [4, с. 5–32], поскольку «новое знание невозможно оставить в тайне» [9, с. 16]. В этом состоит суггестивный и манипулятивный потенциал метафоры, который наделяет её способностью не только номинировать объект, но и «предопределять стиль и способ мышления о нём» [4, с. 5–32].

Когнитивный подход к изучению словообразовательных дискурсивных метафор сквозь призму ономаσιологической теории, позволяет интерпретировать процесс словообразования как способ трансляции когнитивных установок и смыслов, когда метафорическое значение порождается деривационным актом при изменении морфологической структуры слова. Дискурсивная роль подобных словообразовательных метафор, обладающих оценочным потенциалом и, следовательно, развивающих значение, не являющееся «функцией их референции», заключается в реализации прагматической функции актуализации смыслов [3, с. 61], [19, с. 68–71], направленной на оказание воздействия на сознание и поведения аудитории-адресата [18], [17].

Целью статьи является исследование лингвокогнитивной специфики словообразовательных метафор, которые функционируют в качестве особых номинаций-неологизмов или окказионализмов, вербализирующих новые смыслы, называющих новые реалии, и выполняющих прагматическую функцию, транслируя интенционально обусловленное видение мира в информационном поле современного испанского медийного дискурса и реализуя тем самым интенциональную и оценочную прагматику дискурса.

Прагматика метафоры в медийном и политическом дискурсе, понимаемом как коммуникация между властью и обществом, определяется тремя взаимосвязанными факторами [9, с. 21]: *онтологическим*, задающим своего рода бытийную систему координат, отвечающую на вопрос **зачем** нужны те или иные действия и какими могут быть их последствия; *аксиологическим*, утверждающим оценочный критерий и определяющим ценностное измерение «хорошо – плохо», то есть, от-

вечающим на вопрос **как** следует оценивать действия, необходимые для достижения поставленной цели, и *функциональным*, регламентирующим действия, которые необходимо предпринять для достижения поставленной цели – **что** нужно осуществить.

Задача исследования состоит в том, чтобы рассмотреть морфосемантику деривационных метафор и проанализировать наиболее частотные словообразовательные семантические модели метафорических номинаций реалий современной жизни, которые активно используются в испанском медийном дискурсе. Языковым материалом для исследования служат метафорические номинации в их контекстном употреблении в публицистических статьях из качественных СМИ Испании за период 2012–2023 гг.: газет El PAÍS, ABC, El Mundo, El Diario, El Periódico, La Razón, El Español и др., а также корпусные данные Фонда исследований современного испанского языка Fundeu BBVA [23] и электронного банка неологизмов испанского языка Института Сервантеса [22].

Хотя метафора и метонимия как мыслительные операции имеют дело с различными концептуальными областями, строгой границы между ними провести невозможно в силу их универсальности как познавательных моделей [21, с. 126–130], [6, с. 139–142], [13, с. 26–34]. В дальнейшем изложении промежуточные состояния между метафорой и метонимией мы будем толковать как метафору.

В статье используется интегральный методический подход к исследованию словообразовательной дискурсивной метафоры, объединяющий контекстуальный, семантический, интерпретативный и стилистический анализ, который методологически открывает возможность системного изучения лингвопрагматики деривативных метафорических номинаций, функционирующих в испанском медийном дискурсе.

Метафора как когнитивно-языковой механизм в полной мере отражает тенденции и перспективы общественного дискурса, так как отвечает социальной потребности осмысления, называния и передачи нового смыслового и эмотивного содержания постоянно развивающейся действительности наиболее ёмким, понятным и приемлемым для широкой аудитории способом [2, с. 395–398], [13, с. 26–34]. Такие неологизмы-метафоры, как *opinólogo* (эксперт-непрофессионал, дилетант), *mantero* (уличный торговец, раскладывающий товар на ткани, расстелённой на земле), *parafármaco* (биодобавка, плацебо), *encontronazo* (судьбоносная встреча), *desencuentro* (встреча, которая не состоялась), *subidón* (скачок цен), *Ruxit* (Руксит), *posverdad* (постправда) и многие другие не просто выполняют номинативную функцию, называя новые реалии и понятия, появляющиеся в различных областях жизни. Благодаря своей яркой образности метафора как особая познавательная модель, как мы отмечаем выше, играет роль своего рода фильтра, который задаёт траекторию мышления и во многом определяет видение мира и его интерпретацию [там же].

Отметим, что неология метафоры является характеристикой относительной: неологизмы принадлежат весьма подвижному и динамичному пласту лексики. Прагматика их активного использования в дискурсивном пространстве неизбежно стирает ощущение новизны метафорической номинации, обозначающей новую в определённый момент времени реалию. В дальнейшем такие слова, сохраняя образность, переходят в категорию общей лексики или остаются индивидуальными окказионализмами.

Словообразовательные метафоры, реализующие особый тип смысловой связи между производным и производящим словами, активно употребляются в испанском медийном дискурсе. В.В. Лопатин, одним из первых указавший на специфическую метафорическую мотивацию подобных лексем, отмечает, что у них «переносный смысл возникает только на уровне мотивированного слова, в его словообразовательной структуре» [14, с. 55–56]. Развивая эту мысль, Е.А. Юрина подчёркивает, что «в морфологически мотивированных словах метафоризация происходит на уровне морфосемантической структуры лексемы, обладающей самостоятельным номинативным значением, которое и характеризуется образностью» [20, с. 108]. Отметим, что структура метафорического концепта предполагает, что в процессе его закрепления в сознании используются

не только собственно когнитивно-языковые механизмы, но и ментальные комплексы, основанные на суггестивном воздействии и чувственном восприятии образов, нередко обладающих прецедентностью [16]. Это служит дополнительным фактором, который способствует активному функционированию деривационных метафор в медийном дискурсивном пространстве.

Словообразовательные метафоры в полной мере реализуют все свойства метафоры как способа осмысления реальности, когда новое знание мыслится через категории уже известного. В.Г. Гак, выделяя полные и частичные метафоры, относит деривационные метафоры к особому типу, называя их частичными, так как «перенос значения сопровождается изменением в форме слова» [5, с.11–26]. Опираясь на ментальный механизм аналогии, деривационные метафоры в полной мере позволяют не только именовать, но и моделировать реальность, функционируя как номинативный и как когнитивный инструмент коммуникации. В современном испанском медийном дискурсе с точки зрения морфосемантики наиболее продуктивными деривационными моделями, которые активно используются для создания метафорических концептов в испанском медийном пространстве, остаются аффиксация (как префиксация: *poscensura*, *pospolítica*, *desamor*, *plusmarca*, *cuasipirámide*, так и суффиксация: *frenazo*, *trumpismo*, *acuerdista*, а также их совместное использование: *euroenredarse*) и словосложение (*amigovio*, *basuraleza*, *bibliodiversidad*, *ganapierde*, *duermevela*).

2. Анализ материала

а) **Префиксальная метафора.** Префиксация как продуктивный способ метафоризации является одним из инструментов создания номинаций путём актуализации переносных смыслов, заложенных в значении приставок и обладающих значительным потенциалом, то есть способностью дальнейшего расширения своей семантики. На высокую степень лексичности приставки, дающей возможность выполнять конструктивную функцию формирования общей семантики слова, его нового оценочного и метафорического значения, указывает ряд исследователей [7, с. 33–43], [10, с. 85–94]. Именно префиксальный компонент образует метафорическое значение у таких существительных, как *plusmarca* – рекорд, высший балл (*mejor resultado o puntuación*), *poliamor* – любвеобильность (*pluralidad de relaciones amorosas*), *deslengua* – брань, ругань (*hablar con desvergüenza y atrevimiento*).

Проанализированный языковой материал позволяет выделить в современном испанском медийном дискурсе две значимые тенденции формирования метафорического значения через префиксацию. Во-первых, актуальной тенденцией является использование греческих и латинских приставок для образования новых метафор, включая и терминологические номинации. Употребление наукообразной лексики в дискурсивной среде подчиняется задаче создания и поддержания прагматического эффекта авторитетности, солидности публикуемой информации. Так, греческая приставка *para-*, реализующая значение ‘вне, за рамками чего-либо’ или ‘рядом с’, метафорически передаёт смысл ‘неполноценный, недостаточный, имитирующий что-либо’: *paraestado* (непризнанное международным сообществом государство), *parafiscal* (лицо, неофициально выполняющее прокурорские обязанности), *paramilitarismo*, *paramilitares* (военизированные организации, не входящие в структуру вооружённых сил государства; наёмники), *parapoder* (лица или структуры, самонаделяющие себя властными полномочиями), *parapolítica* (изнанка политики, непрозрачные политические структуры, действующие за фасадом государственной политики) и др.; приставка *meta-* ‘за пределами’ метафоризирует классифицирующую семантику ‘перемена, превращение, переход к новому, качественно другому состоянию’ – *metaverso* (метавселенная – виртуальный мир, представляющий цифровую, а не физическую реальность), *metamaterial* (искусственный материал, имеющий свойства, не встречающиеся в природе) и др.; латинская приставка *cuasi-* со значением ‘мнимый, ложный, ненастоящий’ развивает метафорический смысл ‘якобы, почти, словно’: *cuasidinerо* (безналичные активы), *cuasicontrato* (юридические обязательства при отсутствии договора между сторонами), *cuasidelito* (неумышленное причинение вреда, не считающееся правонарушением в силу отсутствия либо умысла, либо факта совершения),

cuasirruptura (ситуация, имитирующая разрыв отношений), **cuasimercado** (торговая ярмарка, работающая без официального разрешения). Латинизированный компонент метафорических номинаций **proxy-**, функционирующий в испанском языке как префикс или как постфикс, пишущийся слитно, через дефис или даже отдельно от лексемы, к которой относится, формирует переносное значение 'опосредованный, производимый по договорённости или чужими руками': **proxy guerra – proxy-guerra, guerra proxy** (прокси-война, война, ведущаяся опосредованно на чужой территории с использованием чужих ресурсов); **proxy fuerzas, proxy-soldados** (во время военных действий нерегулярные воинские группировки и их участники, сражающиеся в интересах той или иной страны), **proxypaís** (страна, не обладающая реальным суверенитетом, управляемая извне).

Во-вторых, отметим, что префиксальные морфемы при образовании лексем абстрактной семантики реализуют способность создавать метафорические номинации через выражение аксиологически оценочного или модального значения. На подобную особенность обращают внимание Дж. Лакофф и М. Джонсон, указывающие, что пространственные представления, например, «верх» и «низ», метафоризируются и транслируют различные переносные смыслы: так, понятие «верх» традиционно вызывает позитивные ассоциации, в то время как концепт «низ» – негативные [11, с. 387–415]. При этом в дискурсивном контексте аксиология подобных метафор может переосмысляться и из позитивной становится негативной.

В испанском языке приставки пространственной ориентации со значением 'на', 'над' передаются, среди прочих, морфемами **sobre-**, **supra-**, **super-**. Дискурсивное метафорическое значение, которое развивают лексемы, включающие в состав эти префиксы, часто возникает из-за переосмысления в их морфемной структуре семантики приставки и интегрирования негативных оценочных сем. Так, **superproducción** (*producción excesiva*) означает перепроизводство, то есть избыточное производство, превышающее возможность сбыта; **sobreturismo** (*masificación del turismo*) – сверхтуризм, массовый туризм, негативно воздействующий на природу, достопримечательности, не уважающий местные традиции, **sobreprecio** (*precio excesivo*) – переплата, намеренно завышенная стоимость.

Семантика приставочных слов-метафор не мотивируется напрямую наложением значения корневой и приставочной морфем. Специфика подобных номинаций связана именно с переосмыслением транслируемого приставкой содержания. Например, префикс **post-/pos-** в дискурсивном употреблении в ряде номинаций-неологизмов, которые используются для называния реалий современного мира, теряет временную ('после, впоследствии') и пространственную ('позади') семы, актуализируя в качестве когнитивного признака негативную аксиологию 'искажённый, вымышленный, ложный, субъективный': **posverdad** – постправда, эмоции и суждения, подменяющие факты), **posdemocracia** – симулятивная демократия, **pospolítica** – политическая деидеологизация, популизм, **poscensura** – ограничение или запрет, не основанный на официальных правовых нормах, и др.

б) Суффиксальная метафора. Одним из ключевых свойств словообразовательной метафоры, которая выполняет в дискурсивном пространстве прагматическую функцию, является сочетание собственно лингвистических и экстралингвистических смыслов, влияющих на формирование общего переносного значения лексемы. Примером может служить метафоризация семантики суффикса **-ísimo/a** в испанском медийном дискурсе. Так, во времена франкистской диктатуры яркими дискурсивными метафорами стали лексемы **cuñadísimo**, **hijísima**, **nietísima**, образованные путём добавления суффикса превосходной степени **-ísimo/a** к основе существительных, обозначающих степень родства. Эти метафоры, с одной стороны, представляют собой результат языковой игры, а с другой, игры концептов: словообразовательная ассоциация с лексемой **generalísimo** (воинское звание Ф. Франко) привела к созданию образных номинаций людей из его ближайшего окружения путём индуцирования семы *исключительность, избранность*. Таким образом деривационная метафора с помощью суффикса превосходной степени прилагательного **-ísimo/a** актуализировала семантику, скрытую в исходном слове, поставив её на первый план: 'принадлежащий семье политического лидера страны, эксклюзивный, выдающийся'. Эта концептуальная модель

оказалась продуктивной, и в испанском языке возникла целая группа образных номинаций подобного рода. Так, первоначально метафора **cuñadísimo** относилась к Рамону Суньеру (Ramón Serrano Suñer), ближайшему сподвижнику Франко, идеологу испанского каудильизма, пользовавшемуся огромной властью в стране, особенно в первые годы диктатуры. Он действительно был шурином (*cuñado*) супруги Франко Кармен Поло (*Carmen Polo y Martínez Valdés*). Соответственно, метафоры-номинации **hijísima**, дочь диктатора Кармен Франко (*María del Carmen Franco y Polo*), и **nietísima**, его старшая внучка, Кармен Мартинес Бордиу (*María del Carmen Martínez-Bordiú y Franco*), в политическом и публицистическом дискурсивном пространстве заменили собой имена собственные и даже писались с заглавной буквы, так как в Испании тех лет они функционировали как прецедентные лексемы, значение которых было понятно любому члену национального языкового коллектива.

Эти номинации в современном испанском медийном пространстве потеряли непосредственную смысловую связь с исходной лексемой *generalísimo*. Тем не менее метафорическая образность суффикса превосходной степени **-ísimo/a**, который присоединяется к основе существительного, остаётся доминирующей, позволяя создавать по этой модели новые метафоры, типа **amiguísimo** – о настоящих, верных и надёжных друзьях, **torerísimo** – о выдающихся испанских матадорах, или наполнять новым содержанием уже существующие. Лексема **hijísima** дискурсивно используется, например, при указании на Иванку Трамп, старшую дочь 45-го президента США Дональда Трампа, имевшую значительное политическое влияние и занимавшую высокую должность в его администрации, а также на дочь известного во Франции политика Жан-Мари Ле Пена – Марин Ле Пен, экс-кандидата на пост президента Франции, до недавнего прошлого возглавлявшую французскую партию националистического толка. Метафора **yernísimo** употребляется в медийном дискурсе как образная номинация Джаред Кушнера, влиятельного зятя (*yerno*) Дональда Трампа.

Метафорическим значением обладает номинация **investidurísimo**: суффикс превосходной степени **-ísimo/a** добавлен к существительному *investidura* (официальное утверждение на высокую должность, вступление в должность). Благодаря механизму словообразовательной языковой игры суффикс **-dura** (*invertir – investidura*) интерпретируется не как морфема, а как полнзначное прилагательное женского рода в превосходной степени (*dura – durísima*), актуализирующее прямое значение ‘тяжёлый, трудный’. В поле реальной политики утверждение Кортесами кандидатуры П. Санчеса на должность главы правительства 07.01.2020 года действительно оказалось весьма напряжённым и состоялось не с первой попытки. В итоге политическая судьба П. Санчеса была решена перевесом всего в два голоса: 167 голосов – за, 165 – против.

Дискурсивная номинация-слоган **SánchezPolitiCastro**, которая в медийной интернет-коммуникации функционирует как хештег **#SánchezPolitiCastro**, также представляет собой окказиональную деривационную метафору. С одной стороны, благодаря когнитивной и языковой компрессии и семиотической игре транслируется аллюзия на близость взглядов П. Санчеса как главы испанской социалистической рабочей партии (ИСПП) к коммунистическим воззрениям Ф. Кастро, а с другой, имплицитруется метафорический намёк на недостаточный профессионализм Санчеса-политика – **politicastro** – через метафоризацию значения суффикса **-astro**, возникающую благодаря контаминации смысла, передаваемого этим суффиксом в таких словах, как **hijastro** – пасынок, **hermanastro** – неродной брат и т.п. Подчеркнём, что в дискурсивном пространстве метафоры-окказионализмы когнитивно конструируют действительность за счёт маркирования смыслов с целью акцентировать позицию адресанта сообщения (*selfexpression* – самовыражение, *thinkingaloud* – размышление вслух, в терминах Б. Солиса [24]). Они употребляются в модально-оценочной функции как дискурсивный инструмент, усиливающий воздействующий эффект от концептуального блендинга и влияющий на интерпретацию той или иной реалии адресатом.

В современном испанском медийном дискурсе активно функционируют дискурсивные метафоры с суффиксом **-ismo**: **amiguismo**, **cuñadismo**, имеющие значение *кумовство*, *семейственность*, *блат*, которое сформировалось не без влияния семантики существительных **amigo**, **cuñado**, а также лексем **amiguísimo**, **cuñadísimo**. Их метафорический потенциал ещё не исчерпан и развивает новые ассоциации, нередко весьма неожиданные. Так, испанский онлайн словарь не-

ологизмов, издаваемый Фондом Fundeu BBVA при поддержке Испанской королевской академии языка [23], регистрирует новые значения концепта-метафоры **cuñadismo** – ‘пустословие, риторство, болтовня’: *el término cuñadismo, que hasta ahora hacía referencia al nepotismo o favoritismo hacia los cuñados, ha ampliado su significado y se emplea, sobre todo, para referirse a la tendencia a opinar sobre cualquier asunto, queriendo aparentar ser más listo que los demás* [там же].

Особое место в испанском медийном дискурсе занимают метафоры с суффиксом **-azo**. Семантика этого продуктивного суффикса весьма широкая: от собственно увеличительной и оценочной до конкретного значения ‘удар, нанесённый каким-либо предметом’ (*golpe físico*): **escobazo** (от *escoba* – веник), **bandejazo** (от *bandeja* – поднос), **tomatazo** (от *tomate* – помидор), **manotazo** (от *mano* – рука) и др. В дискурсивной среде медийной и политической коммуникации она метафорически трансформировалась: например, концепты **pinochetazo**, **tejerazo** получили значение ‘государственный переворот’ (*golpe de Estado*), совершённый указанным лицом: суффикс **-azo** в этом случае присоединяется к основе имени собственного (*general Pinochet; teniente coronel Tejero*). Метафоризация суффикса **-azo** привела к появлению таких дискурсивных концептов, как **encontronazo** – ‘стычка, ссора, столкновение, нежелательная встреча’ (*riña, enfrentamiento*); **decretazo** – ‘декрет/закон, вызывающий полемику в обществе из-за своей несправедливости или недостаточной проработанности’ (*decreto, cuyo contenido afecta a gran parte de la población y resulta polémico porque generalmente se considera injusto o poco meditado*); **cerrojazo** (от *cerrojo* – засов) ‘категорический отказ что-либо делать или запрет на какие-либо действия’, например, запрет выделять бюджетные средства на некоторые статьи расходов или отказ в доступе к военным архивам гражданской войны: *cerrojazo a gasto y empleo público; a los archivos militares de la guerra civil* – **pelotazo** (от *pelota* – мяч) ‘быстрое обогащение в результате нелегальных действий или кумовства’ (*un rápido enriquecimiento mediante la especulación y el amiguismo*); **paquetazo** (от *paquete* – пакет) ‘набор агрессивных экономических мер, способных вопреки ожиданиям ещё больше углубить экономический кризис’ (*una serie de medidas económicas que, a juicio de los expertos, prevé una etapa mucho más agresiva y oscura de la crisis*); **tijeretazo** (от *tijeras* – ножницы), **sablazo** (от *sable* – сабля) ‘существенное сокращение расходов, урезание финансирования или субсидирования’ (*corte hecho de un golpe con las tijeras, los recortes anticrisis*). Напомним, например, лозунг, обеспечивший в своё время победу на выборах аргентинского президента Карлоса Менема: *Con un salarizado contra el tarifazo!* – Победим рост тарифов резким повышением зарплат!

Подчеркнём, что метафорический потенциал суффиксов в испанском медийном дискурсивном пространстве оказывается весьма эффективным, позволяя играть смыслами, добиваясь нужного прагматического эффекта. Наряду с **tijeretazo** ‘существенное урезание бюджета или выплат’ функционирует и образованная с помощью уменьшительного суффикса **-ito/a** метафора **tijeretito**, **tijerita** – ‘незначительное сокращение расходов’: *sí que Bruselas puede recomendar una mayor tijerita en algunas partidas del presupuesto, pero no habrá tijeretazo de los años anteriores* – Конечно, Брюссель может рекомендовать чуть больше сократить расходы по некоторым статьям бюджета, но значительных урезаний, как в прошлые годы, не будет. Лексема **tijerita** представляет собой метонирию, ставшую дискурсивной метафорой.

Метафорическая семантика суффикса **-ón, -ona** также оказалась востребованной в пространстве медийного дискурса в силу своего прагматического потенциала: традиционное увеличительное значение, передаваемое этим суффиксом, трансформируется, транслируя интенсификацию качества: **subidón** – ‘резкий скачок цен, тарифов’ (*subidón de un 8,4% del gas natural*), **apagón** – ‘внезапное отключение электроэнергии на большой территории, блокаут’ (*pérdida del suministro de energía eléctrica en un área*), или технический сбой в иной сфере (*apagón de transporte*); **intentona** – ‘смелая попытка, рискованное предприятие, окончившееся неудачей’ (*intento temerario, especialmente si se ha frustrado*); **encontrón**, вариативный синоним к **encontronazo**; **atración de aprendizaje** – ‘чрезмерное усердие, перенапряжение’.

Семантика суффикса в метафорических номинациях, образованных от существительных, в том числе от имён собственных или географических названий, позволяет обозначить различные аспекты денотативной ситуации:

-ción указывает на процессуальность: **victimización** (*proceso/acto de simular ser víctima*), **estatización** (*formar parte del Estado*), **vietnamización**, **balcanización del conflicto**, **turistificación** (*impacto que tiene la masificación turística*);

-ismo передаёт значение концептуальности: ‘идеология, политическая доктрина, образ действия, линия поведения’: **dietismo** – ‘приверженность к диетам’ (*afición a dietas permanentes*); **edadismo** – ‘дискриминация по причине возраста’ (*discriminación por razón de edad*); **asignaturismo** – ‘бессистемное изучение большого числа учебных дисциплин, ведущее к фрагментации знаний’ (*fragmentación de conocimientos en número elevado de asignaturas*); **aznarismo** (*José María Aznar*, председатель правительства Испании с 1994 по 2004 гг.); **junquerismo** (*Jean-Claude Juncker*, председатель Европейской комиссии в 2014-2019 гг.); **obamismo** (*Barack Obama*, президент США с 2009 по 2017 гг.); **trumpismo** (*Donald Trump*, президент США с 2017 по 2021 гг.): *Podemos hoy es un obamismo de izquierdas*);

-ista обозначает ‘сторонника какой-либо политической доктрины, идеологии, традиции’ (**juancarlista** (от имени *Juan Carlos I de Borbón y Borbón-Dos Sicilias*, короля Испании с 1975 по 2014 гг.); **felipista** (от имени *Felipe VI de Borbón*, нынешнего монарха Испании); **rajoyista** (от имени *Mariano Rajoy*, председателя правительства Испании с 2011 по 2018 гг.); **comidista** (*aficionado a la comida*); **acuerdista** – ‘политик, участник парламентской коалиции’);

-dad: концептуализирует значение ‘ядро политической доктрины’, вокруг которого группируются определённые действия и решения (**aznaridad** – *nacionalismo español totalmente desacomplejado*: ‘испанский национализм, лишённый всяких комплексов’).

Особо интересны появляющиеся в дискурсивном пространстве метафорические неологизмы-окказионализмы, вовлекающие в языковую и концептуальную игру. Так, наряду с **aznaridad** в испанском политическом дискурсе появилась метафора **aRatoznaridad**, значение которой становится понятным, если адресат знаком с испанской политической панорамой: Родриго Рато (*Rodrigo Rato*) занимал пост министра экономики Испании в правительстве Х.М. Аснара, а в октябре 2018 года был осуждён на четыре с половиной года по обвинению в коррупции. Ироничная оценочная метафора **Su Sanchidad**, образованная по аналогии с обращением к монарху *Su Majestad* – Ваше величество, используется политическими оппонентами председателя правительства Испании Педро Санчеса (*Pedro Sánchez*), критикующими не всегда демократические способы осуществления властных полномочий, присущие этому политику.

в) Префиксально-суффиксальные метафоры. Одновременное использование аффиксов – приставок и суффиксов – при создании метафорических концептов, фиксирующих происходящие в обществе изменения, является продуктивным языковым механизмом, который функционирует как способ смыслообразования в медийном дискурсе. В подобных метафорах, как правило, значение формируется с учётом синтеза семантики как корневой, так и аффиксальных морфем. Такие метафоры обладают большей контекстуальной зависимостью, необходимой для адекватной интерпретации передаваемых смыслов. Приведём примеры. Образованный от корня *sardina* с помощью префикса *a-* и глагольного суффикса *-ar* глагол **asardinar(se)** (*asardinarme en una lata de cercanías*) реализует метафорическое значение ‘втиснуться в ограниченное пространство’, например, в переполненную электричку, где народа «как сардинок в банке»; **desbrujulamiento** (от *brújula* – компас) благодаря приставке отрицания *des-* и суффиксу отглагольного существительного *-miento* со значением действия транслирует метафорическую семантику ‘оступить, отклониться от жизненных принципов, сбиться с пути»; **deshumillación** (*lo que Estados Unidos más necesita en Irak es una estrategia de deshumillación*): приставка *des-* передаёт значение обратного действия (*acción contraria*) – ‘загладить унижения»; глагол **descorbatar** (*descorbatar las conversaciones*), от существительного *corbata* – галстук, присоединившего отрицательный префикс *des-* и суффикса *-ar*; формирует метафорический смысл ‘снять официальность, проводить неформальную встречу’.

г) Словосложение. Продуктивной метафорической моделью в современном испанском дискурсивном пространстве является словосложение. Так, существует целый ряд метафорических неологизмов, первый элемент которых указывает на страну, а второй представляет собой англий-

ское слово *exit* – выход, например: *Gréxit* (предполагаемый выход Греции из зоны евро), *Bréxit* (прекращение членства Соединённого Королевства в ЕС). Частично делексикализовавшись, существительное *exit* стало неким подобием производного суффикса и в качестве такового активно используется для образования метафорических неологизмов, типа: лексемы *Fréxit* (*Francia+exit*), *Poléxit* (*Polonia+exit*), *Néxit* (*Nederland+exit*), *Fixit* (*Finlandia+exit*), *Espanéxit* или *Españéxit* (*España+exit*), *Italéxit* (*Italia+exit*) и др., объединённые значением ‘выход страны из некоего сообщества или организации, зачастую только предполагаемый’. Интересны когнитивные метафоры *Léxit*, которая обозначает гипотетическое отделение Лондона от остальной страны после её выхода из ЕС с целью остаться в Объединённой Европе, и *Rúxit* – отказ России от членства в ПАСЕ.

Подтверждением делексикализации *exit* можно считать появление окказиональных метафор, где значение ‘выход’ передаётся с помощью иных языковых средств, например: *Departugal* (*departure+Portugal*), *Italeave* (*Italia+leave*), *Byegium* (*bye (good bye) +Belgium*), *Fradieu* (*Francia+adieu*).

Когнитивный потенциал словообразовательной метафоры актуализируется через механизм взаимодействия языка и реальности: так, в современном дискурсе востребована метафорическая номинация *Bretorno* (*Bretaña+retorno*), концептуализирующая значение возможного ‘возвращения Соединённого королевства в Евросоюз’.

Словосложение как способ создания медийных метафор является весьма продуктивной моделью в современном испанском дискурсивном пространстве. Концептуальное значение подобных дискурсивных номинаций возникает в результате метафорического сращения двух понятий, например, *democratura* (*democracia+dictadura*) – ‘авторитарный по сути политический режим, скрывающийся за маской демократии’; *basuraleza* (*basura+naturaleza*) – ‘мусор, несущий непосредственную угрозу окружающей среде и её обитателям’; *amigovio* (*amigo+novio*) – ‘бой-френд, ухаждёр’; *narcopiso* (*narcótico+piso*) – ‘квартира, где торгуют и потребляют наркотики’; *ofimática* (*oficina +informática*) – ‘компьютерные технологии, обеспечивающие эффективную работу офиса компании и её сотрудников’; *publirreportaje* (*publicidad +reportaje*) – ‘репортаж, подготовленный в рекламных целях’. Подобные метафоры-гибриды, не лишённые образности, позволяют передать новое понятийное содержание в компактной и прозрачной языковой форме.

В медийном дискурсе в качестве производных слов при словосложении как способе создания деривационных метафор активно используются имена собственные – антропонимы и топонимы. Так, в 2020 году в Испании было сформировано первое в её демократической истории коалиционное правительство, которое возглавил лидер ИСРП Педро Санчес. Вторым вице-председателем правительства (до начала мая 2021 года) стал Пабло Иглесиас (Pablo Iglesias), руководитель парламентской коалиции Объединённые Мы Можем (Unidas Podemos). Метафора *Peblo* (Pedro+Pablo), представляющая контаминацию имён лидеров коалиционного правительства, активно использовалась в медийной коммуникации в 2020 – 2021 гг. в негативно оценочном значении, подчёркивающим наличие сговора между двумя политиками, во многом расходящимися по идеологическим взглядам, но готовыми предать свои убеждения для достижения сиюминутных политических целей. Дискурсивной метафорой стала номинация *Cubazuela/Кубасуэла*, подчёркивающая глубокое политическое и идеологическое взаимодействие Кубы и Венесуэлы, а с другой стороны, экономическую, нефтяную, зависимость Кубы от поставок нефти из Венесуэлы, особенно в период нахождения у власти президента У. Чавеса. Во многие языки, в частности, в русский, проникла лексема *Turkmenezuela/ Туркменесуэла*, чему в немалой мере способствуют процессы глобализации. Этот образ основан на сравнении ситуации в Туркменистане с экономической катастрофой в Венесуэле. Обе страны богаты углеводородами, однако политические проблемы привели к росту дефицита товаров, массовым беспорядкам, невиданной инфляции и массовой эмиграции.

Таким образом, метафорический потенциал аффиксов и сложных слов представляет собой языковой механизм, наиболее востребованный в медийном дискурсе как деривационный способ создания метафорических номинаций, хотя количество продуктивных словообразовательных моделей для образования дискурсивных метафор не исчерпывается перечисленными в статье примерами, их значительно больше. Деривационная метафора даёт возможность ёмко и точно

обозначить новые реалии современной жизни, раскрыть их концептуальное содержание, объясняя новое через уже знакомое, добавляя необходимую оценку. Прагматическая роль подобных дискурсивных метафор всегда направлена на создание заданных смыслов с целью повлиять на настроения аудитории и сформировать такое отношение к реалиям и реальности, которое выгодно адресанту сообщения.

3. Выводы

Подводя итоги исследования, отметим, что деривационная метафора, с одной стороны, задаёт в медийном дискурсе особую модель уподобления, опирающуюся на общность познавательных механизмов и когнитивного содержания, которыми владеют представители языкового коллектива. С другой стороны, анализ когнитивной модели интерпретации реалий и фактов действительности посредством метафор даёт возможность раскрыть динамику смыслового развития возникающих в дискурсе деривационных метафор-неологизмов и метафор-окказионализмов.

Новый переносный смысл появляется в подобных словообразовательных номинациях как результат метафоризации значений корневой морфемы и аффиксов, участвующих в образовании дискурсивных номинаций, или благодаря деривационному механизму словосложения. При этом метафоризация порождается несовпадением собственно лексического и словообразовательного значения, которое не тождественно сумме значений деривационных компонентов, участвующих в создании новой метафоры. Ассоциативный потенциал, связанный с базовым значением аффиксов или корневых морфем в сложных словах, в дискурсивной среде допускает целый ряд интерпретаций, варьирующих метафорическое переосмысление их семантики и интегрирующих аксиологическую оценочность.

Отметим, что ассоциативность словообразовательной метафоры нередко приводит к тому, что меняется её функциональный тип. В медийном дискурсивном пространстве преимущественно функционируют метафоры двух функциональных типов: образные и когнитивные. Образная метафора, которая появляется в результате преобразования предметного значения в признаковое и служит не столько для номинации, сколько для характеристики или оценки нового концепта (*amiguísimo* – *настоящий, верный друг*), может порождать метафору когнитивную, то есть, передавать новое понятийное содержание, основанное на сопоставлении качеств, действий, смыслов разных понятий, связанных благодаря переносному значению (*amiguismo* – *кумовство, семейственность, бласт*).

© М.В. Ларионова, Г.С. Романова, 2024

Список литературы

1. Абельсон Р. Структуры убеждений / Р. Абельсон // Язык и моделирование социального взаимодействия: переводы / Сост. В. М. Сергеева и П. Б. Паршина; общ. ред. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 317–380.
2. Алимова Р. Р. Метафора в речи испанских политиков (на материале испанского газетно-публицистического дискурса) / Р. Р. Алимова // Известия Саратовского Университета. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17. Выпуск 4. С. 395–398.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт / Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988. 340 с.
4. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры: сборник: пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
5. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое / В.Г. Гак // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С.11–26.
6. Глебкин В.В. Лексическая семантика: Культурно-исторический подход / В.В. Глебкин. М.: Центр гуманит. инициатив, 2012. 272 с.
7. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование / Е.А. Земская. М.: Просвещение, 1973. 304 с.
8. Иванов Н. В. Факторы семиогенеза (лингвофилософский анализ) / Н. В. Иванов // Филологические науки в МГИМО. 2020. 4 (24). Т. 6. С. 5–13.
9. Коктыш К.Б. Теория метафоры и политические институты: учебное пособие / К.Б. Коктыш. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2019. 225 с.

10. Кронгауз М.А. Опыт семантического описания приставки над- / М.А. Кронгауз // Московский лингвистический журнал. Том 5. № 1. Тематический выпуск. Глагольные префиксы и префиксальные глаголы. М.: Издательский центр РГГУ, 2001. С. 85–94.
11. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.
12. Ларионова М.В. Лингвосомиотика испанского политического дискурса в пространстве интернет-коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук : 5.9.8 / Ларионова Марина Владимировна. Москва, 2023. 458 с.
13. Ларионова М.В. Когниция и коммуникация: метафора в испанском медийном дискурсе / М.В. Ларионова, Г.С. Романова // Филологические науки в МГИМО. 2019. №1 (17). С. 26–34.
14. Лопатин В.В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании / В.В. Лопатин // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975. С. 53–57.
15. Малахова В. Л. Значение и смысл как основа функционального пространства английского дискурса / В. Л. Малахова // Филологические науки в МГИМО. 2022. Т. 8. № 1(30). С. 29–43.
16. Моисеенко Л.В. Прецедентность в лингвокогнитивном ракурсе (на примере медиатекста) / Л.В. Моисеенко. Воронеж: ИДЦ “Научная книга”, 2021. 320 С.
17. Погорецкая О. А. Речевая манипуляция в медиaprостранстве итальянского политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Погорецкая Ольга Андреевна. М., 2022. 210 с.
18. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса / В. Е. Чернявская. М. : URSS, 2021. 200 с.
19. Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: Языковая картина мира / О.С. Чеснокова. М.: ЛЕНАНД, 2021. 240 с.
20. Юрина Е.А. Собственно образное слово как структурно-семантический разряд образной лексики / Е.А. Юрина // Комплексное исследование образной лексики языка. Бюллетень оперативной научной информации. 2004. №38. Ноябрь. С. 107–138.
21. Якобсон Р.О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений / Р.О. Якобсон // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 110–132.
22. Banco de neologismos – Centro Virtual Cervantes. URL: https://cvc.cervantes.es/lengua/banco_neologismos/ (Дата обращения: 10.03.2023).
23. FUNDEU RAE, buscador urgente de dudas. URL: <https://www.fundeu.es/> (Дата обращения: 23.03.2023).
24. Solis, B. The Hashtag Economy. URL: <http://www.briansolis.com/2011/06/hashtag-this-the-culture-of-social-media-is/> (Дата обращения: 11.02.2023).

References

1. Abel'son, R. *Struktury ubezhdenij* [Persuasion Structures] / R. Abel'son // *Iazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodejstviia: perevody* / Sost. V. M. Sergeeva i P. B. Parshina; obshch. red. V. V. Petrova. М. : Progress, 1987. S. 317–380.
2. Alimova, R. R. *Metafora v rechi ispanskikh politikov (na materiale ispanskogo gazetno-publitsisticheskogo diskursa)* [Metaphor in the speech of Spanish politicians (based on Spanish newspaper and journalistic discourse)] / R. R. Alimova // *Izvestia Saratovskogo Universiteta. Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika*. 2017. T. 17, Vypusk 4. S. 395–398.
3. Arutyunova, N.D. *Tipy iazykovykh znachenij. Otsenka, sobytie, fakt* [Types of Language Values. Assessment, event, fact] / N. D. Arutyunova. М.: Nauka, 1988. 340 s.
4. Arutyunova, N. D. *Metafora i diskurs* [Metaphor and discourse] / N. D. Arutyunova // *Teoriia metafory: sbornik: per. s ang., fr., nem., isp., pol'sk. yaz. / Vstup. st. i sost. N. D. Arutyunovoj; obshch. red. N. D. Arutyunovoj i M. A. Zhurinskoj*. М.: Progress, 1990. S. 5–32.
5. Gak, V.G. *Metafora: universal'noe i spetsificheskoe* [Metaphor: Universal and Specific] / V.G. Gak // *Metafora v iazyke i tekste*. М.: Nauka, 1988. S.11-26.
6. Glebkin, V.V. *Leksicheskaia semantika: Kul'turno-istoricheskij podkhod* [Lexical Semantics: Cultural-Historical Approach] / V.V. Glebkin. М.: Centr gumanit. initsiativ, 2012. 272 s.
7. Zemskaya, E.A. *Sovremenny russkiy iazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian language. Word formation] / E.A. Zemskaya. М.: Prosveshchenie, 1973. 304 s.
8. Ivanov, N.V. *Faktory semiogeneza (lingvofilosofskij analiz)* [Factors of semiogenesis (linguistic and philosophical analysis)] / N.V. Ivanov // *Filologicheskie nauki v MGIMO*. 2020. 4 (24). T. 6. S. 5–13.
9. Koktysh, K.B. *Teoriia metafory i politicheskie instituty: uchebnoe posobie* [Metaphor Theory and Political Institutions: a Study Guide] / K.B. Koktysh. М.: Izdatel'stvo «MGIMO-Universitet», 2019. 225 s.
10. Krongauz, M.A. *Opyt semanticheskogo opisaniia pristavki nad-* [The experience of the semantic description of the prefix over-] / M.A. Krongauz // *Moskovskij lingvisticheskij zhurnal*. Tom 5. № 1. Tematicheskij vypusk. Glagol'nye prefiksy i prefiksial'nye glagoly. М.: Izdatel'skij centr RGGU, 2001. S. 85–94.
11. Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by] / Dzh. Lakoff, M. Dzhonson // *Teoriia metafory*. М.: Progress, 1990. S. 387–415.
12. Larionova, M.V. *Lingvosemiotika ispanskogo politicheskogo diskursa v prostranstve internet-kommunikacii* [Lingvosemiotics of Spanish political discourse in the space of Internet communication] : dis. ... d-ra filol. nauk : 5.9.8 / Larionova Marina Vladimirovna. Moskva, 2023. 458 s.
13. Larionova, M.V. *Kognitsiia i kommunikatsiia: metafora v ispanskom medijnom diskurse* [Cognition and communication: metaphor in Spanish media discourse] / M.V. Larionova, G.S. Romanova // *Filologicheskie nauki v MGIMO*. 2019. №1 (17). S. 26–34.
14. Lopatin, V.V. *Metaforicheskaja motivatsiia v russkom slovoobrazovanii* [Metaphorical motivation in Russian word formation] / V.V. Lopatin // *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniia*. Tashkent, 1975. S. 53–57.

15. Malahova, V.L. Znachenie i smysl kak osnova funkcional'nogo prostranstva anglijskogo diskursa [Meaning and sense as the basis of the functional space of English discourse] / V. L. Malahova // Filologicheskie nauki v MGIMO. 2022. T. 8. № 1(30). S. 29–43.
16. Moiseenko, L.V. Precedentnost' v lingvokognitivnom rakurse (na primere mediateksta) [Precedent in the linguocognitive perspective (using the example of a media text)] / L.V. Moiseenko. – Voronezh: IDC "Nauchnaia kniga", 2021. 320 S.
17. Pogoreckaya O. A. Rechevaia manipuliatsiia v mediaprostranstve ital'yanskogo politicheskogo diskursa [Speech manipulation in the media space of Italian political discourse] : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.05 / Pogoreckaya Ol'ga Andreevna. M., 2022. 210 s.
18. Cherniavskaia, V.E. Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa [Linguistics of Text. Linguistics of Discourse] / V. E. Cherniavskaia. M. : URSS, 2021. 200 s.
19. Chesnokova, O.S. *Ispanskij iazyk Meksiki: Iazykovaia kartina mira* [Spanish Language of Mexico: Linguistic picture of the world] / O.S. Chesnokova. M.: LENAND, 2021. 240 s.
20. Yurina, E.A. *Sobstvenno obraznoe slovo kak strukturno-semanticheskij razriad obraznoj leksiki* [Actually figurative word as a structural-semantic category of figurative vocabulary] / E.A. Yurina // Kompleksnoe issledovanie obraznoj leksiki iazyka. Biulleten' operativnoj nauchnoj informatsii. 2004. №38. Noyabr'. S. 107–138.
21. Jakobson, R.O. *Dva aspekta iazyka i dva tipa afaticheskikh narushenij* [Two Aspects of Language and Two Types of Aphasic Disturbances] // Teoriia metafory. M.: Progress, 1990. S. 110–132.
22. Banco de neologismos – Centro Virtual Cervantes, https://cvc.cervantes.es/lengua/banco_neologismos/ (Accessed 10 March 2023).
23. FUNDEU RAE, buscador urgente de dudas, <https://www.fundeu.es/> (Accessed 23 March 2023).
24. Solis, B. The Hashtag Economy, <http://www.briansolis.com/2011/06/hashtag-this-the-culture-ofsocial-media-is/> (Accessed 11 February 2023).

Сведения об авторе:

Ларионова Марина Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры испанского языка Университета МГИМО МИД России. Сфера научных интересов: лингвосомиотика, дискурсивные исследования, когнитивная лингвистика, медийный и политический дискурс, интернет-лингвистика. E-mail: larionova.m@list.ru ORCID ID: 0000-0001-6466-7363

Романова Галина Семёновна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры испанского языка Университета МГИМО МИД России. Сфера научных интересов: социолингвистика, дискурсивные исследования, когнитивная лингвистика, медийный и политический дискурс, функциональная семантика. E-mail: gromanova.home@gmail.com ORCID ID:0009-0004-8725-9265

About the authors:

Marina Larionova, Dr. Sc. (Philology), PhD (Roman Languages), is Professor at the Department of the Spanish Language of MGIMO University. Research Interests: linguosemiotics, discourse studies, cognitive linguistics, political and media discourse, Internet communication, transformation of modern university. E-mail: larionova.m@list.ru. ORCID ID: 0000-0001-6466-7363

Galina Romanova, PhD, is Associate Professor at the Department of the Spanish Language at MGIMO University, Russia. Research Interests: sociolinguistics, cognitive linguistics, political and media discourse research, functional semantics. E-mail: gromanova.home@gmail.com. ORCID ID:0009-0004-8725-9265

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

* * *

ABOUT THE RUSSIAN AND PERSIAN VERBS OF SPEECH IMPACT IN BUSINESS COMMUNICATION

Sevinj Mehdikhanli, Manije Amiri

UNIVERSITY OF GUILAN,
Iran, Rasht, P.O. Box 1841, Khalij Fars highway (5th km of Ghazvin road)

Abstract. Nowadays, business contacts between Iran and Russia are expanding more and more, and the success of this kind of communication depends on the level of proficiency in effective business communication skills. In this article are analyzed verbs of speech impact, used in business communication situations in the Russian and Persian languages. The purpose of the article is to identify these verbs, their functions and specifics in the Russian and Persian languages. The relevance of this article is determined by the necessity and importance of studying verbs of speech impact for Iranian students, especially in business communication. Due to the expansion and successful development of Iranian-Russian business, cultural, economic, and trade relations, there is a need to teach business communication, official business correspondence to Iranian students studying Russian as a foreign language. If we take into account the fact that the learning process is conducted outside the language environment, the topic of this article becomes even more relevant. These verbs are an integral part of oral and written business communication. They are an important component, without which business correspondence and business communication are impossible. The relevance of the work is also determined by the goals and objectives of teaching Russian as a foreign language in an Iranian audience and correct language knowledge in a non-linguistic environment. The theoretical and practical significance of the work lies in the fact that students as well as translators can use the conclusions of the article as additional material in classes of Russian as a foreign language at the departments of Russian in Iranian universities.

Keywords: Russian language, Persian language, business communication, verbs of speech, verbs of speech impact

For citation: Sevinj Mehdikhanli, Manije Amiri (2024). About the Russian and Persian verbs of speech impact in business communication. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(1), pp. 60–72. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-1-38-60-72>

О ГЛАГОЛАХ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ РУССКОГО И ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКОВ В СИТУАЦИЯХ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

С. Мехтиханлы, М. Амири

Гилянский университет,
Иран, г.Реит, Проспект Халидж Фарс, 1841

Аннотация. В наши дни всё более расширяются деловые контакты между Ираном и Россией, а успех такого рода общения зависит от уровня владения навыками эффективного делового общения, что находит своё отражение и в процессе обучения русскому языку как иностранному. Данная работа посвящена изучению лексико-семантической группы русских глаголов речевого воздействия. Авторы анализируют глаголы, используемые в русском и персидском языках в ситуациях делового общения. В статье преследуется цель выявить вышеуказанные глаголы и изучить их специфику и особенности функционирования в русском и персидском языках. Актуальность данной статьи определяется необходимостью и важностью изучения глаголов речевого воздействия для иранских студентов, особенно в деловом общении. Ввиду расширения и успешного развития ирано-российских деловых, культурных, экономических и торговых отношений, появляется необходимость обучить изучающих русский язык иранских студентов правилам официально-деловой переписки и делового общения. Тема настоящей статьи приобретает ещё большую актуальность, если принять во внимание тот факт, что в нашем случае процесс обучения ведётся вне языковой среды. Данные глаголы являются неотъемлемой частью как устного, так и письменного делового общения. Они являются важной составляющей, без которой невозможна деловая переписка, деловое общение. Актуальность работы также определяется задачами и целями не только обучения русскому языку как иностранному в иранской аудитории, но также активного и правильного владения данным языком в неязыковой среде. Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что выводы настоящей статьи могут быть полезными для переводчиков, а также служить дополнительным материалом на занятиях по соответствующим учебным дисциплинам для студентов, изучающих русский язык в иранских вузах.

Ключевые слова: русский язык, персидский язык, деловое общение, глаголы речи, глаголы речевого воздействия

Для цитирования: С. Мехтиханлы, М. Амири (2024). О глаголах речевого воздействия русского и персидского языков в ситуациях делового общения. *Филологические науки в МГИМО*. 10(1), С. 60–72. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-1-38-60-72>

1. Введение

Одним из важнейших аспектов человеческой жизнедеятельности является речевая деятельность. Именно речь является основной формой общения. В языке любого человеческого общества есть сфера понятий, непосредственно связанных с речевой деятельностью. Ввиду того, что каждое понятие передаётся словами или группой слов, в лингвистике огромное значение придаётся рассмотрению глаголов речи в языке, так как именно такие глаголы обозначают речь человека и виды его деятельности.

Глаголы речи широко представлены в русском языке, так как они отражают потребность общения. Данная группа глаголов также обладает своей спецификой. Глаголы речи и глаголы речевого воздействия употребляются в текстах различных стилей.

Глаголы речи и, в частности, глаголы речевого воздействия, рассматривались в работах таких исследователей, как В. Бахтина, И. Бондарь, А. Вежицкая, Л. Васильев, И. Ермолаева, Е. Падучева. Учёные выделили две основные группы глаголов, прямо обозначающие сам процесс речи:

- глаголы, обозначающие непосредственно процесс речи и его главные функции (беседа, рассказ, сообщение);
- глаголы, обозначающие иное действие, реализуемое в процессе речи (устной или письменной).

Глаголы, обозначающие сам процесс речи, были разделены И.П. Бондарем на следующие две подгруппы:

1. Глаголы, содержащие определение одной из функций процесса речи в чистом виде и без какой-либо дополнительной характеристики:

- а) глаголы максимально общего обозначения речевого процесса;
- б) глаголы более конкретного обозначения процесса речи.

2. Глаголы, содержащие дополнительные характеристики речевого процесса, в том числе начало, конец, продолжительность, сила звучания, чёткость произношения и т.д. В эту подгруппу выделяются глаголы с дополнительными словами, которые характеризуют данный процесс [3, с. 91].

По мнению В.П. Бахтиной, «наряду с общим признаком целой группы (выражения процесса речи) каждый глагол указывает на определённый речевой акт. Некоторые глаголы говорения выражают собственно процессы говорения, другие обозначают процессы речи, связанные с иными сторонами жизни и деятельности человека: волеизъявлением, проявлением различных эмоций» [2, с. 5]. В этой связи В.П. Бахтина отмечает три основные группы:

- глаголы, обозначающие сам процесс говорения;
- глаголы, определяющие процесс речи и характеризующие его в зависимости от целей коммуникации;
- глаголы, обозначающие речевые процессы, которые связаны с прочими аспектами жизни и деятельности человека [2, с. 5–6].

О.Д. Дворник в своей работе «Функциональная категоризация глаголов говорения» указывает на то, что «детальное рассмотрение сочетаемости каждого глагола помогает выявить связи глаголов речи с различными формами других слов или целыми конструкциями в составе предложения и определить зависимость этих связей от лексического значения глагола» [4, с. 10].

В настоящей работе мы будем рассматривать лексико-семантическую группу глаголов речевого воздействия. Основное внимание уделено глаголам речевого воздействия, используемым в различных ситуациях делового общения. Лексико-семантические группы, выделяющиеся и рассматривающиеся в конкретных целях в рамках преподавания русского языка, представляют собой одну из главных форм группировки лексического материала, используемого при обучении русскому языку как иностранному, в том числе в иранской аудитории.

2. Материалы и методология

В настоящей статье авторы сравнительно-сопоставительным методом анализируют различные ситуации применения глаголов речевого воздействия в деловом общении в русском и персидском языках и приводят примеры для каждой из ситуаций. Примеры даются авторами на основе многолетнего преподавательско-переводческого опыта в Гилянском университете.

Глаголы речевого воздействия, используемые в ситуациях делового общения и подлежащие анализу в данной работе, выбраны авторами из числа глаголов лексико-семантической группы глаголов речевого воздействия, зафиксированных в «Толковом словаре русских глаголов» Л.Г. Бабенко. В настоящей статье также использованы данные из научных работ таких исследователей, как: О.Д. Дворник, И.А. Стернин, М.В. Колтунова, В.П. Бахтина и др.

Научная новизна данной работы заключается в том, что в ней рассматриваются глаголы речевого воздействия русского и персидского языков в аспекте делового общения, предпринимается попытка классификации данных глаголов по семантике и ситуациям в обоих языках.

3. Основной текст

По мнению Е. Зиновьевой, «изучение лексических единиц в составе лексико-семантических групп включает не только семантический анализ входящих в группу слов и словосочетаний, но и их сочетаемую характеристику, выявление их словообразовательных, грамматических и функциональных особенностей» [5, с. 45].

В современной лингвистике в области анализа глаголов речи сформировалось представление о глаголах речевого воздействия как об особой группе, поэтому изучение данных глаголов является одной из важных тем этой науки. Глаголы речевого воздействия относятся к базовым глаголам, как и глаголы речи. Данная группа глаголов используется в речи для воздействия на собеседника с целью достижения определённой цели.

Л. Бабенко определяет глаголы речевого воздействия как «способность произносить (произнести) что-либо каким-либо образом, выражая различные эмоции, и, тем самым воздействуя на собеседника, приводя его в определённое эмоциональное состояние, а также побуждая его к чему-либо, к совершению какого-либо действия» [1, с. 349].

К лексико-семантической группе глаголов речевого воздействия мы относим такие глаголы, как: *агитировать, выпрашивать, взмалливаться, врать, выговаривать, вымалливать, грозить, допрашивать, звать, заклинать, клонить, корить, командовать, критиковать, лгать, лстить, молить, нападать, насмехаться, обрывать, оговаривать, оклеветать, остерегать, отговаривать, отчитывать, подговаривать, порочить, приветствовать, придирааться, приказывать, проклинать, просить, ругать, сказать, сквернословить, славословить, советовать, стыдить, требовать, уговаривать, угрожать, упрашивать, упрекать, укорять, хвалить»* [1, с. 349–379].

В настоящее время в лингвистике о семантике глаголов речевого воздействия сложилось представление как о «сложной структуре, обладающей особой спецификой:

- 1) данная группа глаголов содержит семантический компонент «побуждение слушающего к действию»;
- 2) подразумевает несколько обязательных компонентов: говорящий (адресант), слушающий (объект воздействия, адресат), текст, предмет речи, цель адресанта;
- 3) глаголы речевого воздействия предназначены для выражения речевых действий, однако их специфика состоит в том, что они по-разному сочетают элементы, предназначенные для передачи субъективной оценки говорящего;
- 4) с точки зрения теории речевых актов, глаголы данной группы могут выражать как цель и замысел говорящего, так и достижение этого замысла» [9, с. 63].

И.А. Стернин в своём учебном издании «Основы речевого воздействия» пишет: «В настоящее время в современном обществе активно формируется наука об эффективном общении. Она формируется как интегральная наука, объединяющая, интегрирующая усилия представителей целого комплекса смежных наук: традиционной системной лингвистики, коммуникативной лингвистики, психолингвистики, стилистики и культуры речи, связей с общественностью, культурологии и др. Эту науку принято называть речевым воздействием» [10, с. 3].

В рамках речевого воздействия можно рассматривать и деловое общение как эффективную коммуникацию для достижения человеком цели в общении. Деловое общение в качестве одного из видов общения в целом имеет огромную роль в жизнедеятельности человека. Данный вид общения широко применяется в политике, управлении, образовании и других сферах.

По мнению А.П. Панфиловой, «деловое общение – процесс взаимодействия деловых партнёров, направленный на организацию и оптимизацию того или иного вида предметной деятельности: производственной, научной, педагогической и др.» [8, с. 15].

А.А. Леонтьев характеризует деловое общение в качестве «процесса становления и поддержания целенаправленного, прямого или опосредованного теми или иными средствами контакта между людьми, связанными деловыми отношениями» [7, с. 240].

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что деловое общение – это определённый процесс взаимодействия и взаимосвязи, в ходе которого осуществляется обмен информацией, опытом и деятельностью, который, в свою очередь, нацелен на достижение конкретного делового результата, решение определённой проблемы и реализацию намеченной цели.

М.В. Колтунова отмечает, что «деловое общение – это самый массовый вид социального общения. Оно представляет собой сферу коммерческих и административно-правовых, экономико-правовых и дипломатических отношений. Специфика делового общения заключается в осуществлении социального регулирования в правовых рамках. Идеальным результатом деловых отношений, взаимодействия и оформления этих отношений становятся партнёрские отношения, построенные на основах взаимного уважения и доверия. Другой специфической особенностью делового общения является регламентированность, т.е. подчинённость установленным правилам и ограничениям» [6, с. 3].

Таким образом, для того, чтобы установить максимально эффективное деловое общение и развивать данную профессиональную деятельность, требуется знать особенности этого общения и придавать больше значения его характеристике.

В зависимости от специфики в деловом общении можно выделить следующие подгруппы:

- 1) устное – письменное общение (с точки зрения формы речи);
- 2) диалогическое – монологическое общение (с точки зрения однонаправленности/двунаправленности речи между говорящим и слушающим);
- 3) непосредственное – опосредованное общение (с точки зрения отсутствия/наличия опосредующего аппарата);
- 4) межличностное – публичное общение (с точки зрения количества участников);
- 5) контактное – дистантное общение (с точки зрения положения коммуникантов в пространстве)» [6, с. 5].

Указанные выше факторы составляют характерные особенности деловой речи. В этой связи можно выделить отдельно устную и письменную деловую речь, которые представляют собой системно различающиеся разновидности русского литературного языка. Характерной чертой письменной речи является официально-деловой стиль, устная деловая речь характеризуется различными формами смешанных стилевых образований. К деловому общению относятся: деловая переписка, устные и письменные распоряжения, деловая беседа, деловые встречи и переговоры, деловые собрания и совещания и т.п.

Исходя из вышесказанного, деловое общение имеет различные формы, и любая из этих форм делового общения принимается для взаимообмена мнениями и достижения взаимовыгодных целей участников переговоров, так как люди чаще всего вступают в деловые отношения с целью правильного оформления взаимодействия в той или иной сфере с юридической точки зрения.

Представленную в настоящей работе лексико-семантическую группу глаголов речевого воздействия можно разделить на разные подгруппы. На основе рассмотренных выше определений о деловом общении и деловой речи, а также учитывая особенности и специфику этого вида общения, о которых говорится в статье, мы можем классифицировать эти глаголы по признаку воздействия на адресанта для достижения определённой цели и формирования коммуникативной ситуации в деловом общении.

Исходя из этого, из числа указанных в данной работе глаголов, выбранных нами из «Толкового словаря русских глаголов» Л.Г. Бабенко [1], к глаголам речевого воздействия, используемых в ситуациях делового общения, мы относим такие, как: *велеть, критиковать, настаивать, не одобрять, одобрять, обязывать, обвинять, осуждать, отказывать, предлагать, перевозносить, просить, приказывать, рекомендовать, соглашаться, советовать, требовать, убедать*.

В указанной группе глаголов речевого воздействия в зависимости от ситуации употребления можно выделить несколько подгрупп с близким смысловым значением. Каждый из глаголов данной подгруппы отражает конкретную ситуацию делового общения. Далее в своей работе мы рассмотрим эти подгруппы и приведём для каждой из них несколько примеров как в русском, так и в персидском языке:

1) глаголы, выражающие просьбу: *просить, убедать*:

Заявление

Прошу предоставить мне отпуск по уходу за ребёнком с 08.07.2023 по 22.05.2026 включительно (до достижения ребёнком возраста 3 лет).

Глагол *просить* выполняет основную роль в официальном заявлении. Употребление данного глагола важно в функционально-семантическом аспекте. Именно данный глагол обеспечивает деловую речь, воздействует на адресата, обязывает его, в свою очередь, получив заявление, ответить на него.

Глаголы, выражающие *просьбу* в персидском языке, относятся в основном к группе так называемых сложных глаголов персидского языка, состоящих из именной части и компонирующего глагола. В качестве именной части приводятся существительные с семантикой просьбы, а компонирующим глаголом выступают спрягаемые формы глаголов *daštän, budän, šodän, kârdän, gâštän* и т.п. Например, *xaheš kârdän, täžaza daštän, tämännä kârdän, ested'a daštän* и т.д. Однако в деловых письмах персидского языка используются безличные формы этих глаголов, включающие слегка изменённую или оставшуюся без изменения именную часть, и глаголы *daštän, budän, gâštän* в форме третьего лица единственного числа, т.е. *daräd, äst, migärdäd*. Таким образом, в деловой переписке персидского языка используются безличные предложения с глаголами *xahešmänd äst, mostäd'i äst, ested'a daräd, motämänni äst, tämännä daräd, täžaza migärdäd* и т.п., а суть просьбы излагается после указанных глаголов. Данные безличные предложения переводятся на русский язык с использованием глагола *просить* в форме первого лица единственного или множественного числа.

Здесь необходимо отметить крайне важную особенность персидского письма в целом и деловой переписки в частности, а именно формулы вежливости и уважения к адресату. Помимо вводной и завершающей частей делового письма, излагаемых с использованием фраз заверения адресата в глубочайшем уважении и признательности, основная часть персидского письма также изобилует формулами вежливости. В деловых письмах, в том числе просьбах, заявках и даже требованиях, уважение к адресату и признание его превосходства проявляется в том, что проситель и заявитель обращается к адресату с просьбой отдать соответствующее распоряжение своим подчинённым, тем самым подчёркивая высокое положение адресата, который выполняет просьбы не лично, а через нижестоящие структуры. В связи с этим широко распространёнными предложениями, используемыми для выражения просьбы в персидском письме, являются:

خواهشمند است دستور مقتضى صادر گردد.

Xahešmänd äst dästure moétäzi sader gärdäd (Прошу отдать необходимое распоряжение);

استدعا دارد اقدامات لازم را معمول فرمائيد.

Ested'a daräd eédamate lazem ra mämul färmaid (Убедительно прошу принять необходимые меры);

دستور مساعدت در این خصوص مزید امتنان خواهد بود.

Dästure mosaedät där in xosus mäzide emtenan xahäd bud (Буду крайне признателен за распоряжение о содействии по данному вопросу).

Данную особенность персидского письма необходимо учитывать при переводе деловых писем с русского языка на персидский. Так, например, заявление на предоставление отпуска должно выглядеть на персидском языке следующим образом:

خواهشمند است با مرخصی اینجانب موافقت فرمائید.

Xahešmänd äst ba moräxäsie injaneb movafežät färmaid (Прошу выразить согласие на предоставление мне отпуска). При этом подразумевается, что от руководителя (адресата) требуется лишь выражение согласия, а остальные действия будут выполнены уже его подчинёнными.

2) Глаголы, выражающие приказ: *приказывать, велеть, требовать, обязывать, настаивать*:

ООО «Инвестпром»

Приказ

Об утверждении штатного расписания

В связи с изменением организационно-штатной структуры предприятия

ПРИКАЗЫВАЮ

1. Утвердить штатное расписание ООО «Инвестстройпром» в новой редакции с 16.03.2018 г.
2. Ввести штатное расписание в новой редакции с 16.03.2018 г.
3. Контроль за исполнением данного приказа возложить на начальника отдела кадров Малышева И.О.

В этом примере употребляется глагол речевого воздействия приказывать с целью воздействия на адресата. Этот глагол часто употребляется в письменной форме делового общения. Или возмём, к примеру, другое письмо-требование:

Генеральному директору фирмы «Компас»

Требую в срок до 30.04.2022 принять меры для закрытия договорных обязательств в полном объёме. В противном случае будем вынуждены потребовать вернуть выплаченный аванс и заплатить неустойку в размере, предусмотренном условиями Договора.

В данном предложении претензия выражается глаголом речевого воздействия *требовать* решить проблему, а иногда в таких случаях и компенсировать затраты и т.д. в зависимости от ситуации и контекста. В таких случаях глагол *требовать* открыто выражает данную семантику.

Для выражения приказа в персидских деловых письмах также используются сложные глаголы, однако в качестве именной части приводятся существительные с семантикой приказа, необходимости выполнить определённые действия: *moštäzi äst, lazem äst, entezar miräväd* (нужно, необходимо, ожидается).

Примеры:

مقتضى است جهت تصویب حساب به امور کارکنان مراجعه نمایم.

Moštäzi äst jähäte täsvie hesab be omure karkonan morajee nämaid (Для произведения расчётов Вам необходимо обратиться в отдел кадров);

انتظار می رود همکاران محترم در اجرای مفاد بخشنامه دقت لازم را داشته باشند.

Entezar miräväd hämkarane mohtäräm där ejrae mäfadde bāxšname dežät lazem ra dašme bašänd (Ожидается, что уважаемые сотрудники проявят необходимое внимание при выполнении положений циркуляра).

Как видим, в персидской деловой переписке приказ смягчается и не имеет той категоричности, которая присуща русскому письму-приказу. Зачастую для выражения приказа применяются те же глаголы, что и в письмах-просьбах.

Примеры:

خواهشمند است مدارک لازم را تا پایان وقت اداری تسلیم و رسید دریافت نمایید.

Xahešmänd äst (дословный перевод «просим») *mädareke lazem ra ta pajane väätə edari täslim vä resid dārüaft nämaid* (Необходимо подать документы до конца рабочего дня и получить расписку). В данном примере мы видим, что распоряжение сформулировано в виде просьбы.

3) Глаголы, выражающие совет: *советовать*, *предлагать*, *рекомендовать*:

В связи с выбором нашей компании в качестве партнёра предлагаем Вам наши услуги по маркетингу.

В этом примере главным глаголом, несущим основную смысловую нагрузку, является глагол *предлагать*. Данный глагол используется автором письма во избежание навязывания услуги, которая указана в тексте письма с целью принятия решения.

Если Вы хотите осуществлять платежи, а также посылать и получать денежные переводы, наш банк советует Вам открыть универсальный вклад.

Данная ситуация происходит в деловой сфере в устной форме делового общения: служащий – клиент. Глагол речевого воздействия *советовать* означает давать совет, рекомендовать как поступить. Выражение содержит семантику установления деловой коммуникации и воздействия на адресата. Применение глагола *советовать* способствует установлению более доверительных отношений между клиентом и служащим, что, в свою очередь, даёт говорящему возможность быстрее достичь намеченной цели.

Совет в персидской деловой переписке выражается глаголами *pišnähad kârdân*, *tosie kârdân*, *moärrefi kârdân*. Как видим, это сложные глаголы, смысловую нагрузку которых несут существительные *pišnähad* (предложение), *tosie* (совет), *moärrefi* (предложение, рекомендация). Приведём примеры:

این شرکت با معرفی کالا و خدمات خود امیدوار به توسعه همکاری با شماست.

In šerkät ba moärrefie kala vä xädämate xod omidvar be tosee hämkari ba šomast (Наша компания предлагает вам свои товары и услуги и надеется на расширение сотрудничества с вами);
بدین وسیله نامبرده به منظور دریافت وام معرفی می گردد.

Bedin väsile namborde be mänzure dārüafte vam moärrefi migärdäd (Настоящим указанное лицо рекомендуется для получения кредита);
پیشنهاد می گردد یک ماه حقوق به عنوان پاداش به نامبرده تعلق گیرد.

Pišnähad migärdäd ek mah hožüé be onvane padaš be namborde täälloé giräd (Предлагаю выделить указанному лицу месячную зарплату в качестве премии);
پیشنهاد می گردد جهت درمان و بستری شدن به مراکز طرف قرار داد مراجعه نمایید.

Pišnähad migärdäd jähäte dârman vä bästâri šodän be märakeze täräfe žärardad morajee nämaid (Для лечения и госпитализации рекомендуется обращаться в медицинские центры, имеющие договор с нашей организацией);
توصیه میشود به منظور نقل و انتقال وجه از خدمات نوین بانکی استفاده کنید.

Tosie mišäväd be mänzure näél vä enteále väjh äz xädämate novine banki estefade konid (Для перевода денежных средств советуем пользоваться новыми банковскими услугами).

Анализ приведённых и прочих рассмотренных примеров показал, что в деловых письмах в персидском языке для выражения совета используются глаголы речевого воздействия *pišnähad migärdäd* (предлагается), *tosie mišäväd* (советуется) и *moärrefi migärdäd* (рекомендуется) в безличной форме, переводимые на русский язык в форме первого лица единственного или множественного числа. При этом наиболее часто употребляется глагол *pišnähad migärdäd* с семантикой предложения и рекомендации. Данный глагол в персидском языке обладает смягчающей функцией и позволяет изложить призыв к конкретному действию в виде предложения и рекомендации, оставляя право выбора за адресатом.

4) Глаголы, выражающие одобрение: *одобрять, утверждать, превозносить:*

Генеральному директору Ассамблеи

Довожу до Вашего сведения, наша организация создала проект с целью привлечения инвестиций, создания рабочих мест, роста и развития промышленности страны. Для воплощения данного проекта нам требовалось Ваше одобрение. В марте 2023 года наша организация получила Ваше одобрение.

В данном докладе слово *одобрение* используется в значении принимать, поддерживать, утверждать, разрешать, дать положительный ответ. Одобрение в деловых отношениях способствует установлению деловых связей, а также разработки сторонами совместных проектов и т.п. Но не всегда само слово *одобрение* употребляется во всех ситуациях и текстах деловой переписки.

В основе слова *одобрение* содержится положительная оценка. В связи с этим существуют конструкции, выражающие одобрение через слова с семантикой положительной оценки. К примеру, в основе официальных благодарственных писем присутствует одобрение как речевое действие:

Руководству компании «Сибирский Янтарь»

Уважаемый Трофим Матвеевич!

Позвольте выразить благодарность коллективу Вашей компании и Вам за успешную работу и плодотворное сотрудничество.

Мы высоко ценим отношения между нашими организациями и выражаем надежду на дальнейшее их развитие.

В данном примере речевое воздействие *одобрение* выражено словами, выражающими положительную оценку происходящего. Выражения: *выразить благодарность, высоко ценим, выражаем надежду* предусматривают в своей основе положительную оценку и позволяют открыто выражать одобрение. Само слово *одобрять* во многих текстах деловой коммуникации не используется, но функция одобрения выполняется лексикой с семантикой положительной оценки.

Для выражения одобрения в персидской деловой переписке используются в основном глаголы *täyid kârdân* (одобрять, подтверждать), *täjilil kârdân* (славить, превозносить, благодарить), *setaeš kârdân* (хвалить, превозносить, благодарить). Например,

طرح پیشنهادی شما مورد تأیید قرار گرفت.

Târhe pišnâhadie šoma morede täyid žârar gereft (предложенный Вами проект подтверждён);

از جنابعالی به عنوان مدیری شایسته تجلیل می نمایم .

Äz jenabali be onvane modiri šaeste täjlil minetaim (выражаем Вам благодарность как достойному руководителю);

تلاش حضرتعالی حقیقتاً قابل ستایش است.

Tälaše häzrâteali häğizâtân žabele setaeš äst (Ваши старания воистину заслуживают наивысших похвал).

Как видим, речевое воздействие *одобрение* выражено последними двумя глаголами в значении *благодарить*. Как и в русском языке, в официальных благодарственных письмах персидского языка для выражения одобрения используются слова с семантикой положительной оценки. Приведём пример:

خواهشمند است مراتب قدرشناسی اینجانب را به کلیه همکاران محترم ابلاغ فرمایید. با امید توسعه روابط دوجانبه.

Chahešmând äst märatebe žädršenasi injaneb ra be kolliee hätkarane mohtâräm eblaž färmaüid. Va omid tosee rävbete dojanebe. (Прошу передать слова благодарности всем коллегам и выражаю надежду на дальнейшее развитие двухсторонних отношений).

В этом примере семантика положительной оценки в сочетаниях *передать слова благодарности* и *выражаю надежду* открыто указывает на речевое воздействие *одобрение*.

5) Глаголы, выражающие неодобрение: *обвинять, осуждать, критиковать, отказывать.*

Неодобрение также относится к сфере делового общения и, в свою очередь, тоже является неотделимым компонентом структуры речевых действий:

В связи с предоставлением в банк недостоверной информации при оформлении кредита, банк не одобряет Ваш кредит. Отказ в получении нового кредитного займа произошёл в результате наличия прошлых кредитных задолженностей. Банк имеет право на неодобрение кредита в связи с отсутствием исчерпывающей информации о заёмщике с целью оценки его кредитоспособности.

В этом примере используется само слово неодобрение и имеет значение отказа, недоверия, не-принятия.

Данное речевое действие характеризуется глаголами: осуждать, обвинять, упрекать, критиковать. Однако ни один из указанных глаголов напрямую не используется в сфере делового общения. Данные глаголы употребляются исключительно вне рамок официальной обстановки.

В функции речевого действия неодобрение содержится в таких видах деловой коммуникации, как жалоба, претензия:

Начальнику отдела компании «Спутник»

Наша организация является клиентом компании «Спутник». Услуги вашей компании происходят со сбоями. Основная проблема всё ещё остаётся нерешённой. Требуем в определённый срок наладить работу автоматических устройств.

В данном примере речевое воздействие неодобрение выражено словами, передающими факты, подтверждающие обоснованность претензии. При помощи выделенных слов выражается недовольство, неодобрение по поводу работы компании. Подчёркнутые в примере слова имеют семантику отрицательной оценки и в основном употребляются в претензии, а также служат для обоснования неодобрения в качестве речевого действия.

Основным глаголом, выражающим речевое воздействие неодобрение в деловой коммуникации персидского языка, является глагол *täüid näkârdân* (не одобрять, не подтверждать).

Пример:

بدین وسیله به اطلاع می رساند که صلاحیت پیمانکار مذکور جهت اجرای پروژه ساختمانی مورد تأیید این سازمان نمی باشد.

Bedin vâsile be ettela miresanâd ke sâlahiyyâte peymankare mâzkur jâhâte ejrae projee saxtemani morede täüide in sazman nemibašâd (Настоящим уведомляем, что настоящая организация не подтверждает компетентность указанного подрядчика для реализации строительного проекта).

Неодобрение широко используется в таких видах деловой переписки, как письмо-отказ, претензия, предупреждение. Приведём примеры:

Письмо-отказ:

این بانک ناگزیر به رد درخواست وام شما به دلیل عدم ارائه اسناد مورد نیاز می باشد .

In bank naqozir be râdde dârxaste vame šoma be dâlile ädâme erae äsnade morere niaz mibašâd (Настоящий банк вынужден отклонить вашу просьбу на предоставление кредита, так как вы не предоставили необходимые документы).

Письмо-претензия:

متأسفانه آن شرکت تا کنون به تعهدات قراردادی خود عمل ننموده و کالای مورد نیاز را در موعد مقرر تحویل نداده است

Motâässefane an šerkât ta konun be täâhhodate žârardadie xod ämâl nânemude vâ kalae morede niaz ra dâr moede možârrâr tâhvil nâdade äst (К сожалению, ваша компания не выполнила свои обязательства по договору и не поставила требуемый товар в намеченные сроки).

Письмо-предупреждение:

با توجه به رفتار ناشایست و خلاف مقررات در محیط کار و عدم رعایت حضور بموقع در شرکت بدین وسیله به شما اخطار می گردد که در رعایت نظم و رفتار مناسب و شایسته سازمانی جدیت بیشتری از خود نشان دهید

Ba tävâjjoh be râftare našaest vâ xälafe možârrârat dâr mohite kar vâ ädâme reiate huzure bemože dâr šerkât bedin vâsile be šoma extar migârdâd ke dâr reiate nâzm vâ râftare monaseb vâ šaeste sazmani jeddiâte bištâri äz xod nešan dâhid (Ввиду недостойного поведения и нарушения правил трудовой деятельности, а также многократных случаев опоздания на работу, настоящим предупреждаем Вас о необходимости более серьёзно относиться к соблюдению порядка и надлежащего организационного поведения).

Как видим, в приведённых примерах речевое воздействие *неодобрение* выражено словами с семантикой отрицательной оценки.

4. Результаты исследования

В настоящее время Иран и Россия стоят на пути тесного сотрудничества. Отношения двух стран в области культуры, образования, политики, экономики, торговли успешно развиваются изо дня в день. Расширение и укрепление этих отношений требует специалистов в области официальной деловой переписки и делового общения.

Иранские студенты, изучающие русский язык как иностранный, должны знать все тонкости деловой переписки русского и персидского языков, чтобы легко и грамотно составлять деловую корреспонденцию и выполнять перевод официальной переписки. Особое внимание при обучении студентов необходимо уделить глаголам речевого воздействия, употребляющихся в деловом общении.

Глаголы речевого воздействия, используемые в области делового общения, являются неотъемлемой частью как устного, так и письменного делового общения и важной составляющей частью, без которой немыслима деловая переписка и деловое общение.

1. Классификация глаголов речевого воздействия, употребляющихся в деловом общении по семантике и ситуациям:

Проанализировав сравнительно-сопоставительным методом ситуации употребления глаголов речевого воздействия русского и персидского языков, употребляющихся в деловом общении, в настоящей статье авторы попытались разделить данные глаголы по семантике и ситуациям в обоих языках. В результате анализа была выявлена группа следующих глаголов речевого воздействия, употребляющихся в деловом общении: велеть, критиковать, настаивать, не одобрять, обвинять, осуждать, отказывать, предлагать, перевозносить, просить, приказывать, рекомендовать, соглашаться, советовать, требовать, убеждать, которые, в свою очередь, были выделены авторами в пять подгрупп:

- 1) глаголы, выражающие просьбу: *просить, убеждать, настаивать;*
- 2) глаголы, выражающие приказ: *приказывать, требовать, велеть, обязывать;*
- 3) глаголы, выражающие совет: *советовать, предлагать, рекомендовать;*
- 4) глаголы, выражающие одобрение: *одобрять, утверждать, перевозносить;*
- 5) глаголы, выражающие неодобрение: *обвинять, осуждать, критиковать, отказывать, не одобрять.*

2. Анализ ситуаций употребления глаголов речевого воздействия русского и персидского языков в деловом общении:

Для каждой из подгрупп авторами были приведены ситуативные примеры как в русском, так и в персидском языке. В русском языке каждая из ситуаций выражается одним глаголом, а в персидском языке во многих случаях – сложными глаголами. В деловой переписке персидского языка используются безличные предложения. Как в русском, так и в персидском языке для некоторых из подгрупп характерны ситуации, в которых само слово напрямую не употребляется, но функция подгруппы выполняется лексикой с семантикой положительной или отрицательной оценки в зависимости от ситуации.

3. Выводы, сделанные на основе ситуативных примеров:

На основе приведённых примеров были сделаны следующие выводы: в персидском языке употребляется более смягчённая форма выражений, чем в русском языке, который характеризуется категоричностью. На основе примеров авторы подчёркивают важную особенность персидского языка – изобилие формул вежливости и глубочайшего уважения к адресату не только в просьбах, но и в требованиях, что во многом зависит от национально-культурных особенностей этой страны. Именно национально-культурные особенности каждого народа имеют огромное влияние на его приоритеты и ценности, что находит своё место и в деловом общении.

5. Обсуждение результатов

По результатам данной работы авторы пришли к выводу, что национальные и культурные факторы в значительной степени характеризуют особенности деловой коммуникации каждой страны и каждого народа. Сравнительный анализ примеров употребления глаголов речевого воздействия в русском и персидском языках показал, что присущие иранской культуре чрезмерная вежливость и тактичность нашли своё отражение даже в официально-деловом стиле. Письмо-приказ или требование в персидской деловой переписке не имеет той сухости и категоричности, которая характерна для деловых писем русского языка. В письмах-требованиях часто употребляются те же глаголы, что и в письмах-просьбах, а письма-отказы составляются крайне деликатно и вежливо. Также авторы отметили, что текст деловых писем русского языка отличается краткостью и лаконичностью, чего нельзя сказать о деловой переписке персидского языка, которая по причине влияния национально-культурных особенностей является более обстоятельной и содержит дополнительные фразы вежливости, не имеющие отношения к основной теме письма.

Также авторами работы отмечено, что глаголы речевого воздействия в персидском языке принадлежат к группе сложных глаголов с именной частью, которая передаёт основную семантику просьбы, требования, совета, одобрения, неодобрения и т.п.

В настоящее время изучение глаголов речевого воздействия, используемых в деловом общении, приобретает важность и необходимость, так как Иран и Россия расширяют и укрепляют свои деловые, культурные и экономические отношения. Исходя из этого, обучение иранских студентов деловому общению, в свою очередь, предполагает знание и умение правильного употребления глаголов, используемых в деловом общении. Следует отметить, что данная группа глаголов является составляющей частью устного и письменного делового общения, что придаёт настоящей теме большую актуальность.

Других исследовательских работ на тему классификации глаголов речевого воздействия, используемых в деловом общении, на сегодняшний день не представлено, и эта работа может стать отправной точкой для более детального изучения данной темы.

Результаты исследования могут использоваться студентами, изучающими русский язык в иранских вузах, в качестве вспомогательного материала на занятиях по соответствующим учебным предметам, а также переводчиками и другими лицами, заинтересованными в сфере делового общения.

© Мехтиханлы С., Амири М., 2024

Список литературы

1. Бабенко Л.Г. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М. 1999. 704 с.
2. Бахтина В.П. Лексико-грамматическая сочетаемость глаголов речи в русском литературном языке II половины XIX века: автореф. дисс. к. филол. н. Воронеж: Городская типография, 1965. 24 с.
3. Бондарь И.П. Глаголы речи в старославянском, русском и болгарском языках (в историко-сопоставительном плане) / И.П. Бондарь. Саратов: СГУ, 2010. 118 с.
4. Дворник О.Д. Функциональная категоризация глаголов говорения / О.Д. Дворник // Вестник БГУ, № 8, 2013. С. 10-35.
5. Зиновьева Е. И. Основные проблемы описания лексики в аспекте русского языка как иностранного. СПб., 2005. 87 с.
6. Колтунова М.В. Язык и деловое общение: Нормы, риторика, этикет. М.: Экономическая литература, 2002. 288 с.
7. Леонтьев А.А. Психология общения: Учеб. пособ. для студентов высш. учеб. заведений. 3-е изд., М.: Смысл; Изд. Центр «Академия», 2005. 368 с.
8. Панфилова А.П. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности: Учебное пособие. СПб.: Знание, ИВЭСЭП, 2004. 495 с.
9. Сергеева Т.Д. Вопросы семантической типологии глагольной лексики: учеб. пособие / Т.Д. Сергеева. Барнаул: Изд-во АГУ, 1984. 82 с.
10. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Учебное издание. Воронеж: «Истоки», 2012. 178 с.

References

1. Babenko, L.G. Tolkovy slovar' russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Anglijskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy [Explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms] / pod red. prof.L.G. Babenko. M., 1999. 704 p.
2. Bahtina, V.P. Leksiko-grammaticheskaia sochetaemost' glagolov rechi v russkom literaturnom iazyke II poloviny XIX veka [Lexical and grammatical compatibility of verbs of speech in the Russian literary language of the second half of the XIX century] avtoref. diss. k. filol. n. Voronezh: Gorodskaja tipografiia, 1965. 24 p.
3. Bondar', I.P. Glagoly rechi v staroslavianskom, russkom i bolgarskom iazykakh (v istoriko-sopostavitel'nom plane) [Verbs of speech in Old Slavonic, Russian and Bulgarian (in historical and comparative terms)]/ I.P. Bondar'. Saratov: SGU, 2010. 118 p.
4. Dvornik, O.D. Funktsional'naja kategorizatsiia glagolov govoreniia [Functional categorization of speaking verbs] / O.D. Dvornik // Vestnik BGU, № 8. 2013. P. 10-35.
5. Zinov'eva, E.I. Osnovnye problemy opisaniia leksiki v aspekte russkogo iazyka kak inostrannogo. [The main problems of vocabulary description in the aspect of Russian as a foreign language] SPb., 2005. 87 p.
6. Koltunova, M.V. Iazyk i delovoe obshhenie: Normy, ritorika, etiket. [Language and business communication: Norms, rhetoric, etiquette]. M.: Ekonomicheskaja literatura, 2002. 288p.
7. Leont'ev, A.A. Psikhologija obshheniia [Psychology of communication]. Ucheb. posob. dlia studentov vyssh. ucheb. zavedenij. 3-e izd., M.: Smysl; Izd. Centr «Akademija», 2005. 368 p.
8. Panfilova, A.P. Delovaia kommunikatsiia v professional'noj deiatel'nosti [Business communication in professional activity]. Uchebnoe posobie. SPb.: Znanie, IVJeSJeP, 2004. 495 p.
9. Sergeeva, T.D. Voprosy semanticheskoy tipologii glagol'noy leksiki. [Questions of semantic typology of verbal vocabulary] – ucheb. posobie / T.D. Sergeeva. Barnaul: Izd-vo AGU, 1984. 82 p.
10. Sternin, I.A. Osnovy rechevogo vozdeystviia. [Basics of speech influence] Uchebnoe izdanie. Voronezh: «Istoki», 2012. 178 p.

Сведения об авторах:

Мехтиханлы Севиндж, кандидат филологических наук, ассистент профессора, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Гилянский университет, г. Решт, Иран. Сфера научных и профессиональных интересов: лексикология русского языка, перевод, лингвокультурология, фразеология русского языка, методика преподавания русского языка как иностранного.

E-mail: smehdikhanli@guilan.ac.ir. ORCID : 0000-0002-3581-3760

Амири Маниже, кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель кафедры русского языка и литературы, Гилянский университет, г. Решт, Иран. Сфера научных и профессиональных интересов: переводоведение, лексикология русского языка, лингвокультурология, фразеология русского языка, методика преподавания русского языка как иностранного.

E-mail: m.amiri@guilan.ac.ir ORCID : 0000-0003-2956-2835

About the authors:

Mehdikhanli Sevinj, Candidate of philology sciences, is Assistant Professor, Head of the Department of the Russian Language, University of Guilan (Iran). Spheres of research and professional interest: lexicology of the Russian language, translation studies, linguoculturology, phraseology of the Russian language, methods of teaching Russian as a foreign language. E-mail: smehdikhanli@guilan.ac.ir. ORCID : 0000-0002-3581-3760

Amiri Manije, Candidate of philology sciences, is Assistant Professor, Lecturer of the Department of the Russian Language, University of Guilan (Iran). Spheres of research and professional interest: translation studies, lexicology of the Russian language, linguoculturology, phraseology of the Russian language, methods of teaching Russian as a foreign language. E-mail: m.amiri@guilan.ac.ir ORCID : 0000-0003-2956-2835

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of interest:

The authors declare the lack of conflicts of interest.

* * *

GENDER ASYMMETRIES OF THE CATEGORY “APPEARANCE” IN THE ENGLISH LANGUAGE (BASED ON THE ANALYSIS OF ATTRIBUTIVE-NOMINAL WORD COMBINATIONS WITH THE CORE LEXEMES “MAN” AND “WOMAN”)

Liudmila P. Murashova

*Kuban State Technological University,
2, Moskovskaya St., Krasnodar, 350072, Russia*

Abstract. The relevance of this article is determined by the increasing interest in the asymmetries of gender-sensitive categories like “appearance” or “beauty”. The history of the issue and detailed results of contemporary studies in this field have been outlined in the article. The category of appearance has long been considered gender-biased and asymmetric, being related more to women than to men. Present-day studies offer support for the idea that notions of appearance and beauty are unevenly linked to women, resulting in a multitude of societal and individual difficulties. Certain modern linguists even argue that the concept of beauty is employed as a narrative to perpetuate women’s feelings of discontent and self-criticism. Our work presents an attempt to measure the relevance of this supposition against practical data of the semantic analysis of collocations with the core lexemes “man” and “woman”. A total of 2,814 noun phrases relevant to the category of appearance have been extracted from the texts of the British National Corpus of the English language. Three subcategories have been distinguished in the process of continuous sampling: parametric characteristics of appearance, general characteristics, and assessments. The method of comparative analysis allowed us to make conclusions regarding the degree of validity of assumptions about the asymmetry of the category of appearance in the English language. The analysis was carried out in two stages: the first stage required a general comparison of the amount and semantic nature of attribute-nominal word combinations with the core lexemes “man” and “woman”. The second stage of analysis was based on connotational analysis of nominal constructions semantics in the context of positive and negative characteristics of females’ and males’ appearance. The summary data of the study allowed us to present reliable evidence-based conclusions about the objective characteristics of the category of appearance. The study questions the widespread belief that the category of appearance is gender-biased and suggests considering it as a significant androgenic characteristic relevant to both men and women.

Keywords: category of appearance, beauty, gender-biased concepts, gender asymmetries, attributive-nominal word combinations, connotational analysis, semantic analysis, quantitative analysis

For citation: Murashova, L.P. (2024). Gender asymmetries of the category “appearance” in the English language (based on the analysis of attributive-nominal word combinations with the core lexemes “man” and “woman”). *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(1), pp. 73–85. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-1-38-73-85>

ГЕНДЕРНЫЕ АСИММЕТРИИ КАТЕГОРИИ «ВНЕШНОСТЬ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА АТРИБУТИВНО-ИМЕННЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С ЯДЕРНЫМИ ЛЕКСЕМАМИ «MAN» И «WOMAN»)

Л.П. Мурашова

*Кубанский Государственный Технологический Университет,
350072г. Краснодар, Московская, д. 2*

Аннотация. Актуальность данной статьи определяется всевозрастающим интересом к асимметриям гендерно-чувствительных категорий, таких как “внешность” или “красота”. В данной статье рассматривается история, проблемы и приводятся подробные результаты современных исследований в этой области. Долгое время категория “внешности” рассматривалась как гендерно неоднозначная и асимметричная, более часто соотносимая с женскими полом, нежели с мужчинами. Сегодня учёные-лингвисты приводят подтверждения гипотезы о том, что представления о внешности и красоте преимущественно связаны с женщинами, а это приводит ко множеству общественных и личных сложностей. Некоторые современные исследователи даже считают, что концепция красоты используется в качестве идеализированной установки, которая поддерживает чувства недовольства и самокритики у женщин. Наше исследование представляет собой попытку оценить объективность этой гипотезы на практике на основе данных семантического анализа словосочетаний с ядерными лексемами “man” и “woman”. Из текстов, представленных в Британском Национальном Корпусе, были извлечены номинативные словосочетания, относящиеся к категории внешности, общим количеством 2814. В процессе сплошной выборки были выделены три подкатегории: параметрические характеристики внешности, общие характеристики и оценки. Метод сравнительного анализа позволил нам сделать заключение относительно степени обоснованности предположений об асимметричности категории внешности в английском языке. Анализ проводился в два этапа: первый этап предполагал общее сравнение количества и семантической природы атрибутивно-номинативных словосочетаний с ядерными лексемами “man” и “woman”. На втором этапе был проведён коннотативный анализ семантики номинативных конструкций в контексте положительных и отрицательных характеристик внешности женщин и мужчин. Сводные данные, полученные в ходе данного исследования, позволили нам представить надёжные научно обоснованные выводы об объективных характеристиках категории внешности. В исследовании ставится под сомнение широко распространённое убеждение о том, что категория внешности гендерно асимметрична, и предлагается рассматривать её как существенную андрогенную характеристику, значимую как для мужчин, так и для женщин.

Ключевые слова: категория внешности, красота, гендерно неоднозначные концепции, гендерные асимметрии, атрибутивно-номинативные словосочетания, коннотативный анализ, семантический анализ, количественный анализ

Для цитирования: Мурашова Л.П. (2024). Гендерные асимметрии категории «внешность» в английском языке (на примере анализа атрибутивно-именных словосочетаний с ядерными лексемами «man» и «woman») *Филологические науки в МГИМО*. 10(1), С. 73–85. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-1-38-73-85>

1. INTRODUCTION

The categories of appearance and beauty have long been a topic of profound contemplation in the realm of philosophy and psychology. Esteemed philosophers throughout history, including Plato, Aristotle, Heraclitus, Augustine of Hippo and others, have all pondered beauty as an ideal form of existence. Prominent Russian philosophy figures such as L.P. Karsavina, V.V. Rozanov, V.S. Solovyov, and others have contributed to this discourse too.

Thinkers like Protagoras, Gorgias, Descartes, Spinoza, Immanuel Kant, Arthur Schopenhauer, Søren Kierkegaard, Friedrich Nietzsche, Sigmund Freud have also speculated on the category of beauty.

In the 20th century, Western science has devoted substantial attention to the phenomenon of female beauty and appearance, with a particular emphasis on its intersection with feminist philosophy. Scholars such as Naomi Wolf, Susan Bordo, Susan Bartz, Camille Paglia, and Emily Gross and others have examined how beauty can be wielded as a tool for the oppression of women within patriarchal societies. Thus, the category of female beauty is closely linked to gender studies.

2. GENDER RESEARCH BACKGROUND

Gender research methodologies have been developed by various scholars, including D. Zimmerman, K. West, John Eekelaar, R. Unger, John Scott, and many others. Gender is examined in linguistics from various perspectives, including four main approaches: the deficiency framework, dominance framework, difference framework, and dynamic framework [13, p. 6].

The deficiency framework is a perspective that perceives female language as being of lesser quality or value when opposed to male language, which is regarded as the benchmark, or standard. Within the context of this framework, scholars have endeavored to pinpoint areas in which female language exhibits disparities or shortcomings in comparison to the established norms and conventions associated with male language [18, p. 237-255]. R. Lakoff's work "Language and Woman's Place" played a pivotal role in shaping three gender research approaches: deficiency, dominance, and difference. Overall, Lakoff's work reflects a negative assessment of women's language compared to men's.

The emergence of the dominance framework coincided with the flourishing of the feminist movement in both Europe and the United States during the pivotal decades of the 1970s and 1980s. Scholars and researchers within this framework engaged a comprehensive approach, one that was characterized by the documentation and systematic evaluation of the pervasive influence of male dominance within linguistic structures. This influence was deeply rooted in socio-cultural traditions, and these scholars sought to elucidate its multifaceted impact on the dynamics of communication. Their investigations encompassed a wide spectrum of linguistic phenomena and examined the interplay between socio-cultural norms, language, and power dynamics, shedding light on the profound ways in which gender inequalities were reflected and perpetuated through language usage [19], [21], [16], etc.

The difference framework assigns equal roles to men and women as communicators belonging to different subcultures, and their differences in communication stem from these subcultural distinctions [20], [17].

According to the dynamic framework, language differences are not inherent traits of communicators but are socially conditioned. Gender is perceived as a dynamic category acquired during speech, challenging the static notion of gender [13, p. 7].

Each of these approaches has its strengths and weaknesses. Even the deficiency approach, despite modern criticism, has an advantage in highlighting potential shortcomings in women's speech compared to men, such as greater hesitancy and potential lack of confidence. The dominance approach rightly acknowledges the influence of historical male dominance on women's linguistic behavior, though it can lean towards radicalism. The difference approach tends to overemphasize gender differences in linguistics, potentially leading to an absolutist perspective.

Nevertheless, the dynamic approach, which sees gender as dynamic and socially influenced, is considered the most acceptable in contemporary linguistics. It suggests that rigid gender categories are giving way to more constructive and dynamic views [12, p. 86].

In Russian gender linguistics, there are several distinct research directions: phallogocentric, diagnostic research, experimental studies, sociolinguistics, and cross-cultural and linguacultural research.

1. The phallogocentric approach, rooted in postmodern philosophy, focuses on identifying "phallogocentrism" in language and is closely associated with feminist ideology and concepts of dominance and subordination. Notable scholars in this field include T.V. Barchunova, who examined manifestations of sexism in educational literature [1]; and A.V. Tolstokorova, who explored gender-sensitive reforms [10].
2. Diagnostic research, such as authorial forensic expertise, is primarily oriented towards the fulfillment of specialized objectives. These objectives encompass a multifaceted range of tasks, each with its own distinctive focus. One of the prominent pursuits within this domain involves the task of determining the gender of the author through textual analysis, which demands a meticulous examination of linguistic cues and patterns inherent in the written discourse. Additionally, there is exploration of stereotypes that may be embedded in the linguistic characteristics associated with male and female authors. This involves delving into societal perceptions and expectations regarding qualities attributed to each gender and assessing their reflection in written communication [2], [4], [8].
3. Experimental research at the intersection of psychology and neurolinguistics seeks to establish cognitive differences arising from hormonal imbalances in men and women. Researchers in this field analyze features of male and female speech behavior based on psycholinguistic analysis of experimental data [3].
4. Sociolinguistics, especially when examined within the specific context of Russia, delves into the multifaceted exploration of gender dynamics within the communicative approach. Gender studies, an integral facet of the broader field of sociolinguistics, analyzes the idiosyncrasies inherent in the mannerisms of language employed by individuals of different genders, with a specific emphasis on discerning the distinctive characteristics that define male and female speech patterns. This analysis focuses on the examination of the nuanced communicative interactions observed within the intellectual households of Moscow [9], [6].
5. Cross-cultural and linguacultural studies, represented by works such as those by A.V. Kirilina and Yu.A. Dubovsky, examine the philosophical and methodological foundations of gender studies in Russian linguistics and analyze intercultural communication from a gender perspective [7], [5].
6. Cognitive gender research is considered a productive direction in linguistics, with the cognitive paradigm gaining popularity in the last quarter of the 20th century. This approach puts emphasis on the comprehensive exploration of the manner in which individuals, on a cognitive level, organize perceiving and processing information, subsequently constructing coherent interpretations of conceptual notions within their mental representations.

The categories of appearance and beauty have been a recurring subject in psychophysiological and socio-psychological research. Psychologists V. Suomi and A. Fernham have analyzed the phenomenon of beauty in contemporary culture. Such researchers as J.A. Cermele, S. Daniels, and K.L. Anderson have explored gender stereotypes associated with the physical attributes of individuals of both sexes.

3. CONTEMPORARY DISCUSSION OF THE PROBLEM

Modern research in the fields of psychology, sociology, and gender studies has been increasingly focused on understanding the pervasive societal phenomenon that attributes the categories of appearance and beauty more strongly to women than to men. This phenomenon, often referred to as “beauty pressure” or “appearance norms”, reflects the disproportionate emphasis placed on women’s physical appearance in comparison to men. Here are some key findings and insights from contemporary research in this area:

1. **Media and Beauty Standards:** Studies consistently reveal that media representations of women place a significant emphasis on physical attractiveness. Women in media are often portrayed with unrealistic beauty ideals, setting unattainable standards for the general population. These portrayals reinforce the idea that appearance is a primary source of women’s value and self-worth.
2. **Body Image and Self-Esteem:** Research indicates that women are more likely than men to experience body dissatisfaction and negative body image. The constant exposure to idealized beauty standards in media and advertising contributes to lower self-esteem and a greater sense of inadequacy among women.
3. **Economic Implications:** Studies have shown that appearance can have substantial economic consequences for women. Attractive women may be more likely to secure job interviews and promotions, but they may also face discrimination and objectification in the workplace. The beauty industry itself disproportionately targets women, creating a significant financial burden.
4. **Social Norms and Expectations:** Societal norms often dictate that women should invest more time and effort into their appearance than men. This includes grooming, makeup, and fashion choices. Non-compliance with these norms may result in social consequences or judgments.
5. **Intersectionality:** Research recognizes that the experience of beauty pressure is not uniform and is influenced by factors such as race, age, sexual orientation, and socioeconomic status. Women from marginalized groups may face additional layers of beauty-related discrimination and pressure.
6. **Resistance and Activism:** While research highlights the challenges women face concerning beauty norms, it also showcases the resilience of women and the rise of movements promoting body positivity and self-acceptance. Many women and organizations are actively working to challenge and change these norms.

We suggest considering some examples of scientific works shedding light on the multifaceted and complex role of appearance and beauty in women’s lives. “The Beauty Myth” is a groundbreaking feminist book written by Naomi Wolf and first published in 1990. In this influential work, Wolf undertakes a thorough examination of the multifaceted societal pressures that are intricately woven into the fabric of modern Western societies. Specifically, her critical perspective is directed towards the pervasive and often unyielding beauty standards that are systematically imposed upon women. The overarching thematic revolves around the profound notion that these idealized and frequently elusive benchmarks of beauty, which are constantly placed upon women, function as an exceptionally potent mechanism of social control and oppression [23].

Here are some key points and themes explored in “The Beauty Myth”:

1. **The Myth of Beauty:** Wolf asserts that the category of beauty serves as a deeply entrenched and often manipulative mythological construct that keeps women in a state of constant dissatisfaction and self-critique. She contends that as women gain more social and political power, the beauty myth becomes even more potent as a means of control.
2. **Media and Beauty:** The book explores how the media, advertising, and the beauty industry perpetuate unrealistic beauty ideals. Wolf discusses how images in magazines, movies, and television create an unattainable standard that women are encouraged to strive for.
3. **Eating Disorders and Body Image:** Wolf delves into the relationship between societal beauty standards and the rise of eating disorders and body dissatisfaction among women. She argues that the beauty myth contributes to the prevalence of conditions like anorexia and bulimia.

4. **Workplace Discrimination:** The book addresses how the beauty myth affects women's careers and opportunities. It argues that women who do not conform to certain beauty standards may face discrimination in the workplace.
5. **Sexuality and Beauty:** Wolf explores how the beauty myth can impact women's sexual experiences and self-perception. She discusses how the beauty industry markets products and procedures that promise to enhance women's desirability.
6. **Feminism and Liberation:** "The Beauty Myth" is considered a feminist classic and advocates for women's liberation from the constraints of beauty standards. Wolf encourages women to resist societal pressures and redefine their self-worth independently of physical appearance.

"The Beauty Myth" is a thought-provoking and influential work that has sparked discussions and debates about the role of beauty standards in society, particularly as they pertain to women.

"Face Value: The Hidden Ways Beauty Shapes Women's Lives" by Autumn Whitefield-Madrano is another work that delves into the intricate ways in which beauty shapes and influences the lives of women. Published in 2016, this book offers a comprehensive exploration of the multifaceted aspects of beauty and its profound impact on women's experiences across various domains of life.

Whitefield-Madrano discusses how societal beauty standards are constructed and how they have evolved over time. She emphasizes that these standards often place immense pressure on women to conform to certain ideals of physical attractiveness. The book also states that beauty ideals and standards can vary significantly across cultures. Whitefield-Madrano acknowledges that beauty is a culturally constructed category, and what is considered attractive in one society may differ from another [22].

"The Body Project: An Intimate History of American Girls" is a compelling book on appearance and beauty authored by Joan Jacobs Brumberg. Published in 1997, this book provides a unique and insightful exploration of the complex relationships that American girls have with their bodies, self-image, and societal expectations.

"The Body Project" takes a historical approach to understanding the evolving perceptions of the female body in American culture. Brumberg traces how societal ideals of beauty and the female body have evolved over the centuries, from the Victorian era to the present day. It focuses on the experiences of adolescent girls and the challenges they face as they navigate the transition from childhood to adulthood. Brumberg explores the ways in which girls' bodies become a focal point during this critical stage of development delving into the impact of societal pressures and media representations of beauty on girls' body image and self-esteem.

The book also considers the ways in which girls' bodies are closely tied to their sense of identity and gender roles. It discusses how societal expectations regarding femininity and beauty intersect with girls' self-concept. It sheds light on the challenges, complexities, and societal influences that shape girls' perceptions of themselves and their bodies [11].

"Beauty Sick: How the Cultural Obsession with Appearance Hurts Girls and Women" is another work on the same issue written by Renee Engeln, a psychologist and professor of psychology known also for her research on body image and the impact of societal beauty ideals on girls and women. Published in 2017, the book discloses the detrimental effects of the pervasive cultural obsession with appearance on the mental and emotional well-being of females.

Engeln introduces the concept of "beauty sickness", which refers to the negative psychological and emotional consequences experienced by individuals, particularly girls and women, due to the relentless focus on appearance in society that is full of cultural beauty ideals and media representations. This can lead to poor body image and low self-esteem among girls and women. Engeln discusses the pressures to conform to unrealistic beauty standards.

Consequently, Engeln's work serves as a call for a rigorous evaluation of the prevailing societal beauty ideals. It urges introspection and questioning to confront these deeply rooted norms. Simultaneously, it promotes self-acceptance and emotional well-being, fostering a more fulfilling sense of self. It has contributed to important discussions surrounding body image, self-esteem, and the need for a more inclusive and compassionate approach to beauty and self-worth [14].

Contemporary researches seem to provide substantial evidence that the categories of appearance and beauty are disproportionately attributed to women, contributing to a wide range of societal and personal challenges. However, not all of the scientists recognize the obvious gender asymmetry in the categories of appearance and beauty.

“Survival of the Prettiest: The Science of Beauty” is a research written by Nancy Etcoff, a psychologist and researcher known for her work on the psychology of aesthetics and beauty. Published in 1999, the book delves into the scientific aspects of beauty and explores the evolutionary, psychological, and cultural factors that shape our perceptions of beauty. Etcoff argues that our perceptions of beauty are not solely culturally constructed but have deep evolutionary roots. She explores how traits associated with beauty may have evolved as indicators of health, fertility, and genetic fitness. Different cultures also have their own standards of beauty and how these standards can change over time.

Etcoff discusses the idea that our appreciation of beauty is not limited to humans but extends to the world around us, including art and nature. She explores the psychology of aesthetics and our inherent desire for beauty because it influences human attraction and mate selection. Etcoff also touches upon the psychological effects of feeling beautiful or attractive. She discusses how self-perception and self-esteem can be influenced by one’s perceived level of attractiveness. What is most important to our investigation, the book touches on the societal expectations of beauty for both men and women and how these expectations have evolved and continue to change reflecting gender roles and shifting stereotypes: For example, societal expectations may dictate that women should have a certain body type, while men should possess specific physical characteristics. These expectations can impact self-esteem and body image for individuals who do not conform to these ideals [15].

The work combines evolutionary biology, psychology, and cultural studies to provide readers with a multidimensional understanding of why humans are drawn to beauty and how beauty influences various aspects of our lives. In essence, “Survival of the Prettiest” does not assert that beauty is an all-encompassing or singularly defining aspect of women’s lives. Instead, it offers a balanced perspective that acknowledges the multifaceted nature of beauty and its varying degrees of importance to individuals. It encourages one to consider the complex interplay between biological, psychological, and cultural factors that shape perceptions of beauty among women and this brings it close to the cognitive perception of the issue.

4. RESEARCH METHODOLOGY

In this article, it is suggested to investigate whether the category of appearance (including beauty) is disproportionately related to gender. Our research focuses on analyzing noun phrases formed with the core words “woman” and “man” along with prepositional modifiers in the form of adjectives, nouns, or participles.

The primary objective of this comprehensive study is to examine the semantic structure that underlies the category of appearance. This exploration is achieved through the analysis of noun phrases with the core lexemes “woman” and “man”. These phrases have been extracted from a vast array of textual sources within the British National Corpus, employing a systematic sampling method. By scrutinizing this extensive dataset, the research aims to provide valuable insights into the multifaceted interrelation between gender and appearance within the English language.

A total of 713 attributive-nominal noun phrases related to the semantic category of “appearance” with the taxonomic lexeme “woman” and 2101 noun phrases with the lexeme “man” were extracted. Many more noun phrases related to other semantic categories from the total amount of 19174 for the lexeme “man” and 6217 for the lexeme “woman” are left out of this article’s coverage, because they describe qualities other than beauty and appearance, for example, age or status.

From a syntagmatic perspective, noun phrases with the core words “woman” and “man” are integrated into various structures, represented by substantive constructions such as “Adj + N”, “N + N”, “Part. I + N”, and “Part. II + N” (for prepositional adjuncts). Examples of noun phrases with post-positioned adjuncts

in this semantic category are rare and do not significantly influence the overall research findings. The numbers following the core words in the examples indicate the frequency of occurrence of these noun phrases in the British National Corpus of the English language.

5. RESULTS AND DISCUSSION

Woman. Appearance

713 examples (accounting for 11.47% of the total examples with this core word)

A) Parametric characteristics 302 examples (4,86%):

fat woman 52; big woman 28; large woman 23; tall woman 32; plump woman 10; thin woman 11; gaunt woman 11; little woman 66; small woman 14; tiny woman 9; stout woman 8; enormous woman 6; slim woman 5; slender woman 5; huge woman 5; wee woman 3; obese woman 3; miniature woman 3; overweight woman 2; lean woman 2; larger woman; big-bosomed woman 2; wide-hipped woman.

B) General characteristics 150 examples (2,41%):

dark-haired woman 21; grey-haired woman 13; white-haired woman 8; red-haired woman 6; well-dressed woman 4; blonde-haired woman 4; red-headed woman 3; round-faced woman 3; black-haired woman 3; fair-haired woman 3; crippled woman 3; faded woman 2; veiled woman 2; powdered woman 2; green-eyed woman 2; ginger-haired woman 2; bald-headed woman 2; brown-haired woman 2; dark-skinned woman 2; silver-haired woman 2; sandy-haired woman 2; pleasant-faced woman 2; plump-faced woman 2; yellow-eyed woman 1; yellow-haired woman 1; scarlet woman 19; dumpy woman 10; pale woman 5; grey woman 5; bald woman 3; round woman 3; angular woman 2; fit woman 2; stocky woman 2; wiry woman 2.

C) Assessments 261 example (4,20%):

handsome woman 16; beautiful woman 134; elegant woman 1; ugly woman 6; pretty woman 48; plain woman 7; sexy woman 7; fashionable woman 3; feminine woman 2; sexual woman 2; seductive woman 2; mannish woman 1; ladylike woman 1; fine-looking woman 2; efficient-looking woman 2; exhausted-looking woman 2; good-looking woman 11; tired-looking woman 1; severe-looking woman 2; pleasant-looking woman 2; motherly-looking woman 2; jolly-looking woman 1; well-built woman 2.

Man. Appearance

2101 example (accounting for 10,96% of the total examples with this core word)

A) Parametric characteristics 1345 examples (7,01%):

little man 306; big man 287; tall man 142; thin man 114; fat man 92; small man 83; large man 48; burly man 23; wee man 20; huge man 16; short man 16; stout man 16; heavy man 13; tallest man 12; smaller man 11; taller man 10; skinny man 9; plump man 9; slim 8; tiny man 8; bigger man 7; lean man 6; overweight man 5; low man 4; bulky man 4; slight man 4; thick-set man 4; thickset man 3; tallish man 3; biggest man 3; long man 3; light man 2; heavy-set man 2; heaviest man 2; gigantic man 2; enormous man 2; diminutive man 2; broad man 2; portly man 2; outsize man 2; massive man 2; shorter man 2; slighter man 2; slender man 2; skeletal man 2; smallish man 2; wide man 2; weighty man 2; stoutish man 2; thick man 1; thinnest man 1; broad-shouldered man 9; medium-sized man 3; emaciated man 2; long-legged man 2; broad-faced man 2.

B) General characteristics 535 examples (2,79%):

bald man 39; blond man 26; grey man 25; stocky man 19; fit man 10; muscular man 10; mighty man 8; fittest man 6; gaunt man 6; athletic man 6; tubby man 6; wiry man 5; hairy man 5; swarthy man 4; squat man 4; stubby man 3; sallow man 3; bony man 3; ghastly man 3; frail man 3; lanky man 3; florid man 2; greasy man 2; ginger man 2; angular man 2; beaky man 2; ruddy man 2; seedy man 2; senile man 2; weary man 2; untidy man 2; square man 2;; muscle man 6; balding man 13:

bearded man 57; uniformed man 18; grey-haired man 15; dark-haired man 14; red-faced man 14; white-haired man 11; sandy-haired man 11; fair-haired man 11; bald-headed man 10; moustached man 10; black-haired man 9; red-haired man 8; thin-faced man 6; silver-haired man 5; haired man 5; grim-faced man 5; well-dressed man 5; crooked man 4; best-dressed man 4; tattooed man 3; wizened man 3; dressed man 3; hawk-faced man 4; curly-haired man 4; one-eyed man 4; white-faced man 4; barrel-chest-

ed man 3; falcon-headed man 3; hooded man 2; green-coated man 2; crumpled man 2; cloaked man 2; scarred man 2; unshaven man 2; flush-faced man 2; ginger-haired man 2; dark-eyed man 2; dark-skinned man 2; dark-suited man 2; bull-necked man 2; bowler-hatted man 2; black-skinned man 2; one-armed man 2; one-legged man 2; scarab-headed man 2; ram-headed man 2; shaven-headed man 2; weasel-eyed man 2; weasel-faced man 2; thoughtful-faced man 1; toffee-nosed man 1.

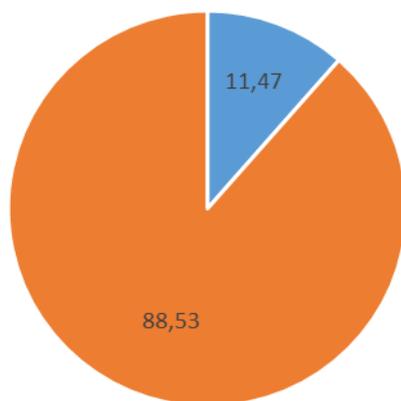
C) Assessments 221 examples (1,15%):

ugly man 2; elegant man 8; sexiest man 7; masculine man 6; handsome man 81; beautiful man 10; flamboyant man 2; dapper man 4; plain man 10; stately man 1; cuddly man 2; jussy man 2; plainclothes man 4; medallion man 5; good-looking man 30; best-looking man 5; distinguished-looking man 4; strange-looking man 4; rough-looking man 3; amiable-looking man 3; fantastic-looking man 2; fine-looking man 2; gorgeous-looking man 2; delicate-looking man 2; devastating-looking man 2; nice-looking man 2; ratty-looking man 2; wild-looking man 2; young-looking man 2; well-built man 6; smartly-dressed man 2; well-groomed man 2.

The research data shows that there is no evidence of disproportion in the category of appearance when adjectives from this category are attributed to men and women. Undoubtedly, there are many more adjectives from this category forming collocations with the core lexeme “man”, with 2,101 examples, in comparison to 713 adjectives from this category related to the core noun “woman”. This might suggest, falsely, that appearance is more important for men than for women, which would contradict the results of previous observations described in this article. However, considering the fact that there are many more examples with the core lexeme “man” in total, irrespective of the semantic category of appearance, it is more logical to assess the importance of appearance based on the percentage that applies to this category in comparison to the total number of examples.

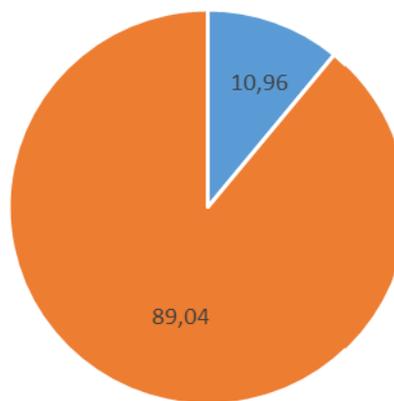
Therefore, adjectives in the category of appearance account for 10.96% of the total number of examples with the core lexeme “man”, while the same figure for “women” is equal to 11.47%. The almost equal prominence of the semantic category of appearance for women and men is obvious:

Semantic categories of adjuncts with the core lexeme “woman”

■ Appearance ■ Other

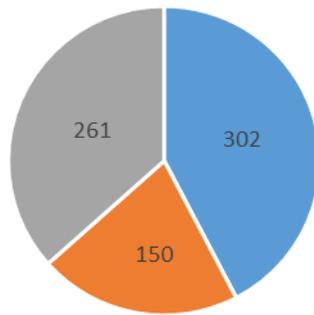
Semantic categories of adjuncts with the core lexeme “man”

■ Appearance ■ Other

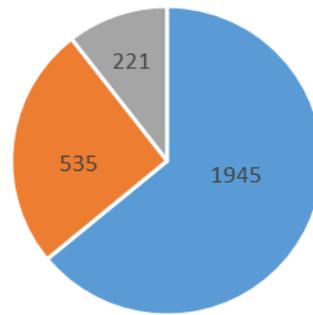
This allows us to conclude that the category of appearance is nearly as important for men as it is for women. Regarding the subcategorization into different characteristics of appearance, we can infer that women’s appearance is assessed more often than men’s if you look at the category of appearance separately. But the difference is equal to approximately 3% if you take into account the total number of examples (assessments, core lexeme woman – 4,20%; assessments, core lexeme man – 1,15%):

Semantic subcategories of Appearance, core lexeme “woman”

- Parametric characteristics
- General characteristics
- Assessments

Semantic subcategories of Appearance, core lexeme “man”

- Parametric characteristics
- General characteristics
- Assessments

We had further anticipated encountering asymmetries in the evaluations and positive and negative attributes pertaining to the physical appearance of both men and women. Consequently, as we advanced to the subsequent phase of our research, we opted to segregate all adjectives that pertain to physical appearance and encompass either favorable or unfavorable connotations into two distinct categories: “appearance positive” and “appearance negative”, for all instances where these adjectives were attributed to the lexemes “man” and “woman”. To facilitate comprehension and presentation, we have compiled this data into two separate tables for reference:

Table 1. The appearance of women: positive and negative assessment

Positive	Negative
beautiful woman 134 pretty woman 48 attractive woman 36 lovely woman 23 handsome woman 16 sexy woman 7 elegant woman 4 fashionable woman 3 feminine woman 2 sweet woman 2 sexual woman 2 seductive woman 2 ladylike woman 1	plain woman 7 ugly woman 6 unattractive woman 3 mannish woman 1
good-looking woman 11 fine-looking woman 2 efficient-looking woman 2 pleasant-looking woman 2 motherly-looking woman 2 jolly-looking woman 1	exhausted-looking woman 2 tired-looking woman 2 severe-looking woman 2
well-built woman 2 302 (92,9%)	23 (7,1 %)

In conclusion, our research urges a more comprehensive examination of the societal dynamics at play in the portrayal of physical appearance, recognizing that while differences exist in how men and women are depicted, the broader category of appearance should be seen as a multifaceted and vital component of human identity and perception, one that transcends gender disparities and deserves further exploration.

© Мурашова Л.П., 2024

Список литературы

1. Барчунова Т.В. Сексизм в букваре / Т.В. Барчунова // ЭКО: Экономика и организация пром. пр-ва. Новосибирск, 1995. № 3. С. 133–155.
2. Вул С.М. Теоретические предпосылки диагностирования половой принадлежности автора документа / С.М. Вул, А.П. Мартынюк // Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистической экспертизы. М., 1987. С. 105–112.
3. Горошко Е.И. Особенности мужского и женского речевого поведения (психолингвистический анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.И. Горошко. М., 1996. 26 с.
4. Гукосьянц О.Ю. Диагностика гендерной идентичности участников чат-коммуникации на основе анализа англоязычных никнеймов / О.Ю. Гукосьянц, Л.М. Хачересова // Вестник Пятигорского государственного университета. 2013. № 4. С. 69–75.
5. Дубовский Ю.А. Проблемы межкультурного общения: гендерный аспект / Ю.А. Дубовский, Н.Л. Грейдина // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах: материалы международной научно-практической конференции. Пятигорск, 2002. С. 54–57.
6. Земская Е.А. Особенности мужской и женской речи / Е.А. Земская, М.А. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русский язык в его функционировании под ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелева. М., 1993. С. 90–136.
7. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1999. 189 с.
8. Леонтьева А.А. Стереотипы мужских и женских качеств в речи авторов – мужчин и женщин / А.А. Леонтьева, А.П. Мартынюк. Харьков: Изд-во ХГУ, 1989. 9 с.
9. Ольшанский И.Г. Гендерные исследования как одно из направлений социолингвистики / И.Г. Ольшанский // Проблемы социолингвистики и многоязычия. М., 1997. № 1. С.32–34.
10. Толстокорова А.В. Гендерно-чувствительная реформа языка как элемент глобальной социальной политики: опыт международного женского движения / А.В. Толстокорова // Журнал исследований социальной политики. М., 2005. Т. 3, № 1. С. 87–110.
11. Brumberg, J. *The body project. An intimate history of American girls*. New York: Knopf Doubleday Publishing Group, 2010. 336 p.
12. Cameron, D. Rethinking language and gender studies: some issues for the 1990s // *Language and Gender: interdisciplinary perspectives*. ed. by Harlow, S.M.: Longman, 1995, p. 31–44.
13. Coates, J. *Women, men and language*. 3rd edn. Harlow: Longman, 2004. 245 p.
14. Engeln, R. *Beauty sick. How the cultural obsession with appearance hurts girls and women*. New York: HarperCollins, 2017, 400 p.
15. Etcoff, N. *Survival of the prettiest: The science of beauty*. New York: Doubleday, Beauty, Personal, 1999, 325 p.
16. Fishman, P. Interaction: The work women do // *Language, gender and society*. ed. by Thorne B., Kramarae C. and Henley N., 1983, p.p. 89–102.
17. Gray, J. *Men are from Mars, women are from Venus: A practical guide for improving communication and getting what you want in your relationship*. New York: Harper Collins, 1992, 286 p.
18. Jespersen, O. *Language, its nature, development and origin*. London: G. Allen and Unwin, 1922, 448 p.
19. Spender, D. *Man made language*. London: Routledge and Kegan Paul, 1980, 268 p.
20. Tannen, D. *You just don't understand: Women and men in conversation*. New York: Morrow, 1990, 330 p.
21. West, C., Zimmerman D. H. Sex roles, interruptions and silences in conversation // *Thorne*. ed. by B. and N. Henley, 1975, p. 105–129.
22. Whitefield-Madrano, A. *A face value. The hidden ways beauty shapes women's lives*. New York: Simon & Schuster, 2016, 275 p.
23. Wolf, N. *The beauty myth. How images of beauty are used against women*. New York Harper Collins, 2002, 348 p.

References

1. Barchunova, T.V. *Seksizm v bukvarе* [Sexism in the primer] / T.V. Barchunova // *EKO: Ekonomika i organizatsiia prom. pr-va* [ECO: Economics and industrial organization of manufacturing]. Novosibirsk, 1995. № 3, p. 133–155.
2. Vul, S.M. *Teoreticheskie predposylki diagnostirovaniia polovoy prinaldlezhnosti avtora dokumenta* [Theoretical basis for diagnosing the gender identity of the author of the document] / S.M. Vul, A.P. Martyniuk // *Sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia traditsionnykh vidov kriminalisticheskoy ekspertizy* [Current state and prospects for the development of traditional types of forensic examination]. M., 1987, p. 105–112.
3. Goroshko, E.I. *Osobennosti muzhskogo i zhenskogo rechevogo povedeniia (psikholingvisticheskiy analiz)* [Features of male and female speech behavior (psycholinguistic analysis)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19 / E.I. Goroshko. M., 1996. 26 p.

4. Gukos'iants, O.I.U. *Diagnostika gendernoy identichnosti uchastnikov chat-kommunikatsii na osnove analiza angloiazychnykh nikneymov* [Distinguishing gender identity of chat communication participants based on the analysis of English nicknames] / O.I.U. Gukos'iants, L.M. Khacheresova // *Vestnik Piatigorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Pyatigorsk State University]. 2013. № 4, p. 69–75.
5. Dubovskiy, I.U.A. *Problemy mezhkul'turnogo obshcheniia: genderny aspekt* [Problems of intercultural communication: gender aspect] / I.U.A. Dubovskiy, N.L. Greydina // *Kommunikatsiia: teoriia i praktika v razlichnykh sotsial'nykh kontekstakh: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Communication: theory and practice in various social contexts: materials of the international scientific and practical conference]. Pyatigorsk, 2002, p. 54–57.
6. Zemskaya, E.A. *Osobennosti muzhskoy i zhenskoy rechi* [Features of male and female speech] / E.A. Zemskaya, M.A. Kitaygorodskaya, N.N. Rozanova // *Russkiy iazyk v ego funktsionirovanii* [Russian language in its functioning] / pod red. E.A. Zemskoy i D.N. Shmeleva. M., 1993, p. 90–136.
7. Kirilina, A.V. *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: linguistic aspects] / A.V. Kirilina. M.: Izd-vo In-ta sotsiologii RAN, 1999, 189 p.
8. Leont'eva, A.A. *Stereotipy muzhskikh i zhenskikh kachestv v rechi avtorov – muzhchin i zhenshchin* [Stereotypes of male and female qualities in the speech of male and female authors.] / A.A. Leont'eva, A.P. Martynyuk. Khar'kov: Izd-vo KHGU, 1989, 9 p.
9. Ol'shanskiy, I.G. *Gendernye issledovaniia kak odno iz napravleniy sotsiolingvistiki* [Gender studies as one of the areas of sociolinguistics] // *Problemy sotsiolingvistiki i mnogoiazychiia* [Problems of sociolinguistics and multilingualism] / I.G. Ol'shanskiy. M., 1997. № 1, p. 32–34.
10. Tolstokorova, A.V. *Genderno-chuvstvitel'naiia reforma iazyka kak element global'noy sotsial'noy politiki: opyt mezhdunarodnogo zhenskogo dvizheniia* [Gender-sensitive language reform as an element of global social policy: the experience of the international women's movement] / A.V. Tolstokorova // *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Research]. M., 2005. T. 3, № 1, p. 87–110.
11. Brumberg, J. *The body project. An intimate history of American girls*. New York: Knopf Doubleday Publishing Group, 2010, 336 p.
12. Cameron, D. Rethinking language and gender studies: some issues for the 1990s // *Language and Gender: interdisciplinary perspectives*. ed. by Harlow, S.M.: Longman, 1995, p. 31–44.
13. Coates, J. *Women, men and language*. 3rd edn. Harlow: Longman, 2004. 245 p.
14. Engeln, R. *Beauty sick. How the cultural obsession with appearance hurts girls and women*. New York: HarperCollins, 2017, 400 p.
15. Etcoff, N. *Survival of the prettiest: The science of beauty*. New York: Doubleday, Beauty, Personal, 1999, 325 p.
16. Fishman, P. Interaction: The work women do // *Language, gender and society*. ed. by Thorne B., Kramarae C. and Henley N., 1983, p. 89–102.
17. Gray, J. *Men are from Mars, women are from Venus: A practical guide for improving communication and getting what you want in your relationship*. New York: Harper Collins, 1992, 286 p.
18. Jespersen, O. *Language, its nature, development and origin*. London: G. Allen and Unwin, 1922, 448 p.
19. Spender, D. *Man made language*. London: Routledge and Kegan Paul, 1980, 268 p.
20. Tannen, D. *You just don't understand: Women and men in conversation*. New York: Morrow, 1990, 330 p.
21. West, C., Zimmerman D. H. Sex roles, interruptions and silences in conversation // *Thorne*. ed. by B. and N. Henley, 1975, p. 105–129.
22. Whitefield-Madrano, A. *A face value. The hidden ways beauty shapes women's lives*. New York: Simon & Schuster, 2016, 275 p.
23. Wolf, N. *The beauty myth. How images of beauty are used against women*. New York Harper Collins, 2002, 348 p.

Сведения об авторе:

Мурашова Людмила Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры Иностранных языков № 1 Кубанского государственного технологического университета (Россия, Краснодар). Сфера научных и профессиональных интересов: гендерная лингвистика, когнитивная лингвистика, корпусная лингвистика, лингвокультурология, художественный перевод, перевод поэзии. E-mail: L-P-Murashova@mail.ru ORCID ID 0000-0002-7533-4641

About the author:

Liudmila P. Murashova – PhD, is Associate Professor at the Department of Foreign languages № 1 of Kuban State Technological University (Krasnodar, Russia). Areas of scientific and professional interests: gender linguistics, cognitive linguistics, corpus linguistics, linguoculturology, literary translation, poetry translation. E-mail: L-P-Murashova@mail.ru ORCID ID 0000-0002-7533-4641

* * *

CONVENTIONAL AND OCCASIONAL EUPHEMISMS IN GERMAN ECONOMIC JOURNALISM

Julia A. Raikova

MGIMO UNIVERSITY,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. This article examines the use of euphemisms in German journalistic texts on economic topics. Euphemisms include lexemes and expressions that soften the names of discordant designations of concepts. The consequences of the 2019-2020 pandemic and the Ukrainian conflict had a definite impact on the German economy and the standard of living of the German population. The rapid rise in prices and the energy crisis that has arisen in the country have led to financial problems reflected in the stratification of society into rich and poor, an increase in the number of protests due to unfavorable working conditions and even to forced closure of enterprises. Such economic difficulties are actively discussed in the German press. In order to switch the reader's attention and smooth out the designation of acute problems, journalists use euphemized words and expressions in their articles. In a particular historical period, depending on political, economic or social changes, certain spheres of public life were subjected to productive euphemization. In this regard, it seems important to trace this process in diachrony, focusing on the economic problems of Germany in 2021-2023. The aim of the study is to identify euphemistically colored lexemes and expressions in German journalistic texts, as well as to identify groups of euphemisms and the reasons for their use. The research material included articles from the economic section of German electronic publications such as "Der Spiegel", "Die Zeit", "Süd-deutsche Zeitung", "Die Tageszeitung", "Berliner Zeitung", etc. The study revealed that such economic problems as poverty and wealth, mass protests, rising food and electricity prices, methods of limiting them, and the consequences of the energy crisis are being euphemized. The analysis made it possible to identify both conventional and occasional euphemisms, although it was found that the lexemes and expressions of the second group are noticeably prevalent in German journalism.

Keywords: euphemism, euphemized expressions, economic discourse, German press, journalistic text

For citation: Raikova Yu.A. (2024). Conventional and occasional euphemisms in German economic journalism. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(1), pp. 86–97. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-1-38-86-97>

УЗУАЛЬНЫЕ И ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ЭВФЕМИЗМЫ В НЕМЕЦКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Ю.А. Райкова

Московский государственный институт международных отношений МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В настоящей статье рассматривается использование эвфемизмов в немецких публицистических текстах на экономическую тематику. К эвфемизмам относятся лексемы и выражения, смягчающие наименования неблагозвучных обозначений понятий. Последствия пандемии 2019-2020 годов и Украинского конфликта оказали определённое влияние на экономику Германии и уровень жизни немецкого населения. Стремительный рост цен и возникший в стране энергетический кризис повлекли за собой финансовые проблемы, которые выражаются в расслоении общества на богатых и бедных, увеличении числа протестов из-за неблагоприятных условий труда и даже вынужденном закрытии предприятий. Подобные экономические трудности подвергаются активному обсуждению в немецкой прессе. Чтобы переключить внимание читателя и сгладить обозначение острых проблем, журналисты используют в текстах статей эвфемизированные слова и выражения. В конкретный исторический период, в зависимости от политических, экономических или социальных изменений, продуктивной эвфемизации подвергались определённые сферы общественной жизни. В связи с этим представляется важным проследить этот процесс в диахронии, остановившись на экономических проблемах Германии в 2021-2023 годах. Целью исследования является выявление эвфемистически окрашенных лексем и выражений в немецких публицистических текстах, а также определение групп эвфемизмов и причин их употребления. Материалом исследования послужили статьи из экономического раздела немецких электронных изданий, таких как «Der Spiegel», «Die Zeit» «Süddeutsche Zeitung», «Die Tageszeitung», «Berliner Zeitung» и др. В ходе исследования было выявлено, что эвфемизации подвергаются обозначения таких экономических проблем, как бедность и богатство, массовые протесты, рост цен на продовольственные товары и электроэнергию, методы их ограничения, последствия энергетического кризиса. Проведённый анализ позволил выявить как узуальные, так и окказиональные эвфемизмы, хотя было установлено, что лексемы и выражения второй группы заметно преобладают в немецкой публицистике.

Ключевые слова: эвфемизм, эвфемизированные выражения, экономический дискурс, немецкая пресса, публицистический текст

Для цитирования: Райкова Ю.А. (2024) Узуальные и окказиональные эвфемизмы в немецкой экономической публицистике. *Филологические науки в МГИМО*. 10(1), С. 86–97. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-1-38-86-97>

1. Введение (Introduction)

Эвфемизм – динамическое явление, которое возникает в случае наличия определённых трудностей, нежелательных для упоминания. Эвфемизированные выражения позволяют «вуалировать» такие явления в течение определённого периода времени, а затем приживаются в языке и теряют свою функцию. Поэтому существует проблема создания единого словаря эвфемизмов, ведь большинство из них являются контекстуальными, то есть соответствующими лишь определённой ситуации, контексту. В конкретный исторический период, в зависимости от политических, экономических или социальных изменений, продуктивной эвфемизации подвергались определённые сферы общественной жизни. В связи с этим представляется важным проследить этот процесс в диахронии, остановившись на экономических проблемах Германии в 2021-2023 годах.

Последствия пандемии 2019-2020 годов и Украинского конфликта оказали определённое влияние на экономику Германии и уровень жизни немецкого населения. Стремительный рост цен, в том числе на товары первой необходимости, возникший в стране энергетический кризис повлекли за собой финансовые проблемы, которые выражаются в расслоении общества на богатых и бедных, увеличении числа протестов из-за неблагоприятных условий труда и даже вынужденном закрытии предприятий. Подобные экономические трудности подвергаются активному обсуждению в немецкой прессе. Чтобы переключить внимание читателя и сгладить обозначение острых проблем, журналисты используют в текстах статей эвфемизированные слова и выражения.

Целью исследования автора данной статьи является выявление эвфемистически окрашенных лексем и выражений в немецких публицистических текстах, а также определение групп эвфемизмов и причин их употребления.

Новизна исследования заключается в том, что в данной работе рассматриваются эвфемизмы из экономических разделов немецкой публицистики в конкретный период времени. Ранее исследование проводилось на материале других языков (русский, английский и др.).

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных учёных по теории эвфемизации: Л. П. Крысина, Е. П. Сеничкиной, М. Л. Ковшовой, Н. А. Ванюшиной, С. Н. Орловой, И. А. Солодиловой, Т. Ю. Соколовой и других.

2. Материал и методы исследования (Materials and Methodology)

Материалом для данной статьи послужили публицистические тексты из экономического раздела немецких электронных изданий, таких как «Der Spiegel», «Die Zeit», «Süddeutsche Zeitung», «Die Tageszeitung», «Berliner Zeitung», «Focus».

Всего было прочитано 70 публицистических текстов из немецких онлайн-изданий и отображено 28 примеров употребления эвфемизированных лексических единиц и выражений. Примеры были выделены методом сплошной выборки. Кроме того, в данном исследовании применялись методы контекстуального анализа, компонентного анализа и количественного анализа.

Обработка материала заключалась в выявлении эвфемизированных лексем и выражений из экономических разделов немецких газет, причин их употребления и функций.

Термин «эвфемизм» происходит из греческого языка и может быть дословно переведён как «хорошо говорю». В отечественной лингвистике под эвфемизмом понимают такие языковые средства, которые являются вежливыми и эмоционально-нейтральными, смягчают выражение того, что представляется адресанту или адресату нетактичным, неприличным или неблагозвучным [6, с. 7], [1, с. 565], [2, с. 478]. В.П. Москвин добавляет, что «приёмы эвфемии принадлежат к средствам добавления уместности речи» [10, с. 11]. Изначально эвфемизмы употреблялись для избегания прямых наименований табуированных понятий, например, обозначающих смерть, дьявола или болезни [3, с. 9], [30]. Они считались запретными или казались слишком страшными для упоминания [5, с. 33], [15, с. 34].

Как отмечает М.Л. Ковшова, любой эвфемизм по своей природе диалогичен. Это выражается в том, что «в процессе коммуникации завуалированное слово или выражение всегда ориентировано на определённого адресата» [7, с. 36]. Адресат, в свою очередь, должен обладать готовностью декодировать полученное сообщение.

Л.П. Крысин выделяет 3 основных функции эвфемизмов: 1) стремление адресата избежать возможных проблем и конфликтов в коммуникации и дискомфорта при общении; 2) вуалирование сути явления, которое является неприятным или нежелательным для адресата или адресанта; 3) возможность адресата так зашифровать предмет коммуникации, чтобы он стал понятен только адресату [8]. К тому же М.Г. Чепорухина подчёркивает, что в политической или юридической сфере эвфемизмы также выполняют манипулятивную функцию [17, с. 96], [27]. С.Н. Орлова добавляет, что эвфемизированные слова и выражения характеризуются преднамеренной неоднозначностью в коммуникации, так как призваны смягчать негативный смысл высказывания и при этом выступать как «защитный механизм» для адресата [12, с. 171]. Кроме того, Э.Л. Шубина и А.В. Седова отмечают, что эвфемизмы могут выполнять функцию хеджирования, то есть позволяют свести к минимуму личную ответственность адресата за передаваемую информацию и исключить категоричность суждения [18, с. 187]. В нашем случае использование данной речевой стратегии способствует тому, чтобы сохранить позитивный настрой жителей Германии, которые должны смириться с кризисными ограничениями в ближайшее время.

Лингвисты, как правило, выделяют две большие группы эвфемизмов: узуальные и окказиональные. К первой группе относятся такие лексические единицы, которые «не создаются заново, а хранятся в памяти и воспроизводятся в виде готовой к использованию единицы» [7, с. 36]. Кроме того, узуальные эвфемизмы зафиксированы в словарях. Так, М.Л. Ковшова приводит примеры общеизвестных узуальных эвфемизмов для обозначения старого человека в бытовом общении: «человек в летах», «преклонного возраста», «старшего поколения» [7, с. 36]. В немецком языке к данной тематике можно отнести эвфемизм «*älterer Mensch*» (пожилой человек), который смягчает прямую номинацию «старый» [22]. В целях приукрашивания неблагозвучного обозначения понятия «*Altersheim*» (дом престарелых), которое тоже содержит элемент «*alt*», в немецкоязычном пространстве употребляется эвфемизированная лексема «*Seniorenheim*» (дом для пожилых людей) [22]. В качестве примера русскоязычного словаря эвфемизмов можно привести работу Е.П. Сеничкиной «Словарь эвфемизмов русского языка», где собраны не только лексеммы из литературного языка, но и просторечные выражения. В немецком языке эвфемизированные лексические единицы обозначены в электронном словаре DWDS пометой «*verhüllend*».

Для данного исследования особый интерес представляет вторая группа, то есть окказиональные эвфемизмы или «вуалирующие лексеммы и выражения, образованные в результате контекстной импровизации в процессе устной или письменной речи» [7, с. 36], [14, с. 17]. По мнению Е.П. Сеничкиной, именно они отличаются максимальной степенью эвфемизации, хотя и не поддаются исчислению или описанию в словаре [14, с. 17]. Сюй Минъюань отмечает, что к группе окказиональных эвфемизмов относятся лексеммы, которые были «созданы автором в пределах его литературного произведения» [9, с. 27]. Лингвист приводит примеры таких номинаций из рассказа В.О. Пелевина, где вместо бранных слов герой использует лексические единицы «труд, май и др.»: «май его знает», «какого молота» [9, с. 27]. В немецкоязычном пространстве также встречаются выдуманные автором эвфемизмы, например, словесное новообразование, полученное приёмом контаминации из английских лексем «*shrink*» (уменьшать) и «*inflation*» (инфляция): «*Shrinkflation*» (скрытое повышение цены на товары за счёт их продажи по той же цене, но в меньшем объёме). В немецкой ежедневной газете «*Die Tageszeitung*» данная лексема встречается в заголовке: «*Shrinkflation – Rekord bei Snacks*» [24].

Рассмотрим подробнее, какие группы эвфемизированных лексических единиц использовались в текстах прессы в период с 2021 г. по 2023 г.

3. Результаты и обсуждения (Results and Discussion)

Как было отмечено выше, наличие в стране экономических трудностей послужило основой для возникновения разнообразных экономических эвфемизмов. Так, например, снижение доходов населения Германии является деликатной темой для обсуждения, вследствие чего в газетных статьях появляются эвфемизированные слова и выражения, «вуалирующие» суть данного явления. Прямое наименование бедности и растущего количества малоимущих людей среди немецкого населения способно вызвать волнения и даже посеять панику в кругах читателей экономических новостей. Эвфемизированные лексемы помогают донести информацию более «осторожно», улучшая характер исходного денотата «бедность». Рассмотрим явление эвфемизации на конкретных примерах:

(1) Seit Monaten kämpfen *einkommensschwache Menschen* mit hohen Preisen für Energie und Lebensmittel [24]. – В течение нескольких месяцев *люди с низкими доходами* боролись с высокими ценами на энергоносители и продукты питания.

(2) Und nicht nur die Ärmsten stehen vor finanziellen Herausforderungen: „Es werden zunehmend andere Einkommensgruppen betroffen sein, *Verbraucher*innen mit geringen oder mittleren Einkommen* ohne Anspruch auf Sozialleistungen“, prognostiziert Elisabeth Grauel von der Energieberatung [24]. – И не только самые бедные столкнутся с финансовыми трудностями: «Это всё больше затронет другие группы населения, *потребителей с низким или средним уровнем дохода*, не имеющих права на получение социальных пособий», – прогнозирует Элизабет Грауэль из консультационного центра по энергетике.

(3) Hätte sie in anderen Bereichen gestrichen, hätte es *finanziell schwächere Gruppen* getroffen, sagte Paus [25]. – Если бы сокращение проводилось в других областях, то оно затронуло бы «*финансово более слабые*» группы населения, говорит Паус.

В первых трех примерах (1), (2), (3) за счёт перифразы прямой номинации «бедные люди» достигается эффект «вуалирования» явления бедности. В приведённых выше статьях группы населения с финансовыми проблемами обозначаются, как «*einkommensschwache Menschen*» (люди с низкими доходами), «*Verbraucher*innen mit geringen oder mittleren Einkommen*» (потребители с низким или средним уровнем дохода), «*finanziell schwächere Gruppen*» («финансово более слабые» группы населения). Во всех случаях прямая номинация бедности отсутствует, она заменяется более благозвучными эвфемизированными выражениями.

В текстах немецкой прессы нежелательные обозначения экономических трудностей могут быть подвержены эвфемизации за счёт иноязычных слов. Л.П. Крысин отмечает, что заимствованные лексемы и выражения «более пригодны для вуалирования сути явления», ведь они считаются престижными и более благозвучными [8, с. 402]. К тому же смысл, скрытый за иноязычным заимствованием, не всегда чётко понятен адресату, что делает исходный денотат размытым и помогает автору создать благоприятную коммуникативную ситуацию [4, с. 56]. И.Н. Никитина и А.Н. Прудывус относят приём заимствования или перевод слова на иностранный язык к одним из основных способов образования эвфемизмов [11, с. 53], [13]. В примере (4) именование затруднительного финансового положения скрывается за заимствованной из английского языка лексемой «*broke*».

(4) Die 33-Jährige hat drei Kinder, um die sie sich kümmert, und auf Social Media schauen ihr Hunderttausende beim Kochen zu, kennen ihre türkis-pinke Küche ihrer Dreizimmerwohnung und ihre „*Broke Gerichte*“ – Gerichte, die man sich selbst dann leisten kann, wenn man *broke* ist, also pleite [24]. – У 33-летней женщины трое детей, о которых она заботится, и сотни тысяч людей в социальных сетях смотрят, как она готовит, знают её бирюзово-розовую кухню в трёхкомнатной квартире и её «дешёвые блюда» – блюда, которые можно позволить себе, даже если ты без гроша, то есть на мели.

Что касается лексемы «broke» (без гроша за душой), эвфемизированный оттенок ей придают нетипичные для немецкого языка звучание и написание. К тому же смысл иноязычной лексемы может быть известен не всем читателям немецкой статьи.

Эвфемизации подвергается также название благотворительных организаций, занимающихся раздачей продуктов питания людям, оказавшимся в непрестом финансовом положении. В немецкоязычных странах: Германии, Австрии и Швейцарии – такие организации получили название «Tafel» (праздничный стол). Данное наименование для благотворительной организации было выбрано, потому что даже малоимущие граждане Германии могут позволить себе разнообразные продукты, в том числе относящиеся к деликатесам. В Германии первые благотворительные организации по раздаче продовольствия появились в 1993 году после выступления с докладом сенатора по социальным вопросам Ингрид Штамер о большом количестве бедных и бездомных в стране [20]. Присутствующие вдохновились её речью и приняли решение о создании такой организации по американскому образцу. Изначально инициативу проявили женщины, которые ездили на личных машинах и говорили владельцам продовольственных магазинов, что им нужны не отходы, а оставшиеся продукты, вполне пригодные для употребления. СМИ быстро прониклись этой идеей и распространили её среди населения. В продовольственной помощи нуждались не только приюты для бездомных, но и другие социальные организации Германии, например, детские дома.

При прочтении статей, содержащих эвфемизированную лексическую единицу «Tafel», у жителей Германии возникает положительная ассоциация. И хотя обозначение «Tafel» появилось ранее анализируемого нами периода, в последние годы частота использования данной лексемы заметно возросла. Этот факт подтверждается данными газетного корпуса немецкоязычного электронного онлайн-словаря DWDS (рис. 1). При помощи специального сервиса «DWDS-Verlaufskurve» можно выстроить кривую частотности употребления любой лексемы, содержащейся в словаре. Лексема «Tafel» многозначна, а функционал программы не позволяет выделить определённое значение. В связи с этим необходимо конкретизировать, что речь идёт именно о благотворительной организации, которую можно также обозначить как «Lebensmitteltafel» (благотворительная организация по раздаче продуктов питания). Из данных, полученных на основе газетного корпуса онлайн-словаря DWDS, виден довольно резкий «скачок» употребления лексемы «Lebensmitteltafel» в немецкой публицистике, начиная с 2014 года [22].

Рис. 1. Частотность употребления лексемы «Lebensmitteltafel»

Примеры употребления эвфемизированной лексической единицы «Tafel» встречаются как в публицистике Германии (5), так и в газетных статьях Швейцарии (6) и Австрии (7).

(5) Die Zahl der Bedürftigen, die sich Lebensmittel *bei der Tafel* holen, war noch nie so hoch wie zurzeit [23]. – Количество нуждающихся людей, получающих продукты питания в *благотворительной организации*, никогда не было таким высоким, как сейчас.

(6) Die Inflation ist mit rund 11 Prozent so hoch wie seit 40 Jahren nicht, die hohen Preise für Lebensmittel und Energie stürzen Millionen Menschen in Armut, **die Tafeln** kommen der rekordverdächtigen Nachfrage nicht mehr hinterher [19]. – Инфляция составляет около 11 процентов, чего не было за последние 40 лет, высокие цены на продукты питания и энергоносители ввергают миллионы людей в нищету, а **благотворительные организации** не могут удовлетворить рекордный спрос.

(7) Inflation und Armut haben die Nachfrage nach der kostenlosen Lebensmittelhilfe **der Tafel Österreich** drastisch erhöht – um 40 Prozent im Vorjahr, Tendenz steigend [28]. – Инфляция и бедность резко увеличили спрос на бесплатную продовольственную помощь **благотворительной организации в Австрии** – на 40 процентов по сравнению с предыдущим годом, и этот показатель имеет тенденцию к росту.

Как считают И.А. Солодилова и Т.Ю. Соколова, эвфемизмы могут обладать социокультурной детерминированностью, то есть при выборе того или иного выражения с целью маскировки нежелательного обозначения понятия говорящий ориентируется на нормы и устои, принятые в обществе [16, с. 76]. Разница в доходах немецкого населения сказывается также и на негативном восприятии богатства у читателей экономических новостей. Авторы публицистических текстов стараются не акцентировать внимание на данном явлении, избегая прямой номинации богатства, вследствие чего появляются следующие эвфемизированные лексемы и выражения:

(8) Aber zum einen verlangt von **Gutverdienern** auch niemand, dass sie bei Mehrverdienst erst mal Subventionen zurückzahlen oder auf Abschreibungen verzichten müssten [24]. – Но, с одной стороны, никто не ожидает, что **хорошо зарабатывающим людям** придётся возвращать субсидии или отказываться от амортизации, если они зарабатывают больше.

(9) Das nötige Geld lässt sich teilweise bei den **Topverdienern** holen, die das schultern können [29]. – Часть необходимых средств может быть собрана с **высокодоходных компаний**, которые могут взять на себя это бремя.

Оба примера этой группы (8), (9) образованы от глагола «verdienen» – зарабатывать. С помощью данной эвфемистической замены достигается положительная реакция на явление богатства, ведь человек, обозначаемый словом «Verdiener», приложил много усилий и заработал деньги своим трудом. Улучшение характера денотата происходит также за счёт таких лексических единиц, как «gut» (хорошо) и «top» (что-л. высочайшего качества, выдающееся). Антонимичным значением обладает лексическая единица «Geringverdiener» (недостаточно зарабатывающие), также образованная от глагола «verdienen» из примера ниже (10).

(10) Aus den Zahlen des Statistischen Bundesamts geht hervor, dass die höheren Einkommen nicht nur aufgrund ihres höheren Steuertarifs von der Entfernungspauschale profitieren – sondern dass sie auf das ganze Jahr gesehen auch mehr Kilometer geltend machen als **Geringverdiener** [24]. – Данные Федерального статистического управления показывают, что граждане с более высокими доходами не только пользуются льготой на проезд за счёт более высокой налоговой ставки, но и в целом за год проезжают больше километров, чем **малозарабатывающие**.

В немецких публицистических текстах обозначение резкого и стремительного роста цен в условиях кризисной ситуации подвергается перефразированию со стороны журналистов. Интерес для данного исследования представляют сложные слова, состоящие из двух основ, одной из которых является компонент «Preis» (цена). В разных немецких источниках были найдены такие варианты, как «Preisschock» (ценовой шок), «Preissprünge» (скачки цен), «Preisspitzen» (ценовые вершины, пики).

(11) Wir sprachen vorige Woche an dieser Stelle darüber: Aus einer Typ-1-Inflation, die von einem isolierten **Preisschock** ausgeht, wird zusehends eine Typ-2-Inflation, die sich verselbständigt, weil Bürger und Unternehmen ständig steigende Preise in ihre Kalkulationen einbeziehen [23]. – Об этом мы говорили здесь на прошлой неделе: Инфляция первого типа, вызванная единичным **ценовым шоком**, всё больше превращается в инфляцию второго типа, которая обретает самостоятельную жизнь по мере того, как граждане и компании учитывают в своих расчетах постоянно растущие цены.

(12) Gegen **Preissprünge** nach einem Ölembargo gegen Russland fordert die Linke im Bundestag einen «Schutzschirm» speziell für Ostdeutschland [29]. – Левая партия в Бундестаге призывает создать «защитный щит» специально для Восточной Германии, чтобы противостоять **скачком цен** после введения нефтяного эмбарго против России.

(13) «Glücklicherweise haben sich die kriegsbedingten **Preisspitzen** an den Gasmärkten inzwischen gelegt», sagte Regierungssprecher Wolfgang Büchner [25]. – «К счастью, **ценовые пики** на газовых рынках, вызванные войной, сейчас спали», – заявил официальный представитель правительства Вольфганг Бюхнер.

Во всех примерах выше не говорится напрямую о росте цен. Вместо этого авторы публицистических текстов используют метафоры, выполняющие функцию эвфемизмов, высокие цены сравниваются с шоком, скачком или вершиной.

Государство не может равнодушно наблюдать за ростом цен и поэтому применение методов контроля со стороны представителей властей Германии также обсуждается в прессе и скрывается за формулировками с использованием эвфемизмов. Например, мероприятия, реализуемые государством в рамках ценовой или налоговой политики, обозначаются лексическими единицами «entlasten» (освободить) или «Entlastung» (освобождение), имеющими эвфемизированный оттенок.

(14) Bundesfinanzminister Christian Lindner hat seine Pläne für **Steuerentlastungen** vom nächsten Jahr an gegen Kritik verteidigt [23]. – Федеральный министр финансов Кристиан Линднер защитил от критики свои планы по «**освобождению от налогов**» со следующего года.

(15) Es sollte Bedingung sein, dass bei **Preisentlastungen** «nicht noch eine Einladung damit verbunden ist, noch mehr Energie zu verbrauchen», sagte Habeck während einer Reise in Doha (Katar) [25]. – При этом должно быть условие, чтобы «**ценовое освобождение**» «не было связано с предложением потреблять ещё больше энергии», заявил Хабек во время поездки в Доху (Катар).

(16) Die Hilfe soll Haushalte, die mit «nicht leitungsgebundenen Energien» wie beispielsweise Öl, Holzpellets, Flüssiggas oder Kohle heizen, von der besonders starken Preissteigerung im Jahr 2022 **entlasten** [29]. – Эта помощь призвана **освободить** домохозяйства, отапливающиеся «несетевыми видами энергии», такими как нефть, древесные гранулы, сжиженный газ или уголь, от особенно резкого повышения цен в 2022 году.

Как показывают примеры выше (15), (16), эвфемизированные лексемы способны менять представление о том или ином явлении. Так, в восприятии читателя представители немецких властей выступают в роли освободителей, призванных «снять бремя» с граждан в непростые кризисные времена.

Следует также выделить, что, кроме окказиональных выражений, в текстах прессы из экономических разделов встречаются и узуальные эвфемизмы. К таковым относятся эвфемизированные лексемы «Preiskorrektur» (корректировка цен) и «Preisanpassung» (регулирование, корректировка цен), зафиксированные в немецком онлайн-словаре DWDS с пометой «verhüllend» (эвфемизм).

(17) Kunkel rechnet damit, dass **die Preiskorrektur** bei Wohnimmobilien vorerst anhält [26]. – Кункель ожидает, что **коррекция цен** на жилую недвижимость пока будет продолжаться.

(18) Haben Stadtwerke und Gasversorger **eine Preisanpassung** für den 1. Oktober angekündigt, die eigentlich ab 31. Oktober gelten darf? Nicht wirklich [26]. – Объявили ли коммунальные службы и поставщики газа о **корректировке цен** на 1 октября, которая фактически должна применяться с 31 октября? Не совсем.

По аналогии с эвфемистически окрашенной лексемой «Preisanpassung» в текстах немецкой публицистики встречается также номинация «Gehaltsanpassung», как в примерах (19), (20), которая, однако, не зафиксирована в словаре в качестве эвфемизма:

(19) Bis vor wenigen Jahren sprachen wir **bei einer Gehaltsanpassung** in Höhe von etwa drei Prozent noch von einem Inflationsausgleich, also der Erhaltung der Kaufkraft [26]. – Ещё несколько лет назад, когда мы говорили о **корректировке заработной платы** в размере около трёх процентов, речь шла о компенсации инфляции, то есть о сохранении покупательной способности.

(20) Der Staatssekretär im Bundesinnenministerium, Fritz Rudolf Körper, sagte am Mittwoch, der Tarifvertrag für die Beamten solle nicht nur **die lineare Gehaltsanpassung** übernehmen, sondern auch die Ausgleichleistungen [21]. – Государственный секретарь Федерального министерства внутренних дел Фриц Рудольф Керпер заявил в среду, что в коллективный договор для государственных служащих следует внести не только **линейную корректировку окладов**, но и уравнивательные льготы.

Недовольство граждан низкими зарплатами и несоответствующими условиями труда выражается в протестах. Забастовки устраивают работники транспортной отрасли, представители образовательных организаций, деятели искусства. Все они пытаются доказать ценность своего труда и добиться справедливой заработной платы. Значительное количество протестов, вследствие которых предприятия временно останавливают свою работу, приводит к общественным беспорядкам и негативно воспринимается населением. Эвфемизированные выражения в заголовках и статьях из экономических разделов немецких изданий препятствуют распространению паники среди населения Германии, сглаживая обозначение нежелательного явления.

(21) Montag von null Uhr an ist deshalb **24 Stunden Pause** im Fern- und auch Regionalverkehr der Bahn, hier zumindest in den Bundesländern Baden-Württemberg, Hessen, Niedersachsen, Nordrhein-Westfalen, Rheinland-Pfalz, Sachsen und in weiten Teilen Bayerns [24]. – Таким образом, с полуночи понедельника на железнодорожном транспорте дальнего и регионального сообщения будет объявлен **24-часовой перерыв**, по крайней мере, в федеральных землях Баден-Вюртемберг, Гессен, Нижняя Саксония, Северный Рейн-Вестфалия, Рейнланд-Пфальц, Саксония и значительной части Баварии.

В примере (21) лексема «Pause» скрывает прямое обозначение забастовки немецких машинистов и указывает на то, что забастовка – это лишь временное явление, которое скоро закончится.

В статьях по экономической проблематике также используется эвфемизм «Spaziergang» (прогулка), который, хотя и употребляется для «вуалирования» прямой номинации забастовки, имеет нейтральную или же положительную коннотацию и при прочтении не вызывает негативных эмоций. Данная лексема обозначена в словаре DWDS пометой «verhüllend» [22]. Примеры ниже иллюстрируют использование лексической единицы «Spaziergang» во время пандемии, когда граждане Германии выходили на забастовки против ограничительных мер (22). В одном из примеров (23) автор статьи также прибегает к использованию приёма закавычивания, чтобы придать двусмысленность лексической единице «Spaziergang».

(22) **Spaziergang** in Köpenick: „Das war für mich die rote Linie“ [21]. – **Прогулка** в Кёпенике: «Это был предел для меня».

(23) Beinahe täglich gibt es irgendwo in Deutschland einen sogenannten «**Spaziergang**» gegen die geltenden Corona-Maßnahmen [21]. – Почти каждый день где-нибудь в Германии проходит так называемая «**прогулка**» против нынешних ковидных мер.

Вынужденная экономия заставляет граждан Германии сокращать расходы не только на продукты питания и первой необходимости, но и на электроэнергию. Особенно заметна эта проблема в холодное время года, когда малообеспеченным людям приходится полностью отказаться от отопления, ведь цены на его оплату слишком высоки. Например, в одной из статей журнала Focus автор сравнивает тепло с роскошью (24). В этом случае эвфемизированное высказывание не противоречит действительности и не искажает её, а лишь маскирует неприятное обозначение ситуации (дорогостоящее отопление).

(24) Wärme im Haus darf aber kein **Luxus** sein [26]. – Однако тепло в доме не должно быть **роскошью**.

В условиях энергетического кризиса в текстах немецкой публицистики активно употребляются две лексические единицы «Deckel» и «Bremse», имеющие схожее значение ограничения роста цен, например, на электроэнергию, аренду или продовольственные товары. Примечательно то, что первоначальное значение обеих лексем никак не связано с экономической сферой. Лексической единицей «Deckel» обозначается крышка какого-либо сосуда, а лексема «Bremse» имеет в толковом словаре следующую дефиницию: «устройство для замедления или остановки дви-

жения вала, оси, колеса», иными словами «тормоз». В контексте экономической сферы лексема «bremsen» употребляется в значении «ограничивать». В DWDS такое значение иллюстрирует следующий пример «Einfuhr einer Ware bremsen» (ограничить импорт товара). Таким же значением обладает глагол «deckeln», хотя и имеет в онлайн-словаре помету «разг.». В современной немецкой прессе они выступают в роли эвфемизмов, являются метафорами и выполняют вуалирующую функцию [8].

(25) Höhere Zinsen verteuern Kredite, was die Nachfrage **bremsen** und hohen Teuerungsraten entgegenwirken kann [29]. – Повышение процентных ставок увеличивает стоимость кредитов, что может «**тормозить**» спрос и противодействовать высоким темпам инфляции.

(26) Allerdings sind Einlagen in der EU nur bis zu 100.000 Euro gesichert, weshalb die meisten Banken verzinsten Einlagen auf diese Summe **deckeln** [26]. – Однако в ЕС депозиты обеспечиваются только до 100 000 евро, поэтому большинство банков **ограничивают** процентные вклады этой суммой.

(27) «Wir brauchen keine **Bremser**, wir brauchen Ermöglicher in den Ministerien, denn unsere Arbeitsplätze hängen daran», sagte die Chefin der größten Einzelgewerkschaft [29]. – «Нам не нужны **тормоза**, нам нужны помощники в министерствах, потому что от этого зависит наша работа», – заявил глава крупнейшего единого профсоюза.

(28) Angesichts dessen muss die Ampel neu verhandeln, und dafür gilt: Mieter:innen brauchen dringend eine Verschnaufpause durch einen zeitlich begrenzten **Mietendeckel** [24]. – В связи с этим коалиция Светофор должна вновь провести переговоры, причём следующим образом: арендаторам срочно нужна передышка в виде временной **арендной крышки**.

После проведённого анализа статей из экономических разделов газет и журналов можно отметить словообразовательную продуктивность элементов «brems-» и «deckel-», ведь они встречаются в различных модификациях, как в вышеуказанных примерах: в виде глаголов (25), (26), существительных (27) и сложных слов (28).

4. Заключение (Conclusion)

Проведённый анализ позволил выявить эвфемизированные лексемы и выражения в статьях из экономических разделов немецких онлайн-изданий, «маскирующие» обозначения неприятных или негативных экономических явлений в условиях энергетического кризиса 2021-2023 гг.

В результате данного исследования было установлено, что эвфемизации подвергаются обозначения таких экономических проблем, как бедность и богатство, массовые протесты, рост цен на продовольственные товары и электроэнергию, методы их ограничения, последствия энергетического кризиса. В анализируемом материале были обнаружены как узуальные, так и окказиональные эвфемизмы, хотя лексемы и выражения второй группы заметно преобладают в немецкой публицистике. В группе узуальных эвфемизмов были выделены номинации, которые маскируют обозначение явлений корректировки цен (*Preis Anpassung, Preiskorrektur*) и забастовок (*Spaziergang*). В то время как окказиональные эвфемизированные слова и выражения, вошедшие в употребление в период кризисной ситуации, использовались журналистами при описании всех рассмотренных выше экономических трудностей (*einkommensschwache Menschen, Gutverdiener, Steuerentlastungen, 24 Stunden Pause, Mietendeckel* и др.).

Наличие большого количества эвфемизированных лексем и выражений в публицистическом тексте на экономическую тематику обусловлено тем, что экономические трудности способствуют излишнему волнению граждан и могут стать причиной паники среди населения. Поэтому они не всегда обсуждаются открыто, журналисты пытаются «сгладить» сложившееся затруднительное положение в Германии, например, избежать излишнего упоминания богатства (*Topverdiener*).

Практическая ценность проведённого исследования заключается в том, что полученные в результате анализа данные могут быть предложены для обсуждения на практических занятиях по лексикологии или стилистике немецкого языка.

В качестве перспективы для дальнейшего исследования мы видим расширение тематического блока эвфемизмов в экономическом дискурсе, возможное сравнение наличия узуальных и окказиональных эвфемизмов в публицистике других немецкоговорящих стран (Австрии, Швейцарии).

© Райкова Ю.А., 2024

Список литературы

1. Арапова Н.С. Эвфемизмы / Н.С. Арапова // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997. 636 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 3-е изд., стер. М.: КомКнига, 2005. 521 с.
3. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. М.: Просвещение, 1965. 492 с.
4. Ванюшина Н. А. Использование иностранных слов в качестве эвфемизмов / Н. А. Ванюшина // Язык, коммуникация и социальная среда. 2009. № 7. С. 55-60. — ISBN 978-5-904686-03-1.
5. Кацев А.М. Языковые табу и эвфемия : учебное пособие к спецкурсу. Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. 80 с.
6. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. М.: Гнозис. 2007. 320 с.
7. Ковшова М.Л. Эвфемизмы и фразеологизмы: устойчивые структуры в аспекте эвфемизации // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2019. №4.
8. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русистика. 1994. № 1, 2. С. 28–49.
9. Минюань С. Эвфемизация в современном русском юмористическом дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / С. Минюань – Московский педагогический государственный университет, Москва. 2019. 189 с.
10. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. М.: ЛЕНАНД, 2007. 264 с.
11. Никитина И. Н. Эвфемия в зарубежной и отечественной лингвистике : история вопроса и перспектива исследования / И. Н. Никитина // Вестник волжского университета им. В. Н. Татищева. 2009. № 1. С. 49–64.
12. Орлова Е.А. Эвфемизмы и дисфемизмы в политических текстах британских СМИ // Сб. мат. IV Международной научной конференции. 2018. С. 133–136.
13. Прудывус А.Н. Эвфемизмы в современном немецком языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / А. Н. Прудывус. Санкт Петербург, 2006. 17 с.
14. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 461 с.
15. Сидельникова, Е. А. Коммуникативно-прагматическая и переводческая специфика эвфемизации и дисфемизации в газетно-публицистическом экономическом дискурсе : монография / С. В. Серебрякова; Е. А. Сидельникова. Ставрополь : изд-во СКФУ, 2017. 176 с.
16. Солодилова И. А. Критерии идентификации эвфемизмов / И. А. Солодилова, Т. Ю. Соколова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 11(211). С. 73-78. – EDN YLQICE.
17. Чепорухина М. Г. Эвфемизмы и дисфемизмы в новостной интернет-статье и комментариях к ней // Политическая лингвистика. 2021. №1 (85). С. 95–102.
18. Шубина Э. Л. Хедж-эвфемизмы как инструменты экономического дискурса / Э. Л. Шубина, А. В. Седова // Научный диалог. 2021. № 11. С. 183–200. DOI: 10.24224/2227- 1295-2021-11-183-200.
19. Basler Zeitung [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bazonline.ch/> (Дата обращения 5.11.23)
20. Berliner Tafel E.V. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.berliner-tafel.de/> (Дата обращения 5.11.23)
21. Berliner Zeitung [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.berliner-zeitung.de/> (Дата обращения 30.10.23).
22. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS). URL: <https://www.dwds.de/wb/Euphemismus>
23. Der Spiegel [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.spiegel.de/> (Дата обращения 15.11.23).
24. Die Tageszeitung [Электронный ресурс]. – URL: <https://taz.de/> (Дата обращения 26.10.23).
25. Die Zeit [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.zeit.de/> (Accessed 26.10.23).
26. Focus [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.focus.de/> (Дата обращения 27.10.23).
27. Horak, A. Le Langage fleuri: histoire et analyse linguistique de l'euphémisme / A. Horak. Frankfurt a.M : Peter Lang, 2017. 255 p.
28. Kleine Zeitung [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kleinezeitung.at/> (Дата обращения 7.11.23)
29. Süddeutsche Zeitung [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sueddeutsche.de/> (Дата обращения 9.11.23).
30. Zöllner, N. Der Euphemismus im alltäglichen und politischen Sprachgebrauch des Englischen / N. Zöllner. Frankfurt am Main. : Peter Lang, 1997. S. 444.

References

1. Arapova, N.S. Evfemizmy [Euphemisms]/ N.S. Arapova // *Russkij iazyk: Entsiklopediia* [Russian language: Encyclopedia]/ Gl. red. Ju.N. Karaulov. M, 1997. 636 p.
2. Ahmanova, O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. [Dictionary of linguistic terms] 3-e izd., ster. M.: KomKniga, 2005. 521 p.
3. Budagov, P.A. *Vvedenie v nauku o iazyke* [Introduction to the science of language]. M.: Prosveshhenie, 1965. 492 p.
4. Vanyushina, N.A. *Ispolzovanie inostrannykh slov v kachestve evfemizmov* / N. A. Vanyushina // *Iazyk, kommunikatsiia i social'naiia sreda*. 2009. № 7. S. 55-60. ISBN 978-5-904686-03-1.
5. Katsev, A.M. *Iazykovye tabu i evfemiia* [Language taboo and euphemia] : uchebnoe posobie k spetskursu. L. : Izd-vo LGU, 1988. 80 p.
6. Kovshova, M. *Semantika i pragmatika evfemizmov* [Semantics and pragmatics of euphemisms]. M.: Gnozis. 2007. 320 p.

7. Kovshova, M.L. Evfemizmy i frazeologizmy: ustoichivye struktury v aspekte evfemizatsii // *Vestnik MGOU. Seriya: Russkaia filologiya*. 2019. №4.
8. Krysin, L.P. Evfemizmy v sovremennoy russkoy rechi [Euphemisms in modern Russian speech] / L. P. Krysin // *Rusistika*. 1994. № 1, 2. P. 28–49.
9. Minyuan, S. *Evfemizatsiia v sovremennom russkom iumoristicheskom diskurse*: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 – russkij yazyk / S. Minyuan, Moskovskiy pedagogicheskiy gosudarstvenny universitet, Moskva. 2019. 189 s.
10. Moskvina, V.P. *Evfemizmy v leksicheskoi sisteme sovremennogo russkogo iazyka* [Euphemisms in the lexical system of the modern Russian language]. Izd. 2-e. M.: LENAND, 2007. 264 p.
11. Nikitina, I.N. Evfemiia v zarubezhnoy i otechestvennoy lingvistike : istoriya voprosa i perspektiva issledovaniia / I. N. Nikitina // *Vestnik volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*. 2009. № 1. S. 49–64.
12. Orlova, E.A. Evfemizmy i disfemizmy v politicheskikh tekstakh britanskikh SMI // *Sb. mat. IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. 2018. S. 133–136.
13. Prudyvus, A.N. *Evfemizmy v sovremennom nemetskom iazyke* : avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk : 10.02.04 / A. N. Prudyvus. Sankt Peterburg, 2006. 17 s.
14. Senichkina, E.P. *Slovar evfemizmov russkogo iazyka* [Dictionary of euphemisms of the Russian language]. M.: Flint: Science, 2008. 464 p.
15. Sidel'nikova, E. A. *Kommunikativno-pragmaticheskaia i perevodcheskaia spetsifika evfemizatsii i disfemizatsii v gazetno-publitsicheskoy ekonomicheskoy diskurse* [Communicative-pragmatic and translation specificity of euphemization and disphemization in newspaper and journalistic economic discourse] : monografiia / S.V. Serebriakova; E.A. Sidel'nikova. Stavropol' : izd-vo SKFU, 2017. 176 s.
16. Solodilova, I.A. Kriterii identifikatsii evfemizmov / I.A. Solodilova, T. YU. Sokolova // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. № 11(211). S. 73-78. – EDN YLQICE.
17. Cheporuhina, M.G. Evfemizmy i disfemizmy v novostnoi internet-stat'e i kommentariiakh k nei // *Politicheskaya lingvistika*. 2021. №1 (85). S. 95–102.
18. Shubina, E.L. Hedzh-evfemizmy kak instrumenty ekonomicheskogo diskursa / E.L. Shubina, A.V. Sedova // *Nauchny dialog*. 2021. № 11. S. 183–200. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-183-200.
19. Basler Zeitung <https://www.bazonline.ch/> (дата обращения 5.11.23)
20. Berliner Tafel E.V., <https://www.berliner-tafel.de/> (Accessed 5 November 2023)
21. Berliner Zeitung, <https://www.berliner-zeitung.de/> (Accessed 30 October 2023).
22. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS), <https://www.dwds.de/wb/Euphemismus>
23. Der Spiegel, <https://www.spiegel.de/> (Accessed 15 November 2023).
24. Die Tageszeitung, <https://taz.de/> (Accessed 26 October 2023).
25. Die Zeit, <https://www.zeit.de/> (Accessed 26 October 2023).
26. Focus, <https://www.focus.de/> (Accessed 27 October 2023).
27. Horak, A. *Le Langage fleuri: histoire et analyse linguistique de l'euphémisme* / A. Horak. Frankfurt am Main : Peter Lang, 2017. 255 p.
28. Kleine Zeitung, <https://www.kleinezeitung.at/> (Accessed 7 November 2023).
29. Süddeutsche Zeitung, <https://www.sueddeutsche.de/> (Accessed 9 November 2023).
30. Zöllner, N. Der Euphemismus im alltäglichen und politischen Sprachgebrauch des Englischen / N. Zöllner. Frankfurt am Main. : Peter Lang, 1997. S. 444.

Сведения об авторе:

Райкова Юлия Александровна – аспирант и преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО МИД России. Сфера научных и профессиональных интересов: лексикология, публицистический текст, экономический дискурс. E-mail: jrajkova@mail.ru ORCID ID: 0000-0003-3241-3531

About the author:

Julia Raikova is Postgraduate Student and Teacher of the Department of the German Language, MGIMO. Spheres of research and professional interests: lexicology, journalistic text, economic discourse. E-mail: jrajkova@mail.ru ORCID ID: 0000-0003-3241-3531

* * *

ON THE IMPACT OF EXTRALINGUISTIC AND INTRALINGUISTIC FACTORS ON THE VOCABULARY ENRICHMENT OF THE FRENCH LANGUAGE DURING THE PANDEMIC

Maria V. Tarasova

MGIMO UNIVERSITY
76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of neologisms that emerged in the French language from 2020 to 2023, as well as of the role of factors that caused the enrichment of the commonly used French language during the Covid-19 pandemic.

The purpose of the study is to establish which lexical units of the Covid-19 pandemic period were included in the dictionaries of *Le Robert* and *Larousse*; to find out at the expense of which vocabulary, from the point of view of the sphere of use, the enrichment of the commonly used French language occurred; to identify the types of neologisms characteristic of this period, as well as to establish the most productive ways of their formation; to identify the relationship between the types of neologisms and the factors that caused their appearance.

In the course of the work, an interdisciplinary approach was used, which allowed us to take into account the relationship between two scientific disciplines: linguistics and personality psychology and included methods of observation, description, interpretation, classification, as well as lexicological and semantic analysis.

The analysis of the results showed that the commonly used French language has been enriched primarily by professional vocabulary, medical terms in the first place, then by technical terms, and military terms; as well as by social vocabulary related to the life support services of *homo socialis* and its behavior in new realities.

As for the types of neologisms that appeared during the pandemic, lexical and semantic neologisms predominate among them, while the number of loan neologisms is extremely small. The most productive ways of forming lexical neologisms during this period were prefixation and contamination.

Intralinguistic and extralinguistic factors had a significant impact on the neologization of the French language. The latter include not only objective, but also subjective factors, to which we refer the emotional states of an individual. The emotions of the pandemic, as a response to economic, cultural and psychological shocks, have contributed to the process of updating the lexical composition of the French language. Thus, due to the interaction of negative emotions of fear, anger and disappointment with intellectual emotions of humor and irony, a large number of lexical neologisms, including game derivatives, appeared, while the combination of negative emotions of fear and positive emotions of interest contributed to the transition of professionalism into the category of commonly used vocabulary, replenishing the language with semantic neologisms.

The emotions of the pandemic, realizing their three functions: evaluative, motivational and protective, served as a kind of impulse to enrich the vocabulary of the French language.

The lexicological analysis was based on the materials from the *Le Robert* and *Larousse* electronic dictionaries and from the websites of such media outlets as *Le Monde*, *Le Figaro*, *La Croix*, *Ouest-France*, *Le Journal du Dimanche*, *Rue 89*, *Slate*, *Franceinfo*.

Keywords: pandemic vocabulary, covidism, lexical neologism, semantic neologism, borrowed neologism, contamination, game derivation, portmanteau, extralinguistic and intralinguistic factors, emotions.

For citation: Tarasova M.V. (2024). On the impact of extralinguistic and intralinguistic factors on the vocabulary enrichment of the French language during the pandemic. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(1), pp. 98–112. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-1-38-98-112>

Исследовательская статья

О ВЛИЯНИИ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ИНТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА НЕОЛОГИЗАЦИЮ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

М.В. Тарасова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Статья посвящена исследованию неологизмов, которые появились во французском языке с 2020 по 2023 гг., а также роли факторов, которые обусловили обогащение общеупотребительного французского языка в период пандемии Covid-19.

Цель исследования состоит в том, чтобы установить, какие лексические единицы периода пандемии Covid-19 вошли в словари *Le Robert* и *Larousse*; выяснить за счёт какой лексики с точки зрения сферы употребления произошло обогащение общеупотребительного французского языка; определить виды неологизмов, характерные для этого периода, а также установить наиболее продуктивные способы их образования; выявить зависимость между видами неологизмов и факторами, вызвавшими их появление.

В процессе работы использовался междисциплинарный подход, который позволил принять во внимание связь между двумя научными дисциплинами: лингвистикой и психологией личности и включил в себя методы наблюдения, описания, интерпретации, классификации, а также лексикологического и семантического анализа.

Анализ полученных результатов показал, что общеупотребительный французский язык обогатился прежде всего за счёт профессиональной лексики, в первую очередь медицинских терминов, за которыми следуют технические термины, затем военные термины; а также за счёт социальной лексики, относящейся к службам обеспечения жизни *homo socialis* и к его поведению в новых реалиях. Что касается видов неологизмов, появившихся в период пандемии, то среди них преобладают лексические и семантические неологизмы, в то время как количество неологизмов-заимствований крайне незначительно. Самыми продуктивными способами образования лексических неологизмов в этот период стали префиксация и контаминация.

Существенное влияние на неологизацию французского языка оказали интралингвистические и экстралингвистические факторы. Последние включают в себя не только объективные, но и субъективные факторы, к которым относятся эмоциональные состояния индивида. Эмоции пандемии как ответ на экономические, культурные и психологические потрясения внесли свою лепту в процесс обновления лексического состава французского языка. Так, благодаря взаимодействию отрицательных эмоций страха, гнева и разочарования с интеллектуальными эмоциями юмора и иронии появилось большое количество лексических неологизмов, в том числе игровых дериватов, в то время как сочетание отрицательной эмоции страха и положительной эмоции интереса способствовало переходу профессионализмов в разряд общеупотребительной лексики, пополнив язык семантическими неологизмами.

Эмоции пандемии, реализуя три свои функции: оценочную, побудительную и защитную, послужили своеобразным импульсом для обогащения словарного запаса французского языка. Лексикологический анализ проведён на основе материалов электронных словарей *Le Robert* (2023) и *Larousse* (2023), а также медиа-текстов французских СМИ: *Le Monde*, *Le Figaro*, *La Croix*, *Ouest-France*, *Le Journal du Dimanche*, *Rue 89*, *Slate*, *Franceinfo*.

Ключевые слова: лексика пандемии, ковидиом, лексический неологизм, семантический неологизм, неологизм-заимствование, контаминация, игровая деривация, слова-чемоданы, экстралингвистические и интралингвистические факторы, эмоции.

Для цитирования: Тарасова М.В. (2024). О влиянии экстралингвистических и интралингвистических факторов на неологизацию французского языка в период пандемии. *Филологические науки в МГИМО*. 10(1), С. 98–112. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-1-38-98-112>

1. Введение

Язык, как хамелеон, постоянно меняется, приспосабливаясь к новым историческим условиям, к разным жизненным обстоятельствам, но, меняя свои «краски», он остаётся главным инструментом коммуникации. Так, в социальную жизнь Франции XXI-го века, пандемия Covid-19 внесла изменения, которые существенно повлияли на лексический состав французского языка.

Наша статья посвящена, во-первых, изучению неологизмов, которые появились во французском языке с 2020 по 2023 годы и нашли своё отражение в газетно-публицистическом дискурсе и двух словарях: *Le Robert* и *Larousse*, и, во-вторых, установлению факторов, которые обусловили обогащение общеупотребительного французского языка в период пандемии.

Актуальность данного исследования состоит в необходимости получения новых данных о способах образования неологизмов в период пандемии Covid-19 и конкретизации роли экстралингвистических и интралингвистических факторов, вызвавших интенсивный процесс неологизации французского языка с 2020 по 2023 годы.

Новизна исследования заключается в постановке и освещении вопроса о влиянии субъективного экстралингвистического фактора – эмоциональных состояний индивида – на появление неологизмов, что не становилось ранее объектом исследования в лингвистике.

В статье поставлены следующие задачи:

1. Установить, какое отражение получила лексика пандемии Covid-19 в двух фундаментальных словарях французского языка;
2. Выяснить за счёт какой лексики с точки зрения сферы употребления произошло обогащение общеупотребительного французского языка;
3. Определить виды неологизмов и наиболее продуктивные способы их образования в период пандемии;
4. Выявить зависимость между видами неологизмов и факторами, вызвавшими их появление.

Решение поставленных задач стало возможным благодаря теоретической базе, представленной научными трудами Н. Д. Арутюновой (1987), В. Г. Гака (1978), О. В. Дедовой и П. В. Григорьевой (2018), Н. С. Зинченко (2016), К. Изарда (2008), Э. И. Киршбаума (2005), Н. З. Котеловой (1975), М. В. Москалевой (2008), Ю. Н. Несветайло (2010), С. Л. Рубинштейна (2020), Б. Серкилиньи (2021), практическому материалу из электронных словарей *Le Robert* (2023) и *Larousse* (2023), а также медиа-текстов французских СМИ: *Le Monde*, *Le Figaro*, *La Croix*, *Ouest-France*, *Le Journal du Dimanche*, *Rue 89*, *Slate*, *Franceinfo*.

В процессе работы использовался междисциплинарный подход, который позволил принять во внимание связь между двумя научными дисциплинами: лингвистикой и психологией личности и включил в себя методы наблюдения, описания, интерпретации, классификации, а также лексикологического и семантического анализа.

Практическая значимость статьи состоит в возможности применения полученных результатов в курсе по лексикологии и на практических занятиях по французскому языку.

2. Лексика пандемии и её отражение в словарях французского языка

Как утверждает Бернар Серкилиньи, научный консультант словаря *Le Petit Larousse*, никогда ранее ему не приходилось быть свидетелем столь глобальных лингвистических изменений, как в период пандемии. Учёный сравнил их по масштабу с Великой Французской революцией и дал им определение «коллективного присвоения языка».¹

В самом деле, во время пандемии лексикон широких масс пополнился ранее неизвестными им словами из разных сфер общественной жизни. Активно используя в своей речи, например, медицинские или технические термины, французы как бы присвоили себе эту специальную лексику, сделав её обиходной. В результате отличительными чертами языка этого периода стали его понятность и доступность каждому.

У лексики, появившейся с начала пандемии, то есть с марта 2020 года, много «лиц» и имён: «карантинная», лексика пандемии, лексика самоизоляции, ковидиом (*le lexique de la pandémie*, *le français du confinement*, *le covidrome*). Согласно определению словаря *Larousse*, идиом (*idiome*) – любой инструмент лингвистической коммуникации, используемый тем или иным языковым сообществом. Этот термин объединяет такие понятия, как: язык, диалект, говор. Соответственно, ковидиом (*covidrome*) – язык пандемии Covid-19. Показателем закрепления неологизмов в языке служит, как известно, их представление в словарях. Первым французским словарём, который зафиксировал термин *covid*, (английский акроним, образованный от *coronavirus disease*), был *Le Robert*. Несмотря на рекомендацию Французской академии считать *covid* существительным женского рода, *Le Robert* допускает оба рода: мужской и женский, хотя признаёт более высокую частотность употребления первого. Кроме того, этот словарь рекомендует писать слово *covid* со строчной буквы, в то время как *Larousse* считает правильным употреблять слово *covid* в женском роде и писать с заглавной буквы. Между тем, и французские врачи, и сами жители Франции употребляют его, как правило, в мужском роде. На презентации словаря 2022 года представитель издательства *Le Robert* подчеркнул: «C'est l'usage qui fait loi. Ne dites plus «la Covid» mais «le Covid»». (Всё определяет узус. Не говорите «la Covid», а говорите «le Covid».)²

Примечательно, что в период пандемии два конкурирующих между собой словаря по-разному реагировали на появление новых слов. Лексикографы *Larousse* не торопились вводить в свой словарь новые лексические единицы, поскольку не были уверены, что они укоренятся в языке. Поэтому неологизмы появлялись в нём на год позже, чем в *Le Robert*.

¹ francetvinfo.fr [электронный ресурс], https://www.francetvinfo.fr/culture/petit-larousse-illustre-2022-170nouveaux-mots-un-bouleversement-pour-ce-professeur-qui-n-a-jamais-vu-un-tel-changement-linguistique_4610593.html (Дата обращения 22.06.2023)

² lejdd.fr [электронный ресурс], <https://www.lejdd.fr/Societe/quest-ce-que-le-petit-robert-4044419> (Дата обращения 23.06.2023)

Le Robert стал, таким образом, первым французским словарём, который зафиксировал следующие неологизмы: *déconfiner et déconfinement* (окончание карантина, самоизоляции), *gestes barrières* (защитные меры), *danciatiion physique ou sociale* (физическое или социальное дистанцирование), *le traçage numérique* (мониторинг соблюдения самоизоляции, контроль за передвижениями), *un variant* (штамм вируса), *patient zéro* (нулевой пациент). Если слова *confiner, confinement, confiné, écouvillon* (тупфер, палочка для взятия мазка) были представлены в словарях и ранее, то теперь их значения были дополнены и проиллюстрированы новыми примерами.³

В издании *Larousse 2022* года вместо ежегодных 150 новых слов зафиксировано 170. Среди них: *aéroporté* (болезнь, передающаяся воздушно-капельным путём), *asymptomatique* (бессимптомное течение болезни), *hydroalcoolique* (антисептик), *coronapiste* (временная дорожка для велосипедистов), *cluster* (очаг инфекции). В 2023 году в *Larousse* вошло обычное для него число новых слов – 150. Среди них: *Covid long, passe vaccinal, passe sanitaire, vaccinateur, vaccinatrice, vaccinodrome*.⁴

Таким образом, в общеупотребительную лексику французского языка периода пандемии вошли:

- медицинские термины;
- социальная лексика, относящаяся к службам обеспечения жизни *homo socialis* и к его поведению в новых реалиях;
- технические термины, связанные с дистанционной работой и учебой;
- военные термины.

Они представлены в таблице №1:

МЕДИЦИНСКИЕ ТЕРМИНЫ
Autotest – тест на ковид, который можно сделать самостоятельно
Antivax – противник вакцинации
Asymptomatique – бессимптомное течение болезни
Attestation numérique – бланк разрешения на выход из дома
Confinement – изоляция,
déconfinement – выход из самоизоляции,
reconfinement – повторная самоизоляция,
redéconfinement – повторный выход из самоизоляции
Confiné – находящийся на самоизоляции
Covidé – ковидный больной
Couverture vaccinale – количество привитых
Danciatiion physique ou sociale – физическое или социальное дистанцирование
Écouvillonner – брать мазок
Gestes barrières – карантинные меры
Hydroalcoolique – антисептик для рук
Jauge – разрешённое число посетителей
Maladie manuportée – болезнь, передающаяся через грязные руки
Passe vaccinal, passe sanitaire – сертификат о прививках
Patient zéro – нулевой пациент
Porteur sain – бессимптомный носитель вируса
Téléconsultation – дистанционная медицинская консультация
Test antigénique – тест на ковид
Traçage numérique – мониторинг соблюдения самоизоляции
Vaccinodrome – центр коллективной вакцинации
Vaccinophile – сторонник вакцинации
Vaccinophobe – противник вакцинации
Variant – штамм вируса

³ lerobert.com [электронный ресурс], <https://dictionnaire.lerobert.com/> (Дата обращения 20.03.2023)

⁴ larousse.fr [электронный ресурс], <https://www.larousse.fr/> (Дата обращения 20.03.2023)

СОЦИАЛЬНАЯ ЛЕКSIKA	
относящаяся к службам обеспечения жизни <i>homo socialis</i>	относящаяся к поведению <i>homo socialis</i>
Le cliqué-retiré – служба для заказов онлайн и быстрого получения в пункте выдачи Le coronapiste – временная дорожка для велосипедистов Le drive – самовывоз Non essentiel (commerces non essentiels) – второстепенный, не первой необходимости Le stop and go – стратегия остановки и возобновления карантинных мер в зависимости от количества случаев заражения	Alarmiste – паникёр Covidiot – пренебрегающий карантинными мерами Enfermiste – сторонник строгого соблюдения санитарных мер Le monde d'après – мир после ковида Rassureriste – человек, преуменьшающий опасность пандемии Skupéro – вечеринка в скайпе Zoomaréro – Zoom-вечеринка + слова-чемоданы из <i>Dicovid</i> (см.ниже)
ТЕХНИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ	
Distanciel – дистанционный формат EAO – enseignement assisté par ordinateur – автоматизированное обучение Illectronisme / illettrisme numérique – компьютерная неграмотность Présentiel – очный формат Téléconférence – телеконференция Technophile – любитель современных технологий Technophobe – испытывающий страх перед современными технологиями Téléfêter – праздновать дистанционно Télépause – перерыв Télésaluer – приветствовать дистанционно Télétravailleur – работающий дистанционно Visioconférence – видеоконференция Zoomer – работать, встречаться в зуме Zoombombing – вмешательство в Zoom-конференцию	
ВОЕННЫЕ ТЕРМИНЫ	
Aéroporté – передающийся воздушно-капельным путём; ранее: воздушно-десантный Complotiste – сторонник теории заговора Cordon sanitaire – санитарный патруль Couvre-feu sanitaire – санитарный комендантский час État d'urgence sanitaire – чрезвычайная ситуация в области здравоохранения Mobilisation générale – всеобщая мобилизация против распространения вируса Première ligne – передовая (линия) Réserviste sanitaire – врач-волонтёр	

Как следует из вышеприведённой таблицы, лексикон французов пополнился в первую очередь за счёт медицинских терминов, за которыми следует лексика социального характера, относящаяся к службам обеспечения *homo socialis* и к его поведению, затем – технические термины, а именно: «компьютерная» лексика, связанная с переходом на дистанционный формат работы и учёбы; и, наконец, последнее место занимают военные термины. Их крайне мало, что объясняется тем, что военная терминология была навязана сверху. Её источник – президент Французской республики Эммануэль Макрон, который был вынужден прибегнуть к метафорам военного времени, чтобы дисциплинировать людей, заставить их соблюдать режим самоизоляции: ««Nous sommes en guerre.» À six reprises, Emmanuel Macron a utilisé la même expression. Un ton martial, visant à sonner la «mobilisation générale» contre un «ennemi invisible, insaisissable»». (Фразу «Мы ведём войну.» Эммануэль Макрон повторил шесть раз, воинственным тоном, чтобы призвать французов объединиться против невидимого, неуловимого врага).⁵

⁵ lemonde.fr [электронный ресурс], https://www.lemonde.fr/politique/article/2020/03/17/nous-sommes-en-guerre-face-au-coronavirus-emmanuel-macron-sonne-la-mobilisation-generale_6033338_823448.html (Дата обращения 06.07.2023)

3. Определение неологизма. Виды неологизмов

Под неологизмом мы понимаем, во-первых, слово или словосочетание, недавно появившееся в языке, и, во-вторых, новое значение уже существующего или ранее существовавшего слова.

Наиболее полная система критериев, позволяющая отнести то или иное слово к классу неологизмов, на наш взгляд, предложена Н.З. Котеловой [10, с. 14]. Первым и главным критерием служит «время»: неологизмы – это слова, новые по отношению к предшествующему периоду. Второй критерий – это «языковое пространство», то есть перемещение лексической единицы из одной сферы употребления в другую, например, из медицинской сферы в общеупотребительную. Третий критерий – это «новизна языковой единицы». С этой точки зрения, новым может быть как само слово (лексический неологизм), так и его значение (семантический неологизм). И, наконец, четвёртый критерий – это «установление структурных признаков новизны слова», то есть выявление закономерностей в словообразовании неологизма.

По способу создания неологизмы подразделяются на три вида: семантические, лексические и неологизмы-заимствования. Рассмотрим каждый из них.

3.1 Семантические неологизмы

Этот вид неологизмов возникает в результате появления нового значения слова на основе сходства вновь обозначаемого явления с уже известным. Такой процесс называют семантическим сдвигом (*glissement de sens*) [6], при котором происходит изменение лексического значения, когда давно существующее в языке слово обретает новое значение.

Своеобразие семантических неологизмов «состоит в том, что как лексемы они давно известны в языке, но, обновив своё значение, из прежних тематических групп перемещаются в совершенно новые, изменяя при этом лексическую сочетаемость, стилистическую закреплённость, экспрессивную окраску. За счёт таких неологизмов, возникающих на основе нового семантического осмысления слов-историзмов, пополняется активный состав современного языка» [13, с. 247].

Изменение значения лексических единиц – естественный процесс для любого языка, который проходит разные исторические периоды.

С наступлением же санитарного кризиса мирового масштаба, процессы ускоряются и семантические сдвиги охватывают большее количество слов, чем в обычный период, что лишний раз свидетельствует о гибкости и способности языка адаптироваться к новым реалиям. Так, в Средние века слово *couvre-feu* (комендантский час) означало час, когда с наступлением ночи колокол давал сигнал тушить свечи и факелы (*couvrir le feu*), для того чтобы минимизировать возможность пожара в городах, построенных в основном из дерева. К концу Средневековья к первому значению добавилось второе – запрет на выход из дома после определённого часа, с тем чтобы защитить население от уличных ограблений. Со временем этот термин вошёл в обиход полицейских, затем – военных. Применительно к новым реалиям слово *couvre-feu* означает «запрет на выход из дома ночью» в контексте санитарных мер с целью защиты населения от вируса:

(1) Si le gouvernement met en place ce *couvre-feu* avancé à 18 h, c'est avant tout pour réduire les contacts sociaux.⁶

Но поскольку слово *couvre-feu* означает довольно жёсткое ограничение свободы передвижения и ассоциируется у французов с годами Оккупации, то, даже несмотря на присутствие определения *sanitaire: couvre-feu sanitaire*, с точки зрения научного консультанта словаря *Le Petit Larousse* Бернара Серкильини, это «семантическое и политическое новшество любопытно, но рискованно» [19, с. 38].

Ещё одним ярким примером семантического сдвига может служить самый популярный глагол периода пандемии – *confiner*, первое значение которого «граничить», второе – «содержать в замкнутом пространстве», а также существительное *confinement*, которое долгое время было тюрем-

6 ouest-france.fr [электронный ресурс], <https://www.ouest-france.fr/sante/virus/coronavirus/couvre-feu/covid-19-le-couvre-feu-avance-a-18-heures-est-il-vraiment-efficace-7115655> (Дата обращения 12.05.2023)

ным термином, например, *confinement des forçats* (тюремное заключение каторжников). С конца XX-го века слово *confinement* входит в медицинскую терминологию, обозначая запрет для больного покидать комнату. Кроме того, оно используется в области ядерной безопасности, когда речь идёт о хранении радиоактивных веществ в надёжно защищённом пространстве. Однако с приходом в нашу жизнь Ковида-19, а также в результате частого употребления этого термина в СМИ, он быстро входит в повседневную речь французов, но уже в новом значении – «самоизоляция».

Между тем, семантическая деривация – это не единственный способ образования неологизмов во время пандемии.

3.2 Лексические неологизмы: способы словообразования

Лексические неологизмы возникают в результате словообразовательной деривации из существующих в языке морфем по моделям уже существующих в языке слов. Для периода пандемии характерны три способа их образования: префиксация, суффиксация и контаминация.

Префиксация относится к числу наиболее продуктивных способов образования слов [20]. Буквально за считанные недели, «жонглируя» приставками, французы придумали массу производных слов от глагола *confiner* и от существительного *confinement* (изоляция). К ним относятся: *s'enconfiner* (уйти на самоизоляцию), *déconfiner* – *déconfinement* (окончание самоизоляции), *reconfiner* – *reconfinement* (повторная самоизоляция), *préconfiner* – *préconfinement* (в преддверии повторной самоизоляции), *redéconfiner* – *redéconfinement* (повторный выход из самоизоляции), *post-confinement* (период после самоизоляции) и *post-redéconfinement* (период после окончания повторной самоизоляции):

(2) Vous n'en avez pas marre, vous, du mot «confinement»? Moi, si. On a eu le *confinement*. Puis le *déconfinement*. Avant, selon toute probabilité, le *reconfinement*. Et, donc, le *redéconfinement*. Personnellement, le *confinement*, je sature. Et si on trouvait un autre mot? Puisqu'on ne peut pas changer la réalité, changeons au moins la façon de la désigner.⁷

К самым продуктивным префиксам этого периода относятся *ré-* и *télé-*.

Приставка *ré-*: *réouverture*, *réouvrir*, *réallumer*, *réenvoyer*, *réécrire*. Во время карантина главный вопрос, который волновал французов, СМИ и поднимал президент Французской республики в своих обращениях к нации, был:

(3) «Quand les commerces, les restaurants, les théâtres vont *réouvrir*?»

Отметим, что до пандемии в этой приставке гласная *e* для благозвучия опускалась (случай элизии): *rouvrir*, *rallumer*, *renvoyer*.

Несмотря на то, что словари ещё не зафиксировали приведённые выше слова, они, тем не менее, очень часто встречаются как в СМИ, так и в повседневной речи французов. Использование в словообразовании приставки *ré-* перед гласной позволяет отнести образованные с её помощью слова к разговорному стилю языка. Например:

(4) Vous devez *réécrire* un texte pour prouver que vous n'êtes pas un robot.

(5) N'hésitez pas à nous *réenvoyer* votre mail avec un sujet différent.

(6) Déplacements autorisés, *réouverture* des commerces, puis des restaurants: un début de *déconfinement* en trois étapes.⁸

Вторая распространённая приставка – это *télé-*: *téléachat*, *télétravail*, *téléconsultation*, *téléconférence*, *téléfête*, *télépause*, *télésaluer*, *se télédéconnecter*:

(7) Au travail, on zoome pour un oui ou pour un non. On se *télésalue*, on fait des *télépauses*, on se *télédéconnecte*. La frontière entre vie professionnelle et privée a fondu. Antonin s'interroge: «Le 1er Mai sera la *téléfête* des travailleurs, ou la fête des *télétravailleurs*?».⁹

⁷ la-croix.com [электронный ресурс], <https://www.la-croix.com/Debats/Confinement-deconfinement-reconfinement-redeconfinement-2020-10-28-1201121705> (Дата обращения 05.07.2023)

⁸ lemonde.fr [электронный ресурс], https://www.lemonde.fr/planete/article/2020/11/24/discours-d-emmanuel-macron-deplacements-assouplis-reouverture-des-petits-commerces-les-principalesannonces_6060986_3244.html (Дата обращения 24.06.2023)

⁹ lemonde.fr [электронный ресурс], https://www.lemonde.fr/mperso/article/2020/04/27/lundimanche-aperue-coronabdos-les-nouveaux-mots-du-confinement_6037915_4497916.html (Дата обращения 13.04.2023)

Суффиксация. Суффиксальный способ словообразования также оказался весьма популярным в период карантина. Например, пришедший из области информатики суффикс *-iel*, который выделился из слова *logiciel*, дал слова: *distanciel*, *présentiel*, *gratuciel*, *ludiciel*, *assurenciel*, *démérentiel*:

(8) À l'Université, un peu de *présentiel* mais beaucoup de «*démérentiel*» pour les profs.¹⁰

(9) – Chez vous la rentrée ça sera en *distanciel* ou en *présentiel*?
– Plutôt en *démérentiel*...¹¹

Естественно возникает вопрос, почему окончания слов *présentiel* и *distanciel* произносятся одинаково, а пишутся по-разному. Дело в том, что *présentiel* – это калька с английского *présential*, где корень – *présent*, тогда как *distanciel* образовано от *distance*.

Ещё один продуктивный суффикс в период ковида – пейоративный суффикс *-iste*, придающий слову пренебрежительный оттенок. Например, *alarmiste* или *alertiste* (паникёр), *enfermiste* (сторонник строгого соблюдения самоизоляции), *rassuriste* (человек, преуменьшающий опасность вируса и успокаивающий всех вокруг), *complotiste* (сторонник теории заговора), *dénialiste* (человек, отрицающий очевидную опасность вируса).

Раскрытию этих понятий посвятили свою статью Antoine Flahault и Laure Dasinieres, «Face au Covid, deux camps d'experts: les rassuristes et les précautionneux», примеры из которой мы приводим ниже:

(10) *Les rassuristes* sont exaspérés des discours qu'ils qualifient d'*alarmistes*.

(11) «*L'alertiste* est moralisateur, il trouve que médecins, scientifiques, journalistes ont la responsabilité de promouvoir une attitude responsable et solidaire. *Le rassuriste* est démagogue, il sait que son discours va plaire et que c'est celui-là que l'on veut entendre aujourd'hui : on est responsables et solidaires depuis deux ans et demi, ça suffit maintenant, il est temps de changer de musique».¹²

Контаминация: игровые дериваты. Образование нового слова путём соединения двух элементов разных слов всегда было очень распространено во французском языке [2], в период же санитарного кризиса оно стало особенно популярным. При этом подавляющее большинство «слов-чемоданов» – это плоды народного словотворчества, созданные игровым способом. Такое словообразование называют *игровой деривацией*, например: *lundimanche* (когда все дни недели сливаются в один); *apéru* = *apéritif* + *rue*, *coronabdos* = *coronavirus* + *abdos* (упражнения для брюшного пресса), *covidiot* = *covid* + *idiot* (человек, не соблюдающий правила карантина), *coronials* (поколение эпохи коронавируса, по аналогии с *millennials*):

(12) En attendant, ne soyez pas des *covidots*, restez chez vous!

(13) Après la génération X des baby-boomers, la génération Y des millennials et la génération Z des ados nés avec les réseaux sociaux, la génération C serait-elle en train d'éclorre ? Les «*coronials*» désignent désormais les bébés nés pendant ou après la pandémie.¹³

К характерным чертам игрового неологизма относятся:

- яркость формы, делающая его заметным и узнаваемым в потоке речи или тексте;
- лаконичность содержания, в котором сосредоточена максимальная концентрация смысла;
- комический эффект, который достигается благодаря двум предыдущим пунктам;
- преднамеренность его создания.

Как известно, «игровые дериваты создаются потому, что в силу определённых причин они являются востребованными в данном обществе в конкретное время» [5, с. 50].

Игровая деривация – это экспериментирование с языком, основанное на сознательном нарушении узусных норм. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «экспериментами над языком занимаются все: поэты, писатели, остряки и лингвисты. Удачный эксперимент указывает на скрытые резервы

¹⁰ rue89strasbourg.com [электронный ресурс], <https://www.rue89strasbourg.com/universite-presentiel-demerentiel-professeurs-203438> 30.03.2021 (Дата обращения 24.06.2023)

¹¹ lemonde.fr [электронный ресурс], https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/10/15/le-terme-demerentiel-concentre-tous-les-ingredients-pour-etre-populaire_6056079_3232.html (Дата обращения 5.05.2023)

¹² slate [электронный ресурс], <https://www.slate.fr/story/229559/precautionneux-vs-rassuristes-gestion-pandemie-covid-debat-scientifique-politique> (Дата обращения 24.06.2023)

¹³ forbes.fr [электронный ресурс], <https://www.forbes.fr/environnement/la-generation-des-coronials-nes-pendant-la-crise-sanitaire/> (Дата обращения 03.07.2023)

языка, неудачный – на их пределы» [1, с. 6]. И теперь, спустя три года после начала пандемии, можно утверждать, что французский язык доказал, что «эксперимент» оказался удачным. Создание новых слов, окрашенных юмором и иронией, стало для французов потребностью, своего рода антидотом от вируса.

Ежегодно словарь *Le Robert* предлагает французам выбрать главное слово уходящего года. Но поскольку 2020 год невозможно было описать одним словом, *Le Robert* и члены литературной ассоциации *l'Oulipo* предложили читателям самим придумать слова, которые бы описали ситуации, с которыми им пришлось столкнуться с начала пандемии. Успех этого предложения превзошёл все ожидания, и издательство *Le Robert* выпустило словарь лексики пандемии, почти целиком состоящий из «слов-чемоданов», включая название самого словаря. В таблице №2 представлена подборка самых ярких, стилистически-окрашенных, игровых дериватов.

Таблица № 2

Le Dicovid ¹⁴ (dictionnaire + covid)
Attestarder – заполнять формуляр с опозданием, когда уже вышел из дома
Airgasmer – вдохнуть первый глоток воздуха, сняв маску
Barrigeste – защитные меры
Biselle – виртуальный поцелуй
Bisque – поцелуй из-под маски
Cobide – лишний вес, набранный супругами вместе за время карантина
Confissérie – сериал, который бы ты не стал смотреть, если бы не самоизоляция
Couffiné – ребенок, родившийся в ковид
Covidaminer – заразить ковидом
Déconcerté – человек, за год купивший билет, но не попавший на концерт из-за его отмены
Facultatoire – что считалось факультативным, а стало обязательным
Gelouser – завидовать ближнему, у которого ещё не закончился антисептик
Hydroalcoolisme – увлечение антисептиком вместо мытья рук
Macronavirus – положительный тест Макрона на Covid-19
Masquemnésie – систематически забывать маску дома
Masquillage – использование маски, чтобы скрыть отсутствие макияжа
Mascourir – бежать за маской, забытой дома
Pénuriz – дефицит товаров первой необходимости
Skypéro – винная вечеринка в скайпе
Télédebrouille – попытка одновременно работать, готовить и следить за детьми
Zoùter – работать в зуме и одновременно перекусывать.

3.3 Неологизмы-заимствования

До пандемии лексикографы ежегодно включали в словари большое количество англо-американских терминов из научно-технической области и медицины. Однако в период пандемии французский язык пошёл не по пути заимствования [3], а обратился к своим собственным ресурсам, создавая неологизмы на основе уже существующих в языке морфем и слов.

Интересно, что никогда ранее лингвисты не фиксировали столь незначительный приток во французский язык англицизмов, как за годы пандемии. Так, в отличие от итальянцев и немцев, французы не стали пользоваться англицизмом *lockdown*, а дали новую жизнь глаголу *confiner* и существительному *confinement*.

Тем не менее, несколько заимствований нашли своё отражение в словарях. Как правило, на интеграцию заимствований в язык-реципиент требуются годы, но, как оказалось, не в период пандемии. Так, *Larousse* включил в издание 2022 года такие слова и словосочетания, как: 1) *click and collect*, пусть и с пометой «нерекомендуемый англицизм» и рекомендацией употреблять его французский эквивалент *cliqué-retiré* – служба онлайн-заказов и быстрого получения в пункте выдачи; 2) *le cluster* – очаг заражения, наряду с французским эквивалентом *foyer de contagion*;

¹⁴ Le “Dicovid” des mots inventés ! <https://dictionnaire.lerobert.com/dis-moi-robert/raconte-moi-robert/mot-annee/le-dicovid-des-mots-inventes.html> 05.03.2021 (Дата обращения 01.06.2023)

3) *le tracking*, популярное весной 2020 года и уступившее место существительному *traçage* – мониторинг соблюдения самоизоляции; 4) существительное *antivax* от англ. *anti-vaxxer* – противник вакцинации, а также прилагательное 5) *antivax* от англ. *anti-vax* – антипрививочное движение наряду с французским *antivaccinal*; 6) *le drive* – самовывоз; 7) *stop and go*, пришедший из области экономики, – стратегия остановки и возобновления карантинных мер в зависимости от количества случаев заражения:

(14) Durant cette année marquée par la crise du Covid-19, de nombreux consommateurs se sont tournés vers *le drive* pour faire leurs courses.¹⁵

(15) Mais le gouvernement veut aussi absolument éviter de rentrer dans une stratégie *du stop and go*, qui consisterait à trop alléger les mesures de restrictions pour devoir ensuite reconfiner.¹⁶

Обратимся теперь к тем факторам, которые вызвали интенсивную неологизацию французского языка в период пандемии.

4. Факторы, вызвавшие появление лексики пандемии

Возникновение новых слов всегда связано с существенными изменениями в жизни общества [15], поскольку потребность человека отобразить в языке новое понятие или явление активизирует процессы номинации [11]. Факторы, обуславливающие появление неологизмов и их широкое распространение, можно разделить на две группы: экстралингвистические и интралингвистические.

К экстралингвистическим факторам, по мнению известного отечественного романиста В.Г. Гака, относятся научно-техническая революция, развитие СМИ, общее ускорение темпа жизни общества [4, с. 37]. Пандемия Covid-19 как раз послужила пусковым механизмом для вышеперечисленных факторов, к которым, на наш взгляд, также можно отнести: новые социально-экономические условия жизни, новые способы и средства коммуникации во время самоизоляции, изменения индивидуальных и общественных потребностей, а также эмоциональные состояния людей, вызванные вышеперечисленными переменами в их жизни.

Интралингвистические факторы – это внутренние ресурсы языка, благодаря которым язык постоянно обновляется: либо путём создания слов на основе уже имеющихся в языке словообразовательных моделей, либо путём заимствования из других языков. К ним же относятся: изменение семантики слова, изменение стилистической принадлежности, а также переход лексической единицы из одной сферы употребления в другую (См. 3. Виды неологизмов).

Рассмотрим теперь более подробно экстралингвистические факторы, которые способствовали появлению новых слов в общеупотребительном французском языке. Пандемия Covid-19, оказавшись катаклизмом мирового масштаба, ускорила развитие науки: учёные всего мира, в том числе Франции, занялись разработкой вакцин против коронавируса. Процесс создания новых технологий сопровождался рождением новых медицинских терминов, которые, благодаря СМИ, быстро становились достоянием широких масс. Предпринимаемые французским правительством меры по предупреждению распространения вируса тоже сопровождалось появлением неологизмов. Сам президент Французской республики, говоря о важности соблюдения карантина и социального дистанцирования, прибегал в своих речах к медицинской и военной терминологии, способствуя таким образом переходу слов из разряда узкопрофессиональной лексики в общеупотребительную.

Новые социальные-экономические условия жизни тоже оказали влияние на процесс неологизации. Например, чтобы не потерять работу или иметь возможность продолжать учёбу в период самоизоляции, людям приходилось быстро осваивать новые технологии, связанные с дистанци-

¹⁵ ouest-france.fr [электронный ресурс], <https://www.ouest-france.fr/economie/consommation/covid-19-le-drive-a-explose-dans-la-grande-distribution-en-2020-7062174> (Дата обращения 30.06.2023)

¹⁶ ouest-france.fr [электронный ресурс], <https://www.ouest-france.fr/sante/virus/coronavirus/confinement/deconfinement-la-date-du-15-decembre-va-t-elle-etre-repousse-7076479> (Дата обращения 23.06.2023)

онной работой и онлайн-образованием, что привело к овладению технической терминологией. В свою очередь дистанционная работа и учёба, размыв границы между домом и офисом, внесли коррективы в социальную жизнь французов, вдохновив их на создание новых слов для обозначения новых реалий. В результате лексикон французов пополнился большим количеством неологизмов. Новые установки, новые правила жизни, и как результат – новые слова, которые, благодаря СМИ, очень быстро усваивались населением. Причём, в этот период появляются не только новые слова, но и старые обретают новые значения.

К группе экстралингвистических факторов принято относить глобальные социально-экономические изменения в жизни общества [18], то есть внешние, не зависящие от человека, объективные факторы. Но кроме них действовал и другой фактор, психологический: эмоции людей, которые стали ответной реакцией на экономические, культурные и психологические потрясения и которые не могли не оказать влияния на речевые характеристики носителей языка.

Рассмотрим теперь более детально воздействие субъективного экстралингвистического фактора на появление разных видов неологизмов. В процессе общения, эмоциональное состояние индивида влияет на выбор слов, которыми он хочет выразить соответствующую эмоцию. Как отмечает лингвист Ю.Н. Несветаило, желание придать речи большую выразительность, эмоциональность и образность является ещё одним фактором появления неологизмов [14].

В ситуации пандемии эмоции стали ответной реакцией на множество экстраординарных обстоятельств, например, на прекращение международного авиасообщения, закрытие культурно-значимых объектов. В этот непростой, со всех точек зрения, период жителям Франции, как, впрочем, и других стран, довелось испытать на себе весь спектр эмоций: от отрицательных, таких как тревога, страх, гнев, разочарование, до положительных: интереса и любопытства. Так, эмоция тревоги, которая представляет собой состояние внутреннего мучительного беспокойства, была спровоцирована недостатком информации о происхождении вируса и его последствиях, непредсказуемостью сценария развития событий, бесконечным потоком плохих новостей в СМИ и социальных сетях. Эмоции гнева и разочарования были вызваны психологической и физической несвободой из-за вынужденного изменения образа жизни: перехода на удалённую работу, невозможности выхода из дома; закрытия детских садов, школ и университетов, приостановки деятельности 90 тысяч магазинов товаров не первой необходимости, признанных властями не важными (*non essentiels*).

Доминирующей же эмоцией периода пандемии Covid-19 стала эмоция страха. Как известно, страх возникает в ситуациях угрозы биологическому или социальному существованию индивида [16]. К 14 апреля 2020 года число смертей во Франции превысило 15 тысяч, что не могло не отразиться на эмоциональном состоянии людей, которые находились в атмосфере непрекращающегося стресса, опасаясь за свою жизнь, за жизнь близких, и – в зависимости от уровня эмпатии – за будущее планеты.

В то же время, отрицательные эмоции обладают и защитной функцией, иначе говоря, они способны вызывать позитивные процессы. Например, эмоция тревоги помогает спрогнозировать опасность и уберечь от неё. Эмоция гнева мобилизует энергию, необходимую для самозащиты, для отстаивания своих прав. А эмоция страха, сигнализируя о потенциальной опасности, настраивает человека на более тщательное продумывание действий в сложившейся ситуации и ограждает его от возможных нежелательных последствий. По мнению американского психолога К. Изарда, страх – это наиболее сильная и опасная эмоция, которая оказывает большое влияние на сознание и поведение человека [8, с. 292]. А ещё, на наш взгляд, – на коммуникацию, которая существенно изменилась во время санитарного кризиса. Пытаясь побороть страх и тревогу, французы обратились к игровому словообразованию, потому что ничто так не помогает в стрессовых ситуациях, как юмор и ирония.

Иронию в философии определяют как форму мировосприятия и как способ мышления, а в лингвистике – как стилистический приём и как способ коммуникации. Как психическое состояние ирония – это изменённый знак моего переживания ситуации, с минуса на плюс [9]. Ирония позволяет человеку «быть над схваткой», дистанцироваться от тревоги и страха.

По мысли психолога С.Л. Рубинштейна, ирония – это одно из проявлений высших человеческих чувств, представляющее собой целостный акт отражения объекта субъектом, в котором объединяются такие разные компоненты, как знание и отношение, интеллектуальное и аффективное [17]. Это определение позволяет нам отнести иронию к интеллектуальным эмоциям, поскольку она участвует в формировании смысла высказывания.

Лингвист Н.С. Зинченко определяет иронию как языковую игру, основанную на чувственно-рассудочном отстранении от объекта, возвышении над ним, новом видении ситуации [7].

Так, благодаря взаимодействию эмоций иронии и страха во французском языке появляется большое количество лексических неологизмов – игровых дериватов (см. таблицу № 2: подборку «слов-чемоданов» из словаря *Dicovid*). Они заключают в себе оценочное высказывание, в скрытой форме выражающее критическое отношение говорящего к называемому явлению. Цель игровой деривации – вызвать улыбку и смех, чтобы снизить уровень тревоги и страха. Об этой функции смеха писал еще Вольтер: «Что сделалось смешным, не может быть опасным».

Далее рассмотрим, как эмоции тревоги и страха способствовали появлению семантических неологизмов (см. таблицу № 1).

Как правило, эмоции тревоги и страха развиваются при недостатке сведений, необходимых для защиты человека от биологической или социальной угрозы. Поэтому, чтобы защитить себя, французы стали искать информацию о новом вирусе, больше читать на эту тему и обмениваться информацией. В результате страх спровоцировал появление другой эмоции – интереса. Эта эмоция, как известно, играет важную мотивационную роль в формировании и развитии навыков, умений и интеллекта [8], [12]. У человека, испытывающего интерес к чему-либо, возникает желание развиваться, исследовать, расширять свой опыт. Так в повседневную речь вошли медицинские термины, которые в доковидный период были известны только специалистам в области медицины, микробиологии и генетики. Далёкие от этой сферы люди, порой не всегда понимая точный смысл того или иного термина, не заметили, как стали говорить на медицинском языке (*un français médicalisé*). У французского лингвиста Бернара Серкильини даже возникла аналогия этого языка с «политизированным французским, на котором заговорил французский народ летом 1789 года» [19, с. 20]. Таким образом, владение медицинской терминологией стало своеобразным щитом, одним из способов самозащиты от вируса. Слова давали людям ощущение того, что они лучше понимают происходящее, что они близки к пониманию проблемы и что они в состоянии сами оценивать свои риски и шансы на выживание. Использование же в повседневной жизни медицинских терминов снижало уровень тревоги и страха, давая иллюзию защищённости.

Таким образом, отрицательная эмоция страха и положительная эмоция интереса, «работая» в паре, спровоцировали переход профессионализмов – медицинских терминов – в разряд общеупотребительной лексики, пополнив язык семантическими неологизмами. А взаимодействие отрицательных эмоций страха, гнева и разочарования с интеллектуальными эмоциями юмора и иронии способствовали посредством игрового словообразования обогащению французского языка лексическими неологизмами.

В создании лексики пандемии были задействованы три функции эмоций:

- оценочная, которая выражалась в том, что люди давали оценку происходящим событиям, обозначая новую реальность новыми словами (см. таблицу №1);
- побудительная, которая отвечает за формирование поведения и коммуникации в новых реалиях на основе оценки собственных потребностей (см. таблицу №1);
- защитная, которая позволяет дистанцироваться от стресса, как в случае игрового словообразования (см. таблицу №2).

Таким образом, помимо объективных экстралингвистических факторов, способствующих образованию неологизмов, существует еще и субъективный фактор: эмоциональные состояния индивида как ответная реакция на происходящее.

5. Заключение

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что пандемия выступила главным поставщиком новых слов, а её положительным «побочным» эффектом стало обогащение общеупотребительного французского языка. Язык пополнился прежде всего за счёт профессиональной лексики, в первую очередь, это медицинские термины, за ними следуют технические термины, и последнее место занимают военные термины; а также за счёт социальной лексики, относящейся к службам обеспечения жизни *homo socialis* и к его поведению в новых реалиях. Что касается видов неологизмов, появившихся в период пандемии, то среди них преобладают лексические и семантические неологизмы, в то время как количество неологизмов-заимствований крайне незначительно. Это объясняется тем, что французский язык, в отличие от некоторых европейских языков, не пошёл по пути заимствования, а обратился к своим внутренним ресурсам, создавая новые лексические единицы на основе уже существующих морфем и слов.

Самыми продуктивными способами образования лексических неологизмов в этот период стали префиксация и контаминация.

Существенное влияние на неологизацию французского языка оказали интралингвистические и экстралингвистические факторы. Среди последних мы различаем, во-первых, объективные факторы, и, во-вторых, субъективные факторы, к которым мы относим эмоциональные состояния индивида. Эмоции пандемии как ответ на экономические, культурные и психологические потрясения внесли свою лепту в процесс обновления лексического состава французского языка. Так, благодаря взаимодействию отрицательных эмоций страха, гнева и разочарования с интеллектуальными эмоциями юмора и иронии появилось большое количество лексических неологизмов, в том числе игровых дериватов, в то время как сочетание отрицательной эмоции страха и положительной эмоции интереса способствовало переходу профессионализмов в разряд общеупотребительной лексики, пополнив язык семантическими неологизмами.

Эмоции пандемии, реализуя три свои функции: оценочную, побудительную и защитную, послужили своеобразным импульсом для обогащения словарного запаса французского языка.

© Тарасова М.В., 2024

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык // Вопросы языкознания. 1987. № 3. с.3–19.
2. Бородулина Н. Ю. Макеева М. Н. Копельник В. И. Особенности ковидного лексикона французского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т.14. Выпуск 11. С. 3491–3495.
3. Ветчинова М. Н. Обогащение лексики французского языка в период пандемии COVID-19. // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т.8 № 1, с. 3–18.
4. Гак В. Г. О современной французской неологии. Новые слова и словари новых слов. Ленинград: Наука, 1978. с. 37–52.
5. Дедова О. В. Игровое словообразование в современном русском языке / О.В. Дедова, П.В. Григорьева // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2018. № 5, с. 49–63.
6. Егорова Э. В. Крашенинникова Е. И. Крашенинникова Н. А. Неологизмы эпохи коронавируса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 4 с. 207–216.
7. Зинченко Н. С. Ирония как многоаспектный феномен: методологические основы анализа художественного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. №3(57) Ч.1 с.126–130.
8. Изард К. Психология эмоций СПб: Питер. 2008. 464 с.
9. Киришбаум Э. И. Психологическая защита СПб: Питер. 2005. 175 с.
10. Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость (к формализации в языкознании) Ленинград: Наука, 1975. 164 с.
11. Лесниковская И.В. Экстралингвистические и интралингвистические причины возникновения новой лексики // Вестник государственного гуманитарно-технологического университета, 2016, с. 62–66.
12. Мороз В. В. Креативность – междисциплинарный феномен человекознания // Вестник Оренбургского государственного университета 2012. №2. с.155–160.
13. Москалева М. В. Неологизмы и проблема их изучения в современном русском языке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. с. 246–250.
14. Несветаило Ю. Н. Неологизмы и окказионализмы как конститuenty лексического макрополя современного английского языка: автореферат дис.канд. филолог.наук. Ставрополь. 2010. 19 с.

15. Пасечная Л.А. К проблеме дефиниции нового слова в современной лингвистике // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. с.167–171.
16. Психология. Словарь. Под редакцией Петровского А.В., Ярошевского М.Г. Политиздат. 1990. 494 с.
17. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М: АСТ. 2020. 960с.
18. Словарь социолингвистических терминов, Москва. 2006. 312 с.
19. Bernard Cerquiglini, Chroniques d'une langue française en résilience, Larousse. 2021. p. 20. 156 с.
20. Щербак И. Г. Префиксация как способ образования новых слов в современных английском и французском языках (на материале прессы и толковых словарей) // Вестник Московского государственного областного университета, 2008. № 3. с. 103–109.

References

1. Arutunova, N. D. Anomalii i iazik [Anomaly and language]. // *Voprosi iazikoznania*. 1987. № 3, s. 3–19.
2. Borodulina, N.U. Makeeva M. N. et al. Osobennosti kovidnogo leksikona frantsuzskogo iazyka. // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2021. T.14. Vypusk 11. S.3491–3495.
3. Vetchinova, M. N. Obogashchenie leksiki frantsuzskogo iazyka v period pandemii COVID-19. // *Nauchny rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki*. 2022. T.8. № 1. s. 3–18.
4. Gak, V. G. O sovremennoi frantsuzskoi neologii. [Modern French Neology]. // *Novie slova i slovni novikh slov* [New words and dictionaries of new words]. Leningrad: Nauka, 1978. s. 37–52.
5. Dedova, O. V., Grigorieva P. V. Igrovoie slovoobrazovanie v sovremennom ruscom iazyke [Game word formation in the Russian language] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 9. Filologia*. 2018. № 5, s. 49–63.
6. Egorova, E.V. Krashenninnikova, et al. Neologizmy epokhi koronavirusa // *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* 2021, № 4 s. 207–216.
7. Zinchenko, N. S. Ironia kak mnogoaspektanii fenomen: metodologicheskie osnovi analiza khudogestvennogo diskursa [Irony as a multifarious phenomenon: methodological basis for artistic discourse analysis]. // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2016. №3(57) Ch.1 s.126-130
8. Izard, K. *Psikhologiya emotsii* [Psychology of emotions]. SPb: Piter, 2008. 464 s.
9. Kirshbaum, E. I. *Psikhologicheskaya zashchita* [Psychological protection]. SPb: Piter, 2005. 175 s.
10. Kotelova, N. Z. *Znachenie slova i ego sochetaniemost (k formalizatsii v iazikoznani)* [Meaning of a word and its collocation (on formalization in linguistics)]. Leningrad: Nauka, 1975. 164 s.
11. Lesnikovskaya, I.V., Rzaeva, S. M. Ekstralingvisticheskie i intralingvisticheskie prichiny vozniknoveniia novoi leksiki // *Vestnik gosudarstvennogo humanitarno-tekhnologicheskogo universiteta*, 2016, s. 62-66.
12. Moroz V.V. Kreativnost' – mezhdistsiplinarny fenomen chelovekoznaniia. // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* 2012. №2. s.155–160.
13. Moskaleva, M. V. Neologizmi i problema ikh izucheniia v sovremennom ruskom iazyke [Neologisms and the problems of their study in the Russian language] // *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2008. S. 246–250.
14. Nesvetailo, U. N. *Neologizmi i okkazionalizmi kak konstituenti leksicheskogo makropola sovremennogo angliiskogo iazyka* [Neologisms and occasionalisms as constituents of a lexical macrofield of the English language]: avtoreferat dissertatsii kandid. filologicheskikh nauk. Stavropol, 2010. 19 s.
15. Pasechnaia, L. A., Popova, T.V. K probleme definitsii novogo slova v sovremennoi lingvistike. // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2005. s. 167–171.
16. *Psikhologiya. Slovar'*. Pod redaktsiei Petrovskogo A.V., Yaroshevskogo M.G. Politizdat 1990, 494 s.
17. Rubinshtein, C. L. *Osnovi obshchei psikhologii* [The basis of general psychology]. M: AST, 2020. 960 s.
18. *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov*. Moskva. 2006. 312 s.
19. Bernard Cerquiglini, Chroniques d'une langue française en résilience, Larousse 2021. s. 20. 156 с.
20. Shcherbakova I. G. Prefiksatsiia kak sposob obrazovaniia novykh slov v sovremennykh angliiskom i frantsuzskom iazykakh (na materiale pressy i tolkovykh slovarей), *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 2008, № 3, s. 103–109.

Сведения об авторе:

Тарасова Мария Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка МГИМО МИД России. Сфера научных и профессиональных интересов: французский медиадискурс, грамматика французского языка, французская журналистика, жанры французской прессы.
E-mail: maria.tarassova@gmail.com ORCID: 0009-0005-7416-5742

About the author:

Maria V. Tarasova – PhD in Philology, is Associate Professor at French Department, MGIMO-University. Spheres of research and professional interest: media discourse, French grammar, French journalism, genres in French journalism. E-mail : maria.tarassova@gmail.com ORCID: 0009-0005-7416-5742

* * *

A LINGUOCOGNITIVE APPROACH TO THE ANALYSIS OF THE INTERPRETER'S LANGUAGE PERSONALITY IN AN INTERPRETING SITUATION

Ekaterina E. Ulanova

*Kuban State University,
149 Stavropolskaya street, Krasnodar, 350040, Russia*

Abstract. The present article is devoted to the problem of applying a linguocognitive approach to the analysis of the linguistic personality of an interpreter/conference interpreter. The use of the linguocognitive approach seems to the author to be the most promising direction in view of the possibility of applying a comprehensive analysis of the interpreter's verbal and non-verbal behavior. The conducted analysis – the study of the functional side of the linguistic personality at the moment of interpretation – contributes to the progress in the field of the national cognitive translation studies.

The research aims to analyze the audiovisual series of simultaneous interpretations, which leads to the use of modern research methods in the analysis of verbal markers and the “unnoticed background”, including, on the one hand, the discursive features of linguistic personality in various sections of the language, and on the other hand, – intertextuality and creation of new meanings. The relevance of the linguocognitive approach in linguopersonology is due to the insufficiently studied mechanisms of comprehensive analysis of linguistic personality in general, as well as a rather limited number of studies of this kind.

The author presents her view on the possibilities of applying linguocognitive analysis for a reliable and verifiable results of the interview genre research. The article describes the complexity and multi-dimensionality of the genre under study, reveals the destabilizing factors in the performance of interpretation that affect the manifestation of a linguistic personality, provides criteria for evaluating sounding speech, and the extent of its influence on the representation of linguistic personality, and, consequently, the success of the interpretation.

The proposed approach to the study of the representation of the linguistic personality of an interpreter allows for linguistic and extralinguistic analysis, to study the verbal and nonverbal behavior of speakers, to assess the quality of translation, typologize translation errors, identify the features of prosody and non-verbal behaviour. In addition, the author introduces the term “an interpreting situation” in relation to the context of the study, describes the stages and the parameters of the source text analysis (translation degree) and destabilizing factors that affect the results of the study. The experimental study confirmed the prospects for the application of the linguocognitive approach; the representation of the interpreter/conference interpreter in the genre of television interview is marked by a special typical variety of text: a combination of journalistic and colloquial styles, the use of elliptical constructions, modality, syntactic and lexical repetitions.

Keywords: linguo-cognitive method, a language personality, simultaneous interpreting situation, a conference interpreter, cognitive linguistics

For citation: Ulanova E.E. (2024). A Linguocognitive approach to the analysis of the interpreter's language personality in an interpreting situation. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(1), pp. 113–125. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-1-38-113-125>

Исследовательская статья

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА В СИТУАЦИИ УСТНОГО ПЕРЕВОДА

Е.Э. Уланова

*Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.*

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме применения лингвокогнитивного подхода при анализе функциональной стороны языковой личности устного/синхронного переводчика. Использование лингвокогнитивного подхода представляется автору наиболее перспективным направлением ввиду возможности применения комплексного анализа вербального и невербального поведения устного переводчика. Проведённый анализ – исследование функциональной стороны языковой личности непосредственно в момент перевода – способствует прогрессу в области отечественного когнитивного переводоведения. Подобные исследования сложно представить без анализа аудиовизуального ряда синхронных переводов, что обусловило применение современных методов исследования при анализе вербальных проявлений и «не замечаемого фона», включающего, с одной стороны, дискурсивные особенности языковой личности в различных разделах языка, а с другой – интертекстуальность и создание новых смыслов. Актуальность лингвокогнитивного подхода в лингвоперсонологии обусловлена малой изученностью механизмов комплексного анализа языковой личности в целом, а также достаточно ограниченным количеством исследований подобного рода. Автор представляет свой взгляд на возможности применения лингвокогнитивного анализа для надёжной и верифицируемой интерпретации результатов исследования жанра интервью. В статье описывается сложность и многомерность исследуемого жанра, уточняются дестабилизирующие факторы при выполнении устного перевода, влияющие на проявление языковой личности, приводятся критерии оценки звучащей речи и степень её влияния на репрезентацию языковой личности и успешность выполнения устного перевода. Перспектива применения предлагаемого подхода при изучении репрезентации языковой личности устного переводчика позволяет проводить лингвистический и экстралингвистический анализ, изучать вербальное и невербальное поведение говорящих, оценить качество выполнения переводов, типологизировать переводческие ошибки, выявлять особенности просодии и невербального поведения. В добавление автор вводит в оборот термин «ситуация перевода» применительно к контексту проводимого исследования, описывает этапы и параметры анализа исходного текста, подлежащего переводу (степень переводимости), и дестабилизирующие факторы, которые оказывают влияние на результаты исследования. Проведённое экспериментальное исследование подтвердило перспективы применения лингвокогнитивного подхода; ситуация проявления языковой личности устного/

синхронного переводчика в жанре телевизионного интервью отмечена особым типовым разнообразием текста: сочетанием публицистического и разговорного стилей, использованием эллиптических конструкций, модальностью, синтаксическими и лексическими повторами.

Ключевые слова: лингвокогнитивный подход, языковая личность, ситуация перевода, синхронный перевод, когнитивная лингвистика

Для цитирования: Уланова Е.Э. (2024). Лингвокогнитивный подход к анализу языковой личности переводчика в ситуации устного перевода. *Филологические науки в МГИМО*. 10(1), С. 113–125. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-1-38-113-125>

1. Введение (INTRODUCTION)

Тенденция современной лингвистики обнаруживается в комплексном подходе, применяемом сегодня как к сугубо лингвистическим, так и к смежным направлениям. В конце XX века стал заметен переход от структурной к антропологической парадигме в лингвистике и смежных областях знания. А в начале XXI века передовым направлением в лингвистике стала когнитивная лингвистика, где фокус внимания учёных сместился на анализ взаимодействия функциональной стороны языка. Дальнейшее развитие антропологического подхода стало результатом интереса к исследованию лингвистической мысли, процессов её формирования, реализации в речи, изучению языковой личности (далее – ЯЛ).

В конце XX века в лингвистике наметилась отчётливая тенденция применения лингвокогнитивного подхода к анализу дискурса как вербализуемого продукта речемыслительной деятельности, объединяющая процесс и результат порождения речи и реализуемая через план лингвистического и экстралингвистического выражения и коммуникации [10]. По словам З.Г. Бурдиной, формирование и непрерывное развитие лингвистической науки требует от учёных не только смелости своевременной смены научной парадигмы, цель которой – переход от системно-структурного рассмотрения языка к анализу коммуникативных процессов, происходящих в момент речи, как основной идеи когнитивной лингвистики, но и непосредственного изучения взаимосвязи вербализированной системы с когнитивными и речемыслительными процессами» [1].

История развития когнитивной науки служила доказательством успешного синтеза различных когнитивных состояний человека: усвоение знаний, их интерпретации, понимания, формирование умозаключений, верований и пр. Исследование человека в контексте когнитивной парадигмы несомненно сближает такие гуманитарные науки, как лингвистика, философия, психология, социология и нейрофизиология, социальная информатика, программирование. Логично предположить, что фундамент теоретической основы лингвокогнитивного подхода составляет философия, психология и лингвистика, а практическая реализация достигается путём применения сочетания интерпретативных возможностей человека-исследователя и новейших информационных технологий.

В современной отечественной и зарубежной лингвистике заметен явный рост исследований, выполненных в русле лингвокогнитивного подхода. Мы связываем растущую тенденцию с несколькими факторами. Во-первых, стремительное развитие информационных технологий, открывающее разноплановые возможности проведения верифицируемых исследований. К таковым относятся исследования с применением технологий искусственного интеллекта (создание и восприятие текстов, создание систем, имитирующих человеческую речь, мышление и пр.), исследования нейронных сетей, семантических полей, анализ распознавания звучащей речи, фреймовый анализ, моделей речевого поведения языковых личностей и т.д. Во-вторых, развитие методологии лингвокогнитивного подхода оказало значительное влияние на практические успехи лингвистических направлений: исследования развития общих когнитивных способностей

человека, развитие методов лингвистической интроспекции, методологии обучения родному и иностранному языку, совершенствование программ автоматического перевода текста, лингво-концептологические исследования и др.

Смысл рассматриваемого нами подхода сводится к параллельному исследованию человека говорящего и процессов его мировосприятия. В этом и проявляется антропоцентризм современных лингвокогнитивных исследований. Как отмечает Е.С. Кубрякова, ценность исследований с точки зрения антропоцентризма базируется на том, что «научные объекты изучаются прежде всего в зависимости от их роли для человека, их назначения в его жизнедеятельности, их функций для развития человеческой личности и её усовершенствования» [9, с. 115]. Мы исходили именно из этих обстоятельств, определяя методологию исследования. Наш интерес к современным исследованиям в рамках лингвокогнитивного подхода обусловлен также саморефлексией с целью познания и развития теоретической базы в области лингвоперсонологии. Считаем, что обращение к проблеме языковой личности (далее – ЯЛ) с точки зрения функциональной стороны языка сейчас как никогда актуально, тем более что в настоящее время происходят кардинальные социальные, технологические, политические и культурные «сдвиги» в обществе, которые заставляют по-новому подходить к проблемам взаимопонимания и коммуникации.

Учёные отечественной когнитивистики (А. Г. Баранов, С. Г. Воркачѳв, В. В. Воробьев, В. И. Карасик, О. А. Корнилов, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Ю. А. Сорокин, Ю. С. Степанов, Е. Ф. Тарасов, Л. О. Чернейко и др.) уделяют большое внимание исследованию организации и функционированию знаний в процессе устного и письменного перевода, культурологической составляющей когнитивных процессов. В своём исследовании культурно обусловленных и когнитивных факторов в переводе В. И. Хайруллин доказывает, что структурирование знаний языковой личности, характеризующих взаимоотношения между когнитивными категориями (материальные объекты, пространственно-временные отношения) и действиями, являются приоритетными для решения основных переводческих задач [16].

Сегодня начинают происходить очевидные изменения не только в различных сферах общественной жизни, но и в вопросах самосознания языковых личностей, исследования языковой картины мира и способах реализации в ней ЯЛ (труды Н.Д. Арутюновой, М.М. Бахтина, Г.И. Богина, А.А. Волкова, В.В. Виноградова, Ю.С. Степанова, З.Д. Поповой, Т.Г. Скребцовой, Ю.Н. Карасикова, Е.С. Кубряковой, В.И. Карасика, В.Н. Телия, Л.А. Шестак, А.Д. Шмелева и др.).

Ввиду многомерности феномена языковой личности, важно понимать, как он формируется, функционирует в речи, и от чего зависит процесс упорядочивания индивидуальных представлений о языке. Проблема изучения языковой личности в лингвистике глубокая и разноплановая: общаясь, люди выполняют роль как объектов, так и субъектов (одновременно и попеременно). Перед нами предстаёт не просто обмен информацией, но взаимовлияние говорящих на общий и частный когнитивный замысел.

Цель данной работы – обосновать перспективность и целесообразность лингвокогнитивного подхода при анализе ЯЛ устного синхронного/последовательного переводчика в ситуации перевода, которые влияют на процесс перевода, на степень концептуальной близости картины мира оратора и переводчика и, как следствие, на качество подачи перевода в ситуации устного синхронного перевода.

Актуальность нашего исследования обусловлена недостаточной разработанностью практических механизмов анализа ЯЛ устного переводчика, а также отсутствием практических исследований языковой личности устного переводчика, осуществляющих синхронный и/или последовательный перевод. На настоящий момент нет общей методологии проведения вербального и невербального анализа языковой личности устного переводчика, не полностью разработана оценка качества их работы.

Анализ и систематизация особенностей ЯЛ устных переводчиков ставят необходимым аспектом изучения ЯЛ на пике её проявления – в ситуации устного последовательного или синхронного перевода (далее – УПП или УСП соответственно). Идея проведения исследования особенностей функциональной стороны ЯЛ синхронного и последовательного переводчика родилась в резуль-

тате наблюдения, саморефлексии и желания использовать накопленный опыт с целью изучения языковой картины мира устных переводчиков и внедрения новых методик оценки и подготовки устных переводчиков. В рамках данного исследования в качестве магистрального отличия между синхронным и последовательным переводом мы принимаем время вербальной подачи сообщения на языке перевода по сравнению с временем получения информации на языке оригинала. К тому же, последовательный перевод предполагает либо выполнение переводческой скорописи, либо запоминание массива информации и последующую её передачу (в полном или сокращённом варианте). Синхронный перевод обычно выполняется с отставанием в 4-7 лексических единиц. Подобное исследование представляется нам чрезвычайно интересным и несомненно актуальным. Так, в процессе анализа мы рассматриваем репрезентацию ЯЛ с точки зрения когнитивистики, исследуем особенности вербального и невербального поведения устного переводчика в ситуации перевода, анализируем случаи переводческих ошибок и неудачных переводческих решений. Подобные исследования невозможны без анализа аудиовизуального ряда синхронных переводов, что усилило наш научный интерес к исследованиям в области когнитивного переводоведения.

2. Материал и методы исследования (METHODOLOGY AND MATERIALS)

Материалом исследования послужил корпус синхронных и последовательных аудиовизуальных переводов официально-делового и массмедийного дискурса. Наша работа характеризуется также новизной исследовательского материала: исследование проводится на базе значительного по объёму видеоматериала, а также особым вниманием к экстралингвистической стороне языковой личности. В данной работе мы анализируем вербальные и невербальные характеристики устного синхронного и последовательного перевода, выполненного профессиональными переводчиками. Массив практического материала составляет десять синхронных переводов, общей длительностью 60 мин., выполненных финалистами и полуфиналистами главного конкурса переводчиков России CosinesPi в 2018-2020 гг., а также два последовательных перевода, общей длительностью 120 мин., выполненными переводчиками МИД РФ в период с 2018 по 2021 гг. и опубликованные на сайте www.kremlin.ru. Объект исследования – анализируемые языковые личности – являются специалистами высокого уровня, обладают профессиональными компетенциями, что даёт разумное основание использовать выполненные ими переводы как переводы типовой элитарной ЯЛ устного переводчика. Аудиовизуальные фрагменты записей на русском и английском языках имеют продолжительность от 6 до 120 минут.

Нам представляется интересным и важным изучение функциональной стороны ЯЛ устного переводчика непосредственно в ситуации перевода телеинтервью [14]. Данный жанр массмедийного дискурса, на наш взгляд, наиболее сложный и одновременно показательный в дискурсе современного общества. Сложность анализа рассматриваемого жанра объясняется самой природой устного диалога, представляющего собой непосредственный процесс синхронного порождения речи и её восприятия. К тому же, изучение ЯЛ в ситуации устного перевода осложняется тем, что жанр телевизионного интервью многомерен, изменчив и, как правило, включает различные переменные: персоналии, политические/социальные институты, традиции, культуру, идеологию, СМИ и др. Данные переменные являются частью не только какой-либо конкретной картины мира, но и глобального контекста. К тому же в пределах одной ситуации устного перевода мы можем наблюдать сочетание и наложение переменных и сочетание различных форматов массмедийного дискурса. ЯЛ устного переводчика, таким образом, взаимодействует как с картиной мира говорящего(-их), так и с другими дискурсами (например, институциональные и не институциональные формы общения: правовой дискурс, научный дискурс, массмедийный дискурс, религиозный, бытовой, образовательный, рекламный, художественный, спортивный, военный, профессиональный и пр.). Всё вышперечисленное в совокупности, с одной стороны, объясняет всю сложность анализа ЯЛ в устном переводе, но с другой – позволяет исследовать новые грани проявления ЯЛ: личностные, профессиональные, этические, национальные и пр.

Интересным представляется мнение В.И. Карасика, представленное в его статье «Дискурсивное проявление личности», где учёный определяет факторы проявления личности в дискурсе. По его мнению, основные характеристики дискурсивной личности обусловлены содержанием (тематикой) общения, ведущими чертами его обобщённо-типовых участников, основным типом коммуникативной тональности, ведущим каналом коммуникации и её функциональной природой [6]. Мы считаем необходимым учитывать при лингвокогнитивном анализе ЯЛ устного переводчика обширную тематику и значительное количество прецедентных феноменов. Причём данное обстоятельство справедливо как для синхронных переводчиков, так и для переводчиков, осуществляющих последовательный перевод. Традиционно наибольшую сложность для устного перевода представляет проблема темпа и акцента оратора. В современных условиях общего ускорения темпа речи эта проблема актуальна для последовательного перевода, также как и для синхронного перевода. С учётом обширной тематики дискурса массмедиа и политического дискурса, предлагается классифицировать материал с точки зрения наблюдения за УПП или УСП, так как реализация устной «подахи» при выполнении устного перевода во многом зависит от скорости, связности и типа речи ораторов.

С целью познания структуры ЯЛ устного переводчика мы полагаем использование лингвокогнитивного подхода в качестве анализа вербальных, а также невербальных проявлений так называемого «незамечаемого фона» ЯЛ, включающего, с одной стороны, дискурсивные проявления различных разделов языка, а с другой – отсылки к прочим текстам (проявления интертекстуальности) и образование новых смыслов [14]. Таким образом, в центре нашего внимания оказывается целая форма реализации ЯЛ устного переводчика.

К числу методов, используемых в данном исследовании, относятся метод анализа когнитивных моделей, ориентированный на изучение интенции ЯЛ в момент перевода; метод прототипичной семантики вербально-семантического уровня, определяющий значение лексемы на основе чувственного восприятия в ситуации перевода; методы когнитивного анализа и когнитивного описания, изучающие репрезентацию знаний и компетенций ЯЛ за счёт языковых и словесных конструкций.

Лингвокогнитивный подход позволяет выявить особенности реализации и функционирования ЯЛ переводчика, наблюдаемых непосредственно в ситуации перевода. В рамках данного подхода при наблюдении за функционированием ЯЛ устного переводчика нам представляется значимым не только дешифровка значения высказывания оратора на иностранном языке, но и знание законов невербальной коммуникации, включающих в себя адаптивное переключение с учётом экстралингвистического фона ситуации перевода, наблюдаемого переводчиком в ситуации перевода. При комплексном подходе становится возможным обнаружить и проанализировать маркеры ЯЛ профессионального устного переводчика, определить глубину фоновых знаний устного переводчика, способность к адекватному переводу прецедентных феноменов, ментальных репрезентаций, а также оценить способность владения ЯЛ разными функциональными стилями в ситуации устного перевода. Особое внимание в ряде случаев (например, при исследовании значительно отличающихся картин мира) уделяем механизму интерпретации результатов, так как «один и тот же текст может вызывать у коммуникантов различные эмоции в зависимости от их ценностной ориентации» [7, с. 27].

3. Результаты исследования (RESULTS, ANALYSIS AND DISCUSSION)

В результате лингвокогнитивного анализа стало возможно говорить об интерпретации результатов на основании лингвистических проявлений ЯЛ и экстралингвистического фона в ситуации перевода. Говоря о «ситуации перевода», мы имеем ввиду мотивированный и целостный процесс устного синхронного/последовательного перевода, контекстно ограниченный в пространстве и времени [15]. На основании этого определения когнитивный анализ экстралингвистического

фона подразумевает интерпретацию содержания основного замысла говорящего, его целей, задач, влияния на аудиторию с учётом времени, места и контекста интервью, социального и профессионального статуса участников коммуникативной ситуации.

Считаем, что лингвокогнитивный подход при изучении лингвоперсонологии обусловлен необходимостью решения проблемы соотношения языка, культуры, мышления и профессиональных компетенций. Указанный подход позволяет изучить специфические черты отражения языковой личности с учётом отражения, как минимум, двух картин мира – «русской» и «английской», так как описание выбора переводческих стратегий и тактик, вербальной репрезентации ЯЛ невозможно без учёта актуальной концептуальной сферы родного/второго языка. Данный подход позволяет с большой степенью вероятности верифицировать оценку результатов исследования с учётом объективных сложностей при устном переводе как для самого переводчика, так и для стороннего наблюдателя-исследователя: скорость и темп речи оратора(-ов) и переводчика, паузацию, сторонние шумы, отсутствие визуального контакта между оратором и переводчиком, качество видеозаписи и т.д. Очевидно, что синхронный перевод является одним из самых сложных и энергозатратных направлений профессиональной деятельности [13]. С учётом результатов исследований когнитивистов и нейропсихологов можно полагать, что скорость обработки сигнала и точность результата на выходе, который демонстрируют профессиональные переводчики, задействует колоссальные силы и невозможна без многих лет практики [8]. Тем не менее успех даже опытного устного переводчика зачастую зависит от негативных факторов, которые оказывают значительное влияние на ход и подачу перевода, что, в свою очередь, отражается на результатах анализа.

К числу дестабилизирующих факторов в ситуации перевода мы относим:

- просодические особенности речи оратора (скорость, громкость, чёткость, темп речи, акцент, паузация);
- лексико-стилистические особенности речи оратора;
- синтаксические особенности речи оратора (сложносоставные полипредикативные предложения, нарушение логики высказывания и т.д.);
- психоэмоциональное состояние переводчика и личное отношение переводчика к теме.

Устный последовательный перевод также является высокоэнергозатратным не только для начинающих устных переводчиков, но и для опытных профессионалов ввиду длительных фрагментов речи оратора, подлежащих точному переводу.

При исследовании функциональной стороны ЯЛ мы столкнулись с вопросом объективной оценки результатов. Известно, что в синхронном переводе «подача» перевода, как правило, начинается с минимальным отставанием в 1-2 секунды, а иногда и вовсе одномоментно, на основании переводческого прогнозирования. Соответственно, мы анализировали и оценивали вербальное и невербальное поведение переводчика с учётом принимаемых языковой личности решений. Так, появляется возможность объективно анализировать речь, которая не была подготовлена, отрепетирована и отредактирована заранее, определить и интерпретировать индивидуальные вербальные маркеры проявления языковой личности, определить специфику гендерных инвариантов перевода, наблюдать просодические явления, провести лингвистический и экстралингвистический анализ, оценить качество выполнения переводов, составить типологию переводческих ошибок, изучить особенности просодии и невербального поведения переводчиков, оценить степень влияния скорости и темпа оратора на качество синхронного перевода.

Данные, полученные в результате анализа, дают разумные основания считать анализ проявлений ЯЛ УСП объективным, поскольку переводчики зачастую (за исключением переводов материалов сайта www.kremlin.ru, где степень «знакомства с текстом» заранее не представляется возможным верифицировать) не имели возможность изучить текст/материалы заранее. В свою очередь, именно формат интервью, будучи регулируемым, но неподготовленным процессом, ярко отражает проявления ЯЛ устного переводчика. Исследуемый формат отличается большей степенью неожиданности как для участников беседы, так и для переводчиков, именно поэтому вероятность переводческой ошибки возрастает в разы.

Таким образом, лингвокогнитивный анализ позволяет нам всесторонне изучить языковую личность. Внимание к вербальным и невербальным, внешним и внутренним проявлениям ЯЛ позволяет рассматривать любое проявление ЯЛ как процесс с точки зрения отражения картин мира, в то время как изолированный лингвистический или психолингвистический подход концентрируется только на анализе индивидуальных (вербальных/психологических) составляющих. Использование лингвокогнитивного подхода демонстрирует, что устный переводчик является одновременно объектом и субъектом возникновения новых смыслов высказывания.

Более точные данные с точки зрения дескриптивного переводоведения и перспективы мы предполагаем получить посредством процессуального анализа, то есть анализируя когнитивные процессы понимания и перевода речи, причины возникновения переводческих ошибок и оговорок. Подобные исследования обладают большой ценностью для современного переводоведения, а также способны пояснить процессы обработки информации и схемы принятия переводческих решений.

С учётом исследований З.Д. Поповой и И.А. Стернина, наш последующий анализ вербально-семантического уровня ЯЛ будет заключаться в следующем:

- методом сплошной выборки найти и описать состав вербальных и невербальных средств, репрезентирующих ЯЛ УСП;

- структурировать содержание ЯЛ УСП с учётом индивидуальных и национальных особенностей анализируемых личностей, выявить отличительные профессиональные характеристики типовой ЯЛ устного переводчика [12].

Для объективного исследования важно оценить параметры исходного текста, подлежащего переводу [11], то есть степень переводимости: определение среднего темпа речи оратора (количество слов, произносимых в минуту); анализ паузации. Классификация исследуемого материала включает две основные группы переводов интервью, различных по типу реципиента (коллективный/индивидуальный). Соглашаясь с мнением Д.С. Зигмантович, в исследуемых интервью мы определили «внутренние» и «внешние» речи: реципиентами первых являются носители языка оратора [3]. Примерами «внутренней речи» являются обращения к избирателям, парламенту, интервью национальным каналам, пресс-конференции для национальных изданий и пр. В таких случаях очень высокая степень предсказуемости, минимальное число метафор. В свою очередь, «внешние речи» предполагают трансляцию вне страны. Реципиентами «внешних речей» выступает мировая общественность [5]. Примерами внешних речей являются выступления на международных площадках, встречах, саммитах, обращения к другим нациям, народам.

При анализе материала мы находим подтверждение выводам исследования Д. С. Зигмантович относительно понятия «глубины» высказывания, которое определяет сложность устного перевода высказывания в зависимости от общего количества слов, темпа речи оратора [4]. В процессе перевода переводчик хранит в оперативной памяти информацию о предикате высказывания до завершения её восприятия. Известно, что оперативная память человека ограничена по своему объёму и может без потери включать от 6 до 9 единиц в период от 3 до 30 секунд. Переполнение памяти в следствие быстрого темпа оратора и/или высокой плотности данных приводит к частичной утрате исходного сообщения и переводческим ошибкам [18].

В нашем исследовании мы применяли комплексный подход при работе с «внешними речами» и «внутренними речами». Смысловое содержание может быть заложено в лексике и синтаксисе высказывания. Для устного перевода крайне важен визуальный контакт оратор-переводчик и просодическая составляющая, в то время как в письменном переводе достаточно просодических различий, которые частично представлены при помощи пунктуационных приёмов написания слов (например, использование курсива, жирного шрифта, знаков препинания). В связи с этим при исследовании УСП мы ориентировались на вербальную и невербальную коммуникацию, так как просодические характеристики выполняют смыслоразличительную функцию: паузация, фонация, направление тона, место фразового ударения, звуки-хезитации, регистр [7].

Анализ звучащей речи также включает в себя исследования смысловых пауз в речи оратора. Корректная интерпретация значений смысловых пауз играет важную роль для УСП, так как зачастую может обозначать наличие переносного смысла высказывания, акцентировать внимание, оказывать воздействие.

Одним из результатов исследования стало подтверждение влияния темпа речи оратора на успешную реализацию профессионального потенциала устным переводчиком. Так, темп речи является одним из ключевых параметров для эффективного межкультурного взаимодействия, восприятия и продуцирования речи с/на иностранном языке и оказания воздействия на аудиторию (И.Е. Абрамова, А. Ш. Барик, Г. В. Чернов, А. Ф. Ширяев, Р. К. Миньяр-Белоручев). Данные результата подтверждаются выводами Г. В. Чернова, что в ситуации перевода темп работы устного переводчика полностью определяется извне – оратором (информантом), говорящим на исходном языке, и, следовательно, «синхронность восприятия и порождения речи зависит от темпа речи оратора» [17, с. 43], что, соответственно влияет на степень переведённости, темп подачи перевода и наличие переводческих ошибок. По своему прагматическому содержанию и возможным последствиям для переговоров, ошибки передачи фактической информации с уверенностью можно считать наиболее серьёзными в синхронном переводе. В переводах анализируемого нами дискурса любое искажение информации может привести к серьёзным последствиям в межгосударственной коммуникации.

В качестве критериев определения скорости звучащей речи англоязычного оратора мы взяли за основу данные национального центра изучения голоса и речи (г. Клирфилд, США). В зависимости от темпа речи различают следующие разновидности речей:

- презентация, скорость 100 – 150 сл/мин. для комфортного восприятия.
- разговорный, скорость 120 – 150 сл/мин.
- аудиокнига/радиопередача/подкаст, скорость 150 – 160 сл/мин. для комфортного восприятия на слух.
- аукцион, скорость около 250 сл/мин.
- спортивные комментаторы, скорость 250 – 400 сл/мин. [20].

Таблица № 1. Соотношение внутренних и внешних речей ораторов в зависимости от темпа речи и количества слов за единицу времени.

«Внутренние» речи	М. Обама	Д. Трамп	Дж. Мартин	А. Винтур	М. Этвуд	
	1 107	1 428	1 122	1 201	1 075	Слова
	5 597	7 474	5 978	6 419	5 867	Знаки с пробелами
	158,14	223,47	174,49	171,57	165,13	Темп речи (слов/мин.)
«Внешние» речи	В. Путин интервью М. Келли		В. Путин интервью NBC К. Саймонс			
	3 612		11 400			Слова
	20 577		65 580			Знаки с пробелами
	133,77		142,5			Темп речи (слов/мин.)

При статистическом анализе речей ораторов количественный подсчёт осуществлялся поэтапно с учётом особенностей текста на языке оригинала:

- 1) подсчёт количества слов в исходном высказывании оратора;
- 2) средний темп речи оратора (слов/минуту);
- 3) подсчёт количества и длительности пауз.

Количество слов в предложении определяет глубину высказывания [4]. Поскольку в русском языке слова длиннее в среднем примерно на 20-30%, средним пределом комфортной скорости для переводчика при работе с английской речью будем считать 140 сл/мин. Данный выбор предела также подтверждается другими исследованиями по данной теме [2] и соответствует данным приведённых выше классификаций темпов речи.

В соответствии с данными анализа речей ЯИ, можно говорить о достаточной сложности для синхронного перевода всех исследуемых интервью. Сложность синхронного перевода определяется наличием элементов речи, которые усложняют или замедляют процесс устного синхронного перевода. К таким элементам мы относим: полипредикативные предложения, высокий темп речи оратора (выше 150 сл./мин.), нестандартная паузация, узконормативный акцент, высокая плотность встречаемости прецедентной информации (числительные, имена собственные), низкая чёткость артикуляции, узкоспециальные термины.

В результате опытно-экспериментального анализа устных переводов интервью нами использовались платформы Sonix и Slovotext. По данным исследования S. Louw программное обеспечение Sonix¹ позволяет добиться верифицируемых результатов и может быть использовано для методов лингво-когнитивного анализа [19]. Так, работа с указанной платформой позволила нам в режиме реального времени наблюдать и анализировать невербальную коммуникацию параллельно с речью оратора/переводчика, которая тематически преобразуется программой в текст с разметкой говорящего, указанием временных границ и пауз. Платформа Slovotext², созданная и совершенствуемая лингвистом-переводчиком, в течение нескольких секунд производит количественный и статистический анализ тезуруса, лексического состава говорящего, определяет среднее значение длины предложений. По результатам анализа составлены сравнительные таблицы, отражающие существенные различия в речевом поведении. Наряду с исследованием просодии платформа Sonix способствует проведению полномасштабного лингвистического исследования речи и экстралингвистического фона за счёт отображения подстрочника одновременно с видеоизображением говорящего. Помимо этого, программа позволяет быстро сформировать полные стенограммы устной речи с временной разметкой, паузацией, отражает степень неуверенности при говорении. Отметим, что на платформе Sonix программа автоматического распознавания текста не использует знаки пунктуации за исключением точек, которыми по умолчанию обозначаются паузы дольше 0,4 сек.

4. Заключение (CONCLUSION)

В ходе проведённого анализа становится возможным говорить о лингвистических и экстралингвистических особенностях речевого поведения ЯЛ субъектов интервью. Лингвокогнитивный анализ ЯЛ в ситуации перевода жанра телевизионного интервью представляет неподдельный интерес для лингвистического исследования; жанр телеинтервью требует от исследуемой ЯЛ переводчика применения разнообразных комплексных филологических методик и приёмов, направленных на когнитивную интерпретацию лингвистических и лингвокультурологических составляющих, интонационной вариативности при подаче перевода, владения фоновыми знаниями. Более того, в процессе перевода когнитивное пространство оратора влияет на восприятие и появление новых смыслов в когнитивном пространстве переводчика. С позиции переводоведения нам удалось проанализировать языковое содержание рассматриваемого жанра: метафоры, фразеологизмы, прецедентные феномены, цитаты, крылатые выражения, имена собственные, эмоционально окрашенную лексику. На лексико-семантическом уровне стилистика

¹ <https://sonix.ai/transcription-software>

² <http://www.slovotext.ru/About>

перевода реализуется за счёт использования лексических повторов, гиперболизации, эмфатики, парцелляции, синонимичного ряда. Результаты исследования позволяют подробнее определить особенности картины мира профессиональных устных переводчиков, вербального и невербального уровня организации ЯЛ, влияния экстралингвистического фона на успешность реализации устного перевода. Промежуточные теоретические результаты позволяют оценить репрезентацию ЯЛ устного переводчика, владение профессиональными компетенциями, эмоциональную организацию, этическую составляющую, мировосприятие, особенности невербального поведения.

© Уланова Е.Э., 2024

Список литературы

1. Бурдина З.Г. Грамматика и коммуникативно-когнитивные стратегии интерпретации текста (на материале современного немецкого языка) // *Филологические науки*. 1995. № 4. С.84–91.
2. Галло К. Презентации в стиле TED: 9 приёмов лучших в мире выступлений (пер. с английского). М.: Альпина Паблишер, 2015. 253 с.
3. Зигмантович Д.С. Воздействие паузации устной речи оратора на качество синхронного перевода // *Litera*. 2021. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-pauzatsii-ustnoy-rechi-oratorom-na-kachestvo-sinhronnogo-perevoda> (дата обращения: 10.10.2022).
4. Зигмантович Д.С. Синтаксис устной речи как дестабилизирующий фактор в устном синхронном переводе / Д. С. Зигмантович // *Русский язык и культура в зеркале перевода*. № 1. 2020. С. 94–105.
5. Зигмантович Д.С. Синтаксические особенности исходных речевых произведений как дестабилизирующий фактор в устном переводе (на материале речей американских политиков) // *Исследования языка и современное гуманитарное знание*. 2022. №1. www.cyberleninka.ru/article/n/sintaksicheskie-osobennosti-ishodnyh-rechevyh-proizvedeniy-kak-destabiliziruyuschiy-faktor-v-ustnom-sinhronnom-perevode-na (дата обращения: 14.09.2023).
6. Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности // *Вестник РУДН*. Серия: Лингвистика. 2016. №4. www.cyberleninka.ru/article/n/diskursivnoe-proyavlenie-lichnosti (дата обращения: 10.10.2022).
7. Кобозева И.М. Просодия как ключ к пониманию смысла и ее искажение в «Кривом зеркале» пунктуации / И.М. Кобозева, Л.М. Захаров // *Вестник ТГГПУ*. 2014. №2 (36). www.cyberleninka.ru/article/n/prosodiya-kak-klyuch-k-ponimaniyu-smysla-i-ee-iskazhenie-v-krivom-zerkale-punktuatsii (дата обращения: 10.10.2022). С. 27–32.
8. Кониная А.А. Синхронный перевод как экстремальный вид когнитивных процессов (обзор экспериментальных исследований) / А.А. Кониная, Т.В. Черниговская // *Вопросы психолингвистики*. 2018. №4 (38). www.cyberleninka.ru/article/n/sinhronnyy-perevod-kak-ekstremalnyy-vid-kognitivnyh-protseessov-obzor-eksperimentalnyh-issledovaniy (дата обращения: 10.10.2022).
9. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // *Язык и наука 20 века*. М., 1995. С. 114–238.
10. Лекова П.А. Лингвокогнитивный подход к анализу онимов в современной научной парадигме // *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2010. №2. www.cyberleninka.ru/article/n/lingvo-kognitivnyy-podhod-k-analizu-onimov-v-sovremennoy-nauchnoy-paradigme (дата обращения: 24.09.2022).
11. Павлова А.В. Оценка качества перевода // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета*. Проблемы языкознания и педагогики, no. 6 (45), 2012, p. 18–39.
12. Попова З.Д. *Когнитивная лингвистика* / З.Д. Попова, И.А. Стернин. М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. 315 с.
13. Стародубцева Е.А. Анализ особенностей синхронного перевода научных дискуссий // *Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института*. 2020. №3. www.cyberleninka.ru/article/n/analiz-osobennostey-sinhronnogo-perevoda-nauchnyh-diskussiy (дата обращения: 14.09.2023).
14. Уланова Е.Э. Исследование языковой личности синхронного переводчика в ситуации перевода // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2022. №1. www.cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-yazykovoy-lichnosti-sinhronnogo-perevodchika-v-situatsii-perevoda (дата обращения: 12.09.2023).
15. Уланова Е.Э. Лингвистические и экстралингвистические особенности репрезентации языковой личности устного переводчика // *Филология и человек*. 2022. №2. www.cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-i-ekstralingvisticheskie-osobennosti-reprezentsii-yazykovoy-lichnosti-perevodchika (дата обращения: 12.09.2023)
16. Хайруллин В.И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода: Дис. док. филол. наук. М.: МГЛУ, 1995. 355 с.
17. Чернов Г. В. *Основы синхронного перевода: учебник для институтов и факультетов ин.яз.* Москва: Высшая школа, 1987. 257 с.
18. Lederer M. *Simultaneous Interpretation // Units of Meaning and other Features*. Paris. 1978. P. 327. www.researchgate.net/publication/299763122_Simultaneous_Interpretation__Units_of_Meaning_and_other_Features. (accessed: 15.09.2023).
19. Louw S. Automated transcription software in qualitative research // *Proceedings of the International Conference*. 2021. www.sola.pr.kmutt.ac.th/dral2021/wp-content/uploads/2022/06/1.pdf (Accessed: 19 September 2023).
20. Интернет-ресурс: Среднее количество слов в минуту (15 примеров экспертов) [Average Words Per Minute Speaking (15 Experts Examples)] www.improvecpodcast.com/words-per-minute/. (Дата обращения 10.10.2022).

References

1. Burdina, Z.G. Grammatika i kommunikativno-kognitivnye strategii interpretatsii teksta (na materiale sovremennogo nemetskogo iazika) [Grammar and communicative and cognitive strategies of text interpretation (on the material of modern German)] / Z.G. Burdina. // *Filologicheskie nauki*. 1995. No 4. P.84–91.
2. Gallo, K. *K presentatsii v stile TED: 9 priemov luchshikh v mire vystupleniy (per. s angliyskogo)* [TED-style presentations: 9 techniques of the world's best speeches (translated from English)]. / K. Gallo. Moscow: Alpina Publisher, 2015. 253p.
3. Zigmantovich, D.S. *Vozdeystvie pauzatsii ustnoy rechi oratora na kachestvo sinkhronnogo perevoda* [The impact of speaker's oral pausing on the quality of simultaneous interpretation] // D.S. Zigmantovich. Moscow: Litera. 2021. №5. www.cyberleninka.ru/article/n/vozddeystvie-pauzatsii-ustnoy-rechi-oratorom-na-kachestvo-sinhronnogo-perevoda (Accessed 10 October 2022).
4. Zigmantovich, D.S. Sintaksis ustnoy rechi kak destabiliziruiushchii faktor v ustnom sinkhronnom perevode [Syntax of oral speech as a destabilizing factor in simultaneous interpretation] / D. S. Zigmantovich // *Russian language and culture in the mirror of translation*. № 1. 2020. P. 94–105.
5. Zigmantovich, D.S. Sintaksicheskie osobennosti iskhodnykh rechevykh proizvedenii kak destabiliziruiushchii faktor v ustnom perevode (na materiale rechev amerikanskikh politikov) [Syntactic features of source speech works as a destabilizing factor in interpreting (on the material of speeches of American politicians)] // *Issledovaniia iazika i sovremennoe gumanitarnoe znanie*. 2022. №1. www.cyberleninka.ru/article/n/sintaksicheskie-osobennosti-ishodnykh-rechevykh-proizvedeniy-kak-destabiliziruyushchii-faktor-v-ustnom-sinhronnom-perevode-na (Accessed 14 September 2023).
6. Karasik, V. I. Diskursivnoe proyavlenie lichnosti [Discursive representation of personality] // *Bulletin of PFUR. Series: Linguistics*. №4. 2016. P. 56–77. www.cyberleninka.ru/article/n/diskursivnoe-proyavlenie-lichnosti (Accessed 19 September 2023).
7. Kobozeva, I.M., Zakharov L.M. Prosodiia kak kliuch k ponimaniyu smysla i ee iskazhenie v “Krivom zerkale” punktuatsii [Prosody as a key to understanding the meaning and its distortion in the “Crooked Mirror” of punctuation] // *Bulletin of TGGPU*. №2 (36). 2014. www.cyberleninka.ru/article/n/prosodiya-kak-klyuch-k-ponimaniyu-smysla-i-ee-iskazhenie-v-krivom-zerkale-punktuatsii (Accessed: 10 October 2022). P. 27–32.
8. Konina, A.A., Chernigovskaya T.V. Sinkhronniy perevod kak ekstremalniy vid kognitivnykh protsessov [Conference translation as an extreme type of cognitive processes (review of experimental studies)] // *Voprosy psikholingvistiki*. №4 (38). 2018. www.cyberleninka.ru/article/n/sinhronnyy-perevod-kak-ekstremalnyi-vid-kognitivnykh-protsessov-obzor-eksperimentalnyh-issledovaniy (Accessed 19 September 2023).
9. Kubryakova, E.S. Evolutsiia lingvisticheskikh idei vo vtoroy polovine XX veka (opit paradigmalnogo analiza) [The Evolution of Linguistic Ideas in the Second Half of the 20th Century (Experience of Paradigmatic Analysis)] // *Iazik i nauka 20 veka*. Moscow, 1995. P. 114–238.
10. Lekova, P.A. Lingvokognitivniy podkhod k analizu onimov v sovremennoy nauchnoy paradigme [Linguocognitive approach to the analysis of onyms in the modern scientific paradigm] // *Bulletin of the Maikop State Technological University*. №2. 2010. www.cyberleninka.ru/article/n/lingvo-kognitivnyy-podhod-k-analizu-onimov-v-sovremennoy-nauchnoy-paradigme (Accessed 24 September 2023).
11. Pavlova, A.V. Otsenka kachestva perevoda [Evaluation of translation and interpretation quality] // *Bulletin of Perm national research polytechnical university. Problemi iasikoznaniia i pedagogiki*. No. 6 (45), 2012. P. 18–39.
12. Popova, Z.D., Sternin, I.A. *Kognitivnaia lingvistika* [Cognitive linguistics] / Z.D. Popova, I.A. Sternin. Moscow: AST, Vostok-West, 2007. 315p.
13. Starodubtseva, E.A. Analiz osobennostey sinkhronnogo perevoda nauchnykh diskussii [Analysis of the features of simultaneous translation of scientific discussions] // *Bulletin of Moscow Information and Technology University - Moscow Architectural and Civil Engineering Institute*. 2020. №3. www.cyberleninka.ru/article/n/analiz-osobennostey-sinhronnogo-perevoda-nauchnykh-diskussiy (Accessed 14 September 2023).
14. Ulanova, E.E. Issledovanie iazikovoy lichnosti sinkhronnogo perevodchika v situatsii perevoda [The study of linguistic personality of the simultaneous interpreter in the situation of translation] // *Humanities and Legal Studies*. 2022. №1. www.cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-yazykovoy-lichnosti-sinhronnogo-perevodchika-v-situatsii-perevoda (Accessed 12 September 2023).
15. Ulanova, E.E. *Lingvisticheskie i extralingvisticheskie osobennosti reprezentatsii iazikovoy lichnosti ustnogo perevodchika* [Linguistic and extra-linguistic features of the representation of the linguistic personality of the interpreter] // *Philology and Humans*. 2022. №2. www.cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-i-ekstralingvisticheskie-osobennosti-reprezentatsii-yazykovoy-lichnosti-perevodchika (Accessed 12 September 2023).
16. Khairullin, V.I. *Lingvokulturologicheskie i kognitivnye aspekty perevoda: dis. ... doc. filol. nauk.* [Linguocultural and cognitive aspects of translation] Doc. Filol. Nauk. Moscow: MGLOU, 1995. 355p.
17. Chernov, G.V. *Osnovi sinkhronnogo perevoda: uchebnik dlia institutov i fakul'tetov in.iaz.* [Fundamentals of simultaneous translation: a textbook for institutes and faculties of foreign languages]. Moscow: High School, 1987. 257p.
18. Lederer, M. Simultaneous Interpretation // *Units of Meaning and other Features*. Paris. 1978. P. 327. www.researchgate.net/publication/299763122_Simultaneous_Interpretation__Units_of_Meaning_and_other_Features (Accessed 15 September 2023).
19. Louw, S. Automated transcription software in qualitative research // *Proceedings of the International Conference*. 2021. www.sola.pr.kmutt.ac.th/dral2021/wp-content/uploads/2022/06/1.pdf (Accessed 19 September 2023).
20. 'Average Words Per Minute Speaking (15 Experts Examples)' www.improvepodcast.com/words-per-minute/ (Accessed 10 October 2022).

Сведения об авторе:

Уланова Екатерина Эдуардовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода КубГУ (Россия, Краснодар). Сфера научных и профессиональных интересов: прагматика, когнитивная лингвистика, лингвоперсонология, теория перевода, устный перевод.

E-mail: ekaterina.edu.ulanova@inbox.ru. ORCID ID 0000-0003-0007-3683.

About the author:

Ekaterina E. Ulanova – Cand. of Philological Sciences, Assistant Professor of Theory and Practice of Translation Department, KubSU (Russia, Krasnodar). Spheres of research and professional interest: pragmatics, cognitive linguistics, linguopersonology, theory of translation, intrepertation.

E-mail: ekaterina.edu.ulanova@inbox.ru ORCID ID 0000-0003-0007-3683.

Автор выражает особую благодарность доктору филологических наук, профессору Веронике Викторовне Катерминой за объективные рекомендации по совершенствованию исследования.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов при подготовке и публикации настоящей статьи.

* * *

OPTIMIZATION OF THE APPROACH TO TEACHING THE SECOND FOREIGN LANGUAGE

Elena A. Grinina, Anna M. Ionova, Marina M. Konkol

MGIMO UNIVERSITY
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. Learning a second foreign language remains a relevant issue in higher education, especially today when the need for changes in the educational process has become increasingly urgent. This research aims to justify the optimal approach that will make learning a second foreign language at MGIMO more attractive and beneficial, while improving students' language training and knowledge level with minimal cost. The research is based on survey data analysis of students and teachers that revealed the most pressing problems. The introduction of compulsory study of two foreign languages at MGIMO can serve as a catalyst for change, without which the process of learning a second foreign language will not yield desired results. A comparison between the current approach, which has been criticized by both students and teachers, and the approach proposed by the authors convincingly shows that optimization should involve all language departments and entail a range of measures, including providing a full six-semester program; revising the syllabus of the "Second Foreign Language" discipline to make it easier; reallocating hours for basic lexical-grammatical course compared to other aspects (language of specialty, translation depending on faculty profile); creating special lines of textbooks and teaching aids for the second foreign language that are interesting for students in terms of both content (relevant to the topic) and design (using digital technology capabilities). The article may be of interest to both foreign language teachers and university administrators. The proposed project will undoubtedly require effort and goodwill from both the deans and the language departments, as it entails a review of curricula and programs. However, its implementation will ultimately raise the significance of the second foreign language and improve the level of language training at MGIMO as a whole, thereby ensuring the competitiveness of graduates in the job market.

Keywords: second foreign language, new approach to teaching a second foreign language, content of education, working programs, mandatory study of two foreign languages, creation of new textbooks, linguodidactics

For citation: Elena A. Grinina, Anna M. Ionova, Marina M. Konkol (2024). Optimization of the approach to teaching the second foreign language. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(1), pp. 126–138. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-1-38-126-38>

ОПТИМИЗАЦИЯ ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ ВТОРОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Е.А. Гринина, А.М. Ионова, М.М. Конколь

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Обучение второму иностранному языку остаётся актуальной проблемой в сфере высшего образования, особенно сегодня, когда назрела необходимость перемен в учебном процессе. В основе данного исследования лежит обоснование оптимального подхода, который позволит вернуть утраченную привлекательность обучению второму иностранному языку в МГИМО, повысить качество языковой подготовки и уровень знаний, навыков и умений студентов. Отправной точкой исследования стали данные анкетирования студентов и преподавателей, которые выявили наиболее острые проблемы. Обязательное изучение двух иностранных языков в МГИМО может стать катализатором изменений, без которых процесс обучения второму иностранному языку не принесёт желаемых результатов. Сравнение двух подходов – нынешнего, ставшего объектом критики как со стороны студентов, так и со стороны преподавателей, и предлагаемого авторами статьи – убедительно показывает, что оптимизация должна коснуться всех языковых кафедр и предусматривать целый комплекс мер, среди которых следует выделить обеспечение полноценных шести семестров обучения, предусмотренных учебными планами; пересмотр рабочих программ дисциплины «Второй иностранный язык» в сторону их облегчения; перераспределение часов, отводимых на изучение базового лексико-грамматического курса по сравнению с другими аспектами (язык профессии, перевод в зависимости от профиля факультета); создание специальных линеек учебников и учебных пособий, предназначенных для второго иностранного языка и интересных для студентов как с точки зрения содержания (актуальных по тематике), так и оформления (с использованием возможностей цифровых технологий). Предложенный проект, безусловно, потребует усилий и доброй воли как со стороны деканатов, так и со стороны языковых кафедр, поскольку влечёт за собой пересмотр учебных планов и программ. Однако его реализация позволит, в конечном счете, поднять значимость второго иностранного языка, а также повысить уровень языковой подготовки в МГИМО в целом, обеспечивая тем самым конкурентоспособность выпускников на рынке труда.

Статья может представлять интерес как для преподавателей иностранных языков, так и для администрации вузов.

Ключевые слова: второй иностранный язык, новые подходы к обучению второму иностранному языку, содержание обучения, рабочие программы, обязательное изучение двух иностранных языков, создание новых учебников, лингводидактика

Для цитирования: Е.А. Гринина, А.М. Ионова, М.М. Конколь (2024). Оптимизация подхода к обучению второму иностранному языку. *Филологические науки в МГИМО*. 10(1), С. 126–138. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-1-38-126-138>

1. Введение

Обучение второму иностранному языку остаётся актуальной проблемой в сфере высшего образования, особенно сегодня, когда назрела настоятельная необходимость перемен в учебном процессе. В МГИМО МИД России, который является многопрофильным социально-экономическим и гуманитарным университетом с уникальной языковой подготовкой и международным признанием [24], в настоящее время преподают 53 иностранных языка – достижение, занесённое в Книгу рекордов Гиннеса. Согласно Образовательному стандарту высшего образования МГИМО МИД России (в актуальной редакции) каждый студент в обязательном порядке изучает два иностранных языка, одним из которых является английский язык [18].

Это предопределяет особый интерес к проблемам лингводидактики как в теоретическом, так и в практическом плане. Теоретических работ, выполненных учёными МГИМО и посвящённых второму иностранному языку (далее 2ИЯ), не так много. В первую очередь стоит отметить несколько исследований, представляющих несомненный интерес. Гуреева А.В., например, отмечает необходимость оптимизации условий изучения 2ИЯ, принимая во внимание интерференцию с первым иностранным языком и неосвоенность второго [11]; Конколь М.М. и Кочкина О.М. рассматривают оптимальность подходов к преподаванию иностранного языка в МГИМО на основе положений Образовательного стандарта Университета [14], а Бурина Е.В. делает упор на актуальные принципы обучения 2ИЯ, отмечая, тем не менее, недостаточную их разработанность в отечественной педагогической науке и необходимость их пересмотра и дополнения [2], [3]. Также вызывает интерес статья Е.Б. Ястребовой, М.А. Чигашевой и С.В. Евтеева, посвящённая ведению занятий по иностранному языку дистанционно в силу вынужденных обстоятельств [29].

Помимо МГИМО проблема обучения 2ИЯ активно разрабатывается в Московском государственном лингвистическом университете (ИНЯЗ им. Мориса Тореза). Исследователь Репникова Л.Н. подчёркивает необходимость оптимизации процесса обучения 2ИЯ за счёт пересмотра как методов преподавания, так и принципов отбора языкового материала [19]. В Московском институте экономики и управления в промышленности подробно изучают роль обучения 2ИЯ в высшей школе; анализируют актуальные методы и организацию процесса обучения. Особое внимание уделяют профессиональной деятельности преподавателя и педагогической практике [25].

Исследования по данной проблематике проводятся также и в других университетах России [13], [15], [23]. Так, например, учёные Томского политехнического университета отмечают, что решение проблемы оптимизации процесса обучения 2ИЯ является одним из ключевых в методике обучения и призвано повысить эффективность освоения дисциплины [30]. В Елецком государственном университете им. И.А. Бунина 2ИЯ рассматривают в качестве обязательной учебной дисциплины для студентов неязыковых направлений и рассуждают о необходимости пересмотра условий, в которых изучается данная дисциплина, а также о приёмах интенсификации процесса обучения за счёт тщательного отбора предъявляемого материала, который должен стать более продуктивным и менее разноплановым [1]. Исследователи из Уральского государственного университета путей сообщений полагают, что оптимизация обучения 2ИЯ должна осуществляться через мультилингвальный подход, поскольку, по их мнению, именно он призван обеспечить эффективность изучения за счёт принципов, лежащих в его основе [12].

В практической плоскости опыт преподавания 2ИЯ в МГИМО реализовался в создании линеек учебников по общему языку, специально предназначенных для преподавания 2ИЯ, авторами которых стали преподаватели языковых кафедр. Например, на кафедре немецкого языка, авторы учебников и учебных пособий изначально были нацелены на подготовку материалов специально для студентов второго языка [5], [6], [17], [18], [20], [21]. Материалы отличаются чёткой структурой и выверенным методическим подходом к его подаче, а также учитывают разный уровень подготовленности и мотивированности обучающихся [26].

Аналогичная ситуация на кафедре испанского языка. При разработке линейки учебников авторы отошли от сложившейся традиции и опирались не на литературные произведения, а на языковой материал из Интернета, что позволило наполнить уроки современной лексикой и выбрать актуальные по тематике тексты, представляющие интерес для студентов, в том числе с точки зрения лингвострановедения [8], [9], [10]. Методологически авторы стремились разумно сочетать классические принципы составления учебников с активным использованием коммуникативного подхода [7].

На кафедре французского языка также ведётся активная работа по созданию линейки учебников по лексико-грамматическому курсу, специально предназначенной для 2ИЯ [4], [20], [21], [27], [28]. Особое внимание на кафедре уделяется тренировке навыков работы с иноязычными информационными потоками, а компетентностный и коммуникативно-деятельностный подход, который на продвинутом этапе обучения позволяет моделировать реальную практику делового общения, получил теоретическое обоснование [22].

Анализ ситуации на кафедрах английского языка показал, что не везде преподавание базового лексико-грамматического курса ведётся по собственным учебникам. Некоторые кафедры используют учебники английского языка как иностранного британских издательств. Сильными сторонами таких учебников являются аутентичность, а также лексико-тематическое и страноведческое наполнение, однако, они не всегда соответствуют целям обучения, заявленным в рабочих учебных программах МГИМО по 2ИЯ.

Следует подчеркнуть, что на кафедрах английского языка имеется целый арсенал учебных пособий, которые используются вариативно, в зависимости от исходного уровня той или иной группы, что позволяет индивидуализировать процесс обучения и подобрать подходящий для каждой группы материал.

Проведённый анализ показывает, что ситуация с обеспеченностью учебниками и учебными материалами для лексико-грамматических курсов на большинстве кафедр иностранных языков выглядит, в целом, положительно. Однако в части, касающейся методического обеспечения курсов языка профессии, по всем без исключения языкам всё ещё существуют лакуны: по некоторым специальностям пособия, предназначенные для 2ИЯ, не разработаны, а используются более сложные по уровню материалы для первого языка.

Всё вышесказанное подчёркивает необходимость изменений подходов и поиска эффективных решений, позволяющих оптимизировать весь процесс обучения 2ИЯ.

II. Постановка задачи: анкетирование и выявленные проблемы

Отправной точкой настоящего исследования стали данные анкетирования студентов и преподавателей, анализ результатов которых выявил наиболее острые проблемы.

Предпосылкой для проведения анкетирования стали обозначившиеся в последние годы проблемы в рамках преподавания 2ИЯ в МГИМО. Многие студенты и преподаватели отмечают потерю мотивации у студентов к изучению 2ИЯ, что негативно сказалось на результатах их обучения и привело к многочисленным отказам от изучения 2ИЯ. Для более детального изучения проблемы и поиска путей выхода из сложившейся ситуации был инициирован проект «Изучение второго иностранного языка: проблемы, задачи, перспективы».

На первом этапе исследования проблем преподавания 2ИЯ в МГИМО экспертная группа под руководством заведующей кафедрой немецкого языка М.А. Чигашевой провела в 2021 году опросы студентов вторых и четвёртых курсов, а также преподавателей языковых кафедр, с целью выявить основные слабые точки в преподавании 2ИЯ в университете.

Опрос студентов показал, что подавляющее количество обучающихся признают важность изучения 2ИЯ для будущей профессии. В отчёте по результатам опроса отмечено, что отказ от изучения 2ИЯ неминуемо приведёт к снижению престижа и качества образования выпускников университета в целом. Проведённые опросы, исследования и наблюдения, а также подробный

и тщательный анализ результатов анкетирования студентов МГИМО, подтвердили наличие целого ряда объективных и субъективных трудностей. Обобщая научные и практические исследования в рамках данной проблемы, можно сделать следующие выводы.

К **объективным причинам** отсутствия ожидаемой положительной результативности процесса обучения 2ИЯ относятся:

- 1) Нерациональная и, как следствие, неэффективная организация учебного процесса и излишняя интенсивность проведения учебных занятий (особенно на начальном этапе обучения).

Как показывает практика, по мере продвижения учебной деятельности, у многих студентов мотивация снижается, уровень владения языком падает и на завершающем этапе во многих группах 2ИЯ наблюдаются низкие рейтинги, пропуски занятий и отсутствие систематической работы обучающихся над учебным материалом. Снижение успешности обучения, нежелание студентов прилагать дополнительные усилия объясняются в том числе и высокой учебной нагрузкой, желанием преподавателей интенсифицировать процесс обучения именно на начальной ступени изучения 2ИЯ. Такой подход незамедлительно отражается на качестве обучения. Образование пробелов, появление и накопление элементов отставания приводит к развитию частичной или хронической неуспеваемости студентов, справиться с которой становится сложно. Следует отметить, что в рамках опроса многие студенты отмечали потребность в комментариях и разъяснениях к оценкам их письменных работ и устных ответов, согласно установленным критериям. Подведение промежуточных итогов, анализ прогресса или причин регресса в изучении 2ИЯ, как показало анкетирование, играют для обучающихся существенную роль.

- 2) Необеспеченность в полной мере учебниками и учебными пособиями, адаптированными к целям и задачам обучения 2ИЯ.

Отбор содержания обучения 2ИЯ (лексико-грамматическая составляющая, темы и ситуации общения) во многом обеспечивается используемыми учебными материалами, не все из которых в полной мере соотносятся с целями обучения 2ИЯ. Сложность упражнений и заданий, перегруженность текстов для чтения и аудирования редко употребляемой лексикой и непростыми грамматическими структурами со сложным синтаксическим рисунком создают для студентов дополнительные барьеры. Необеспеченность в полной мере учебниками и учебными пособиями, адаптированными к целям и задачам обучения 2ИЯ в МГИМО, не позволяет гарантировать продуктивность и результативность процесса обучения.

- 3) Недостаточная методическая эффективность занятий по 2ИЯ.

В преподавании 2ИЯ важное значение приобретает методика проведения занятий. Вводимые преподавателем новые лексические единицы, грамматические структуры, образцы устной и письменной речи должны определяться коммуникативными потребностями обучающихся, а каждое учебное действие должно быть ситуативно обусловлено и направлено на совершенствование их умений во всех видах речевой деятельности. Вместе с тем сложность учебных задач, которые предлагаются студентам сегодня, не всегда отвечает принципу посильности и пошаговости. Трудности работы с аудио- и видеоматериалами вызваны недостаточно тщательным их отбором, что в итоге препятствует формированию у студентов навыка распознавания смысла звучащих фрагментов аутентичной иноязычной речи и декодирования видеoinформации, поступающей с экрана. Таким образом, возникает необходимость повышения методической эффективности занятий по 2ИЯ, которая неразрывно связана в том числе и с использованием новейших информационных технологий.

К **субъективным** трудностям относятся:

- 1) Сниженная мотивация студентов при отсутствии реальной перспективы использования 2ИЯ в повседневной и профессиональной деятельности.

Недостаточное отражение в учебном процессе профессиональной направленности, отсутствие у студентов представления о конкурентном преимуществе владения двумя иностранными языками демотивируют обучающихся в изучении 2ИЯ. Начиная учебу в университете, студенты нацелены на приобретение новых, в том числе профессиональных, знаний и умений в процессе

изучения всех дисциплин. Не имея возможности удовлетворить эту потребность в рамках изучения 2ИЯ, студенты теряют мотивацию и интерес к изучаемому языку. Этот факт подтверждают результаты анкетирования: если принявшие участие в опросе студенты второго курса ставят на первое место важность изучения 2ИЯ для будущей профессии и карьеры (64,7%), то к четвёртому курсу значимость профессионального компонента снижается до 57,8%, тем самым перемещаясь в списке приоритетов на третью позицию после утверждений «мне нравится язык» и «он расширяет мой кругозор». Более 20% опрошенных студентов называют причиной снижения интереса и мотивации отсутствие коммуникативного подхода к проведению занятий.

На повышение уровня мотивации студентов существенное влияние может оказать применение интерактивных методов обучения, таких, например, как метод проектов, «мозговой штурм», создание имитационных и учебно-игровых ситуаций, приближённых к практике профессионального общения.

- 2) Отсутствие, по мнению студентов, учёта реальных интересов и потребностей обучающихся при разработке содержательной стороны обучения 2ИЯ.

При отборе предметного содержания обучения 2ИЯ, для более активного вовлечения студентов в учебную деятельность необходимо учитывать и принимать во внимание не только языковой и речевой материал, предлагаемый для усвоения, но и сферы интересов молодёжной аудитории. На развитие учебной мотивации студентов положительно влияет тематика общения, отражающая реалии современной жизни, например, социальные сети как явление общественной жизни, экологические проблемы и их влияние на качество жизни, кризис семьи в современном обществе. Обновление тематики обсуждаемых проблем в сторону её актуализации с учётом приоритетов обучаемых способно, на наш взгляд, существенным образом повлиять на развитие мотивационно-побудительной сферы и личностной заинтересованности студентов в изучении 2ИЯ.

- 3) Невысокая учебная дисциплина (частые пропуски занятий, невыполнение домашних заданий).

По признанию самих студентов, на настоящий момент недостаточное внимание уделяется формированию у них более сознательного, ответственного отношения к дисциплине «Второй иностранный язык». При этом речь идёт не о повышении требований к глубине и объёму осваиваемого материала, а о соблюдении всеми участниками образовательных отношений одинаковых правил в рамках обучения: отсутствие опозданий и пропусков занятий, своевременное выполнение заданий, регулярная подготовка к занятиям. Таким образом, преподавателям необходимо активнее применять приёмы психолого-педагогического воздействия к студентам, которые склонны к регулярным нарушениям учебной дисциплины.

Как показывает анализ общего уровня учебной подготовки студентов, за последнее время в МГИМО увеличилось количество обучающихся, испытывающих трудности при изучении иностранных языков в целом. Такие студенты, как правило, одинаково не успевают ни по первому, ни по второму иностранному языку. При отсутствии усидчивости и прилежания они неоднократно пересдают зачёты и экзамены. Особенно часто такая картина наблюдается в разноуровневых группах, где вместе обучаются сильные и слабые студенты, что осложняет преподавателю выбор адекватной методики обучения. Среди общих причин, влияющих на качество обучения 2ИЯ, особо следует отметить:

- недостаток единого подхода при формулировании целей и задач обучения 2ИЯ на разных факультетах и в преподавании разных языков;
- неразработанность единых критериев оценки владения студентами иноязычной языковой и речевой компетенциями;
- отсутствие единых форм контроля по завершении семестра, учебного года и всего курса обучения.

По результатам первой части исследования в рамках проекта «Изучение второго иностранного языка: проблемы, задачи, перспективы» рабочей группой под руководством М.А. Чигашевой был сделан целый ряд предложений структурного, организационного, методического и кадрового характера, которые потенциально могли бы изменить сложившуюся ситуацию в лучшую сторону.

III. Содержание исследования

Настоящее исследование является второй частью названного выше проекта. В его основе лежит обоснование оптимального подхода, который позволит вернуть привлекательность как обучению, так и изучению 2ИЯ в МГИМО и принести максимальную пользу, повысив качество языковой подготовки и уровень знаний, навыков и умений студентов.

Целью исследования является разработка конкретных шагов и предложений, направленных на улучшение ситуации с преподаванием 2ИЯ в МГИМО.

Тщательный анализ указанных выше проблем обозначил необходимость внесения изменений в общий подход к обучению 2ИЯ как с организационной, так и с методической точки зрения.

Прежде всего, с целью повышения качества языковой подготовки, а также снижения академического стресса у обучающихся предлагается увеличить фактическую продолжительность изучения 2ИЯ на два месяца при сохранении предусмотренных учебными планами шести семестров без увеличения объёма осваиваемого материала. Этого легко можно достичь, если сдвинуть сроки обучения на семестр, то есть с середины первого до середины четвёртого курса¹.

Плюсы данного изменения состоят в том, что существующее в настоящее время содержание обучения 2ИЯ может быть более равномерно распределено на большее количество времени. Таким образом может быть снижена интенсивность учебной нагрузки, что позволит студентам пошагово входить в изучение нового материала, задаст адекватный для них темп подачи материала и предоставит больше времени на его усвоение. Всё это снизит эмоциональную и психологическую нагрузку на обучающихся, поскольку при увеличении времени, отводимого на изучение необходимого материала, они смогут более тщательно проработать базовые навыки, необходимые для успешного овладения 2ИЯ, и в дальнейшем с приложением меньших затрат освоить язык профессии и с большей уверенностью подойти к сдаче итогового экзамена на 4 курсе. Эта мера призвана также потенциально повысить возможность реального выхода обучаемых на требуемый уровень владения 2ИЯ.

Данное предложение, без сомнения, имеет и свои минусы. Во-первых, необходимо будет пересмотреть базовые учебные планы на предмет перераспределения трудоёмкости по дисциплинам. А во-вторых, потребуется пересмотр существующих рабочих программ дисциплины «Второй иностранный язык» на предмет перераспределения учебного материала по семестрам. Однако перенос второго иностранного языка на более ранний этап обучения (во второй семестр первого курса) возможен за счёт оптимизации распределения дисциплин в рамках всего периода обучения. Имеется в виду, что можно попробовать пересмотреть общую последовательность изучения предлагаемых бакалаврам дисциплин базовой и вариативной частей учебного плана. При предлагаемом переносе «освобождается» часть зачётных единиц в восьмом семестре обучения. Поэтому видится возможным осуществить перенос второго языка либо за счёт одной практико-ориентированной семестровой дисциплины, либо за счёт последовательного «сдвига» по семестрам нескольких дисциплин.

Эти вопросы, однако, находятся в ведении администрации вуза, руководства факультетов и соответствующих языковых кафедр и требуют внесения существенных изменений в организацию учебного процесса. Однако в силу серьёзности вопроса видится логичным начинать изменения с учебных планов и программ, именно в них закрепляется место и объём дисциплины в образовательной программе, это в конечном счете определяет её содержание.

¹ Данное предложение не касается изучения второго иностранного языка студентами факультета международных отношений и факультета управления и политики (направление подготовки «Мировая политика»), где преподавание второго языка осуществляется в течение всех 8 семестров обучения в бакалавриате.

Второй аспект, который требует безусловного внимания, это позиция преподавателей языковых кафедр к процессу работы в группах второго языка. Некоторые коллеги ошибочно полагают, что преподавание второго иностранного языка отличается от преподавания основного языка только количеством часов, за которые студентам необходимо дать тот же объём знаний, развить в них умения и навыки в том же объёме, что и на основном языке. Однако педагоги должны осознавать, что цели и задачи при обучении второму языку отличаются от целей и задач при обучении основному языку. От студентов, изучающих 2ИЯ, нельзя требовать того же объёма знаний и сформированности умений на том же уровне, что и у студентов, изучающих основной иностранный язык. При этом меньшее количество часов, отводимых на 2ИЯ, требует от преподавателя проявления бóльшего профессионального мастерства, умения отбирать и комбинировать наиболее подходящие методы и приёмы преподавания в зависимости от уровня подготовленности и мотивированности группы. Следовательно, кафедрам необходимо усилить работу по совершенствованию педагогического мастерства своих сотрудников, направить усилия на освоение ими современных методик преподавания иностранного языка. Для этого видится целесообразным на регулярной основе организовывать на кафедрах обмен опытом работы в группах второго языка, продвижению наиболее эффективных методов и приёмов обучения в лучших традициях языковых кафедр и с учётом новых тенденций лингводидактики (например, в форме методического семинара или конференции).

Третий аспект, требующий изменений в рамках оптимизации подхода к обучению 2ИЯ, это перераспределение учебной нагрузки с целью снижения её интенсивности: первые четыре семестра обучения отвести на общий лексико-грамматический курс, чтобы выйти на хороший разговорный уровень, а в оставшиеся два семестра сделать упор на язык профессии и формирование и развитие навыков перевода.

С этим связан и следующий аспект: содержание учебников и учебных пособий, по которым ведётся обучения 2ИЯ. Как уже отмечалось выше, некоторые специальности до сих пор не обеспечены отдельными пособиями для вторых языков, по которым может преподаваться язык профессии. Для этих целей в настоящее время нередко используются те же учебники и пособия, что и для основного языка. Принимая во внимание меньшее количество учебных часов, преподаватели сокращают объём материала, что, однако, не снижает уровень его сложности и нередко ведёт к возникновению дополнительных трудностей у обучающихся.

Многие исследователи, однако, отмечают, что профессионализация обучения иностранному языку благодаря своему контенту повышает мотивацию обучающихся, поскольку не только предлагает им новое содержание, но и расширяет их представление об ином профессиональном и культурном сообществе, подогревая интерес к профессиональной деятельности в рамках изучаемой специальности в целом. Исходя из этого, создание авторских линеек учебников по языку профессии становится сегодня одной из приоритетных задач в этом направлении.

Профессиональная направленность обучения 2ИЯ должна отражаться не только в содержании учебников и учебных пособий. Необходимо изменить подход и к отбору грамматического материала, который должен базироваться на принципе коммуникативной целесообразности, то есть при составлении учебных материалов авторы учебников и учебных пособий должны учитывать особенности профессионального общения на соответствующем 2ИЯ и включать в программу только грамматические явления, релевантные для условий профессионального общения на данном 2ИЯ.

Помимо двух вышеназванных принципов в основу создания учебников и учебных пособий по 2ИЯ должны, на наш взгляд, лечь также следующие:

- *принцип коммуникативной направленности обучения*, который призван нацеливать на обучение языку как средству межличностного и профессионального (устного и письменного) общения;
- *принцип когнитивной направленности*, который позволяет принимать во внимание закономерности познавательного процесса при изучении иностранного языка и особенности эмоционально-интеллектуальной и речемыслительной деятельности обучающихся;

- *принцип сознательности*, предполагающий не только осознанное отношение студентов к процессу овладения 2ИЯ как средством профессионального общения, но и осознание ими целесообразности применения языкового материала в соответствии с коммуникативной задачей, осознанное отношение к содержанию используемого речевого материала, а также знание особенностей культуры страны изучаемого языка;
- *принцип посильности и доступности*: учебные материалы, предлагаемые для изучения, должны быть посильны и доступны обучаемым как с точки зрения лексического и грамматического содержания (уровень и подача учебного материала должны соответствовать уровню подготовленности обучаемых), так и с точки зрения включения в содержание обучения лингвострановедческих данных, необходимость которых определяется целями обучения;
- *принцип дифференцированного обучения языковому материалу в зависимости от целей его усвоения*, который предполагает продуктивное или рецептивное усвоение языкового материала в зависимости от коммуникативной цели;
- *принцип функциональности*, заключающийся в том, что студенты параллельно овладевают всеми видами речевой деятельности (чтением, письмом, говорением, аудированием) как средством общения (непосредственного и опосредованного);
- *принцип спиралевидной прогрессии*, предполагающий цикличность обучения, доступность и пошаговость всех учебных действий, возврат к ранее изученному материалу и создание перспективы его дальнейшего углубления и расширения, поскольку формирование адекватного представления о том или ином лексическом, грамматическом или социокультурном явлении требует постепенности;
- *принцип опоры на родной и первый иностранный язык*, предполагающий, что при обучении лексике, грамматике и фонетике учитываются трудности, обусловленные различиями в родном и изучаемом языке / изучаемых языках (педагогическая грамматика);
- *принцип опоры на родную культуру, а также культуру страны основного изучаемого языка*, учитывающий при обучении 2ИЯ необходимость сопоставления родной культуры обучающихся с культурой страны изучаемого основного и второго ИЯ.

Следование перечисленным принципам является залогом не только успешного создания учебников и учебных пособий по 2ИЯ, но и важной предпосылкой для успешности всего процесса обучения 2ИЯ при условии, что эти принципы реализуются в системе.

В настоящее время в МГИМО действует система академического рейтинга, устанавливающая единые подходы к оценке качества знаний студентов и их академической активности. Формы и порядок проведения зачётов и экзаменов регулируются «Положением о промежуточной аттестации». Согласно данному Положению, студент, имеющий итоговый рейтинг по иностранному языку 70% и выше, получает зачёт автоматически. Важно, однако, отметить, что с момента введения данной системы преподаватели иностранных языков отмечают значительное снижение уровня знаний студентов по иностранному языку, поскольку возможность получения зачёта «автоматом» исключает повторение студентами материала в конце семестра. Данная система, к сожалению, позволяет многим студентам сконцентрировать свои усилия на получении соответствующего рейтингового балла, а не на усвоении реальных знаний и развитии необходимых компетенций. Причём достаточный для получения зачёта «автоматом» рейтинговый балл студенты могут получить не выполняя всех необходимых требований к усвоению программы: некоторые студенты не регулярно посещают занятия, не регулярно выполняют домашние задания, но написанные на достаточно высокую оценку (зачастую не совсем честным путём) контрольные работы и тесты позволяют им в конце семестра получить искомые 70%. Кроме того, не секрет, что некоторые преподаватели «жалуют» студентов и, дабы не выводить их на устный зачёт, повышают им рейтинговую оценку. В итоге выставленная оценка не отражает реальных знаний студентов. А в следующем семестре, когда студентам приходится сдавать устный экзамен, они испытывают значительный стресс, сталкиваясь с серьёзными трудностями при подготовке к нему, поскольку приходится возвращаться к материалу предыдущей ступени обучения, не освоенному студентом на должном уровне.

В рамках решения задачи повышения уровня знаний студентов видится необходимым отказать от практики выставления зачета «автоматом» по иностранному языку и вернуться к обязательному для всех студентов зачёту в форме устного опроса. Данная система, во-первых, позволит студентам повторить и систематизировать знания, полученные в течение семестра. Во-вторых, она заставит студентов ответственнее относиться к посещению занятий и выполнению всех текущих и итоговых письменных работ по иностранным языкам, что, несомненно, скажется на их уровне знаний. В-третьих, систематический объективный контроль будет способствовать тому, что и преподаватели станут ответственнее относиться к выставлению оценок студентам. И, наконец, студенты будут чётко понимать, на каком уровне находятся их знания в конце каждого семестра, смогут реально оценить свои умения и сделать выводы, чтобы лучше подготовиться к последующему экзамену, не испытывая дополнительный стресс. Исходя из вышеизложенного, предлагается формой промежуточной аттестации по иностранным языкам считать обязательный устный зачёт, а автоматическое выставление зачётов допускать только по специальным дисциплинам. Рейтинговая оценка при этом будет учитываться при выставлении оценки на устном зачёте, однако она может быть скорректирована в большую или меньшую сторону в зависимости от результатов ответа.

IV. Заключение

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что важность дисциплины «Второй иностранный язык» в актуальных условиях не подвергается сомнению, поскольку владение двумя иностранными языками является безоговорочным преимуществом на современном рынке труда. Возвращение обязательного изучения двух иностранных языков в МГИМО было положительно воспринято как студентами, так и преподавателями. Однако формального приказа может оказаться недостаточно для успешной реализации этой инициативы. Необходимость внесения изменений в учебный процесс очевидна и сегодня стоит на повестке дня. И такие изменения как обеспечение полноценных шести семестров обучения, пересмотр рабочих учебных планов, перераспределение часов на аспекты, создание новых учебников и учебных пособий, на наш взгляд, могут привести к желаемому результату. Перенос начала занятий по 2ИЯ на середину первого курса потребует от деканатов пересмотра рабочих учебных планов и программ. Усилия преподавателей языковых кафедр должны быть направлены на создание новых линеек учебников и учебных пособий, специально предназначенных для 2ИЯ. А организация межкафедрального семинара для обмена профессиональным опытом и повышения квалификации преподавателей, работающих в группах второго языка, может способствовать выработке единого подхода к преподаванию 2ИЯ, а также общей стратегии и критериев оценки уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции, которые на разных языковых кафедрах не должны отличаться друг от друга.

Таким образом, авторам настоящего исследования представляется, что только комплексная и последовательная реализация предлагаемых мер позволит улучшить качество языковой подготовки обучающихся, что в итоге повысит их конкурентоспособность на рынке труда и репутацию МГИМО как одного из ведущих вузов, выпускающих специалистов со знанием иностранных языков на высоком уровне.

© Е.А. Гринина, А.М. Ионова, М.М. Конколь, 2024

Список литературы

1. Архангельская Н.Н. Интенсификация процесса обучения второму иностранному языку в вузе / Н. Н. Архангельская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12–2(78). С. 185–187.
2. Бурина Е.В. Современные принципы обучения второму иностранному языку / Е.В. Бурина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2013. № 4. С. 103–109.
3. Бурина Е.В. Стратегические задачи и методические функции преподавателя второго иностранного языка / Е. В. Бурина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2013. № 4. С. 130–134.

4. Бусурина Е.Ю. Учебное пособие «Франция во всём многообразии» / «La France sous tous les angles» / Уровень В1 / Е.Ю. Бусурина, Е. И. Иванцова / электронная версия, готовится к публикации.
5. Винтайкина Р.В. Уроки немецкого: учебное пособие. В. 2 ч.: Ч.1. Уровень В1 / Р.В. Винтайкина, Н.Н. Новикова, Н.Н. Саклакова ; отв. ред. А.М. Ионова ; МГИМО (У) МИД России, Каф.нем. яз. Москва : МГИМО-Университет, 2014. 300 с.
6. Винтайкина Р.В. Уроки немецкого: учебное пособие. В. 2 ч.: Ч.2. Уровень В1 / Р.В. Винтайкина, Н.Н. Новикова, Н.Н. Саклакова ; отв. ред. А.М. Ионова ; МГИМО (У) МИД России, Каф.нем. яз. Москва : МГИМО-Университет, 2015. 297 с.
7. Грина Е.А. Лингводидактика в неязыковом вузе: «Español actual A1-A2». // Вопросы иберо-романистики. Выпуск 12. М.: МАКС Пресс, 2013. С.17–22.
8. Грина Е.А. Español actual. Уровень А1-А2. Современный испанский язык. Начальный курс / Е.А. Грина, Ю.И. Микаэлян. 2-е изд., испр. и доп. М.: МГИМО-Университет, 2017. 240 стр.
9. Грина Е.А. Современный испанский язык = Español actual: продолжающий курс: учебник: уровень В1 / Е. А. Грина, Ю. И. Микаэлян. Москва: МГИМО-университет, 2021. 296 стр.
10. Грина Е.А. Español actual = Современный испанский язык: углублённый курс: учебник: уровень В2 / Е. А. Грина, Ю.И. Микаэлян, Н. А. Михеева; под ред. А.В. Дементьева; М.: МГИМО-Университет, 2020. 277 стр.
11. Гуреева А.В. Развитие методики обучения второму иностранному языку студентов: на примере немецкого языка / А. В. Гуреева // Современное педагогическое образование. 2022. № 4. С. 89–91.
12. Друцко Н. А. Обоснование применения принципов обучения второму иностранному языку в рамках мультилингвального подхода / Н.А. Друцко // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 12. С. 156–159. DOI 10.24158/spp.2017.12.33.
13. Заседателева М.Г. Основы методики обучения второму иностранному языку / М.Г. Заседателева, С.Л. Мишланова, А.А. Филиппова, Т.Ю. Вавилина. Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2019. 276 с. ISBN 978-5-93162-146-3.
14. Конколь М.М. Анализ подходов к иноязычной подготовке специалистов-международников (на примере МГИМО МИД России) // М.М. Конколь, О.М. Кочкина // Педагогика и просвещение. 2022. № 4. С. 34–47. DOI: 10.7256/2454-0676.2022.4.39201
15. Марковских О.В. Обучение студентов управленческих специальностей второму иностранному языку с применением современных технологий / О. В. Марковских // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 5. С. 115–124.
16. Образовательный Стандарт МГИМО [Официальный портал МГИМО. [Электронный ресурс] – URL: <https://mgimo.ru/sveden/eduStandards/> (дата обращения: 05.11.2023)].
17. Принципалова О. В. Im Klartext: Часть I. Уровень А1: Учебное пособие / О.В. Принципалова, Н.Е. Меркиш, Т.П. Кирина; под ред. А.М. Ионовой. Москва: Прометей, 2020. 224 с.
18. Принципалова О.В. Im Klartext: Часть II. Уровень А2: Учебное пособие / О. В. Принципалова, Н.Е. Меркиш, Т.П. Кирина; под ред. Е.А. Зиминной. Москва: Прометей, 2021. 228 с.
19. Репникова Л. Н. Возможности оптимизации процесса преподавания второго иностранного языка / Л.Н. Репникова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 5(744). С. 246–255.
20. Саклакова Н.Н. Немецкий язык. Шаг за шагом: учебное пособие. В 2 ч., Ч.1, Уровень А1 / Н. Н. Новикова, Н.Н. Саклакова, Р.В. Винтайкина; под ред. Т.В. Заец. М.: МГИМО-Университет, 2019. 3-е изд., доп. и расш. 366 с.
21. Саклакова Н.Н. Немецкий язык. Шаг за шагом: учебное пособие. В 2 ч. Ч.2, Уровень А2 / Н. Н. Новикова, Н.Н. Саклакова, Р.В. Винтайкина; под ред. Т.В. Заец. М.: МГИМО-Университет, 2021. 3-е изд., доп. и расш. 320 с.
22. Селиванова Н.А. Формирование иноязычной информационной компетенции в курсе обучения французскому языку будущих экономистов-международников (продвинутый этап) / Н.А. Селиванова, А.Ю. Шашурина, Л.Л. Читахова. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2020. №11. С. 127–131.
23. Сидакова Н.В. Обучение второму иностранному языку как билингвальный процесс в образовании студентов неязыковых специальностей / Н. В. Сидакова // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5, № 3(16). С. 185–189.
24. Стратегия развития МГИМО на 2020–2025 годы. Основные положения. [Официальный портал МГИМО. [Электронный ресурс] – URL: https://mgimo.ru/upload/2020/01/MGIMO-strategy_2020-2025_text.pdf (дата обращения 11.11.2023)].
25. Флеров О. В. Особенности преподавания второго иностранного языка в нелингвистическом вузе / О.В. Флеров // Современное образование. 2015. № 1. С. 1–25. DOI: 10.7256/2409-8736.2015.1.14101
26. Чигашева М.А. Профессиональная направленность языковой подготовки по немецкому языку в вузе / М.А. Чигашева // Иностранные языки в школе. № 10, 2017. С. 64–68.
27. Эрстлинг Л.В. Accent français A1. Французский язык для начинающих / Л.В. Эрстлинг, М. Л. Петрова. М.: Буки Веди, 2018. 220 с.
28. Эрстлинг Л.В. Accent français A2: учебник французского языка / Л.В. Эрстлинг, М. Л. Петрова. Москва: Буки Веди, 2020. 288 с.
29. Ястребова Е. Б. Языковое образование в вузе: уроки вынужденного перехода в онлайн / Е.Б. Ястребова, М.А. Чигашева, С.В. Евтеев // Образование и наука. Т. 24, № 5, 2022. С. 11–40.
30. Ястребова Л. Н. Пути оптимизации процесса обучения английскому языку как второй педагогической специальности / Л.Н. Ястребова // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 7(135). С. 155–158.

References

1. Arhangel'skaya, N.N. Intensifikatsiia protsessa obucheniia vtoromu inostrannomu iazyku v vuze [Intensification of the process of teaching a second foreign language at the university]. // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2017. № 12–2(78). Pp. 185–187.
2. Burina, E.V. Sovremennye printsipy obucheniia vtoromu inostrannomu iazyku [Modern principles of teaching a second foreign language] // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serii: Psikhologiya i pedagogika*. 2013. № 4. Pp. 103–109.
3. Burina, E.V. Strategicheskie zadachi i metodicheskie funktsii prepodavatelya vtorogo inostrannogo iazyka [Strategic tasks and methodical functions of the teacher of the second foreign language] // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serii: Voprosy obrazovaniia: iazyki i spetsial'nost'*. 2013. № 4. Pp. 130–134.
4. Busurina, E.YU., Ivantsova, E.I. Uchebnoe posobie «Frantsiia vo vsem mnogoobrazii» [«France in all its diversity» Level B1] // «*La France sous tous les angles*» / Uroven' B1, gotovitsia k publikatsii.
5. Vintajkina, R.V., et al. *Uroki nemetskogo: ucheb. posobie*. V. 2 ch.: CH.1. Uroven' B1. [Lessons of German: textbook. V.1 Level B1] MGIMO (U) MID Rossii, Kaf.nem. iaz. Moskva : MGIMO-Universitet, 2014. 300 p.
6. Vintajkina R.V., et al. *Uroki nemetskogo: ucheb.posobie*. V. 2 ch.: CH.2. Uroven' B1 [Lessons of German: textbook. V.2 Level B1] MGIMO (U) MID Rossii, Kaf.nem. iaz. Moskva : MGIMO-Universitet, 2015. 297 p.
7. Grinina, E.A. Lingvodidaktika v neiazykovom vuze: «Español actual A1-A2». [Linguodidactics in a non-language university: “Actual Spanish A1-A2”] // *Voprosy ibero-romanistiki. Vypusk 12*. M.: MAKSPress, 2013. S.17–22.
8. Grinina, E.A., Mikaelyan, Yu.I. *Español actual. Uroven' A1-A2. Sovremenny ispanskiy iazyk. Nachal'ny kurs* [Actual Spanish. Level A1-A2. Modern Spanish language. Elementary course] / E.A. Grinina, Yu.I. Mikaelyan. 2-e izd., ispr. i dop. M.: MGIMO-Universitet, 2017. 240 s.
9. Grinina, E.A., Mikaelyan, Yu.I. *Sovremenny ispanskiy iazyk = Español actual: prodolzhaushchiy kurs: uchebnik: uroven' B1* [Modern Spanish = Actual Spanish: continuing course: textbook: level B1] / E. A. Grinina, YU. I. Mikaelyan. Moskva: MGIMO-Universitet, 2021. 296 s.
10. Grinina, E.A., et al. *Español actual = Sovremenny ispanskiy iazyk: uglublenny kurs: uchebnik: uroven' B2* [Actual Spanish = Modern Spanish: advanced course: textbook: level B2] MGIMO-Universitet, 2020. 277 p.
11. Gureeva, A.V. Razvitie metodiki obucheniia vtoromu inostrannomu iazyku studentov: na primere nemetskogo iazyka [Development of the methodology of teaching a second foreign language to students: by the example of German language] / A. V. Gureeva // *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. 2022. № 4. S. 89–91.
12. Drucko, N.A. Obosnovanie primeneniia printsipov obucheniia vtoromu inostrannomu iazyku v ramkakh mul'tilingval'nogo podkhoda [Justification of the application of the principles of teaching a second foreign language within the framework of multilingual approach] / N.A. Drucko // *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 2017. № 12. S. 156–159. DOI 10.24158/spp.2017.12.33.
13. Zasedateleva, M.G., et al. *Osnovy metodiki obucheniia vtoromu inostrannomu iazyku* [Fundamentals of methodology of teaching a second foreign language]. CHelyabinsk : Biblioteka A. Millera, 2019. 276 p. ISBN 978-5-93162-146-3.
14. Konkol', M.M., Kochkina, O.M. Analiz podkhodov k inoiazychnoy podgotovke spetsialistov-mezhdunarodnikov (na primere MGIMO MID Rossii) [Analysis of approaches to foreign language training of international specialists (on the example of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia)] // *Pedagogika i prosveshchenie*. 2022. № 4. S. 34–47. DOI: 10.7256/2454-0676.2022.4.39201
15. Markovskikh, O.K.V. Obuchenie studentov upravlencheskih spetsial'nostey vtoromu inostrannomu iazyku s primeneniem sovremennykh tekhnologiy [Teaching students of managerial specialties a second foreign language with the use of modern technologies]. // *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2012. № 5. S. 115–124.
16. *Obrazovatel'ny Standart MGIMO* [Ofitsial'ny portal MGIMO. [Elektronnyy resurs] [MGIMO Educational Standard [MGIMO Official Portal. Electronic resource] URL: <https://mgimo.ru/sveden/eduStandarts/> (Accessed: 05.11.2023)].
17. Printsipalova, O.V., et al. *Im Klartext: Chast' I. Uroven' A1: Uchebnoe posobie* [Im Klartext: Part I. Level A1: Textbook]. Moskva: Prometey, 2020. 224 p.
18. Printsipalova, O.V., et al. *Im Klartext: Chast' II. Uroven' A2: Uchebnoe posobie* [Im Klartext: Part I. Level A1: Textbook]. Moskva: Prometey, 2021. 228 p.
19. Repnikova, L.N. Vozmozhnosti optimizatsii protsessa prepodavaniia vtorogo inostrannogo iazyka [Possibilities of optimizing the process of teaching the second foreign language] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2016. № 5(744). P. 246–255.
20. Saklakova, N.N., Novikova, N.N. *Nemetskiy iazyk. Shag za shagom: uchebnoe posobie. V 2 ch., Ch.1, Uroven' A1* [German language. Step by step: textbook. In 2 parts, Part 1, Level A1]. MGIMO-Universitet, 2019. 3-e izd., dop. i rassh. 366 p.
21. Saklakova, N.N., Novikova, N.N. *Nemetskiy iazyk. Shag za shagom: uchebnoe posobie. V 2 ch. Ch.2, Uroven' A2* [German language. Step by step: textbook. In 2 parts, Part 1, Level A2]. MGIMO-Universitet, 2021. 3-e izd., dop. i rassh. 320 p.
22. Selivanova, N.A., et al. Formirovanie inoiazychnoy informatsionnoy kompetentsii v kurse obucheniia frantsuzskomu ikazyku budushchikh ekonomistov-mezhdunarodnikov (prodvinuty etap) [Formation of foreign-language information competence in the course of teaching French to future international economists (advanced stage)] // *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serii «Gumanitarnye nauki»*. 2020. №11. P. 127–131.
23. Sidakova, N.V. Obuchenie vtoromu inostrannomu iazyku kak bilingval'ny protsess v obrazovanii studentov neikazykovykh spetsial'nostey [Teaching a second foreign language as a bilingual process in the education of students of non-linguistic specialties] // *Baltiyskiy humanitarny zhurnal*. 2016. V. 5, № 3(16). P. 185–189.
24. *Strategiya razvitiya MGIMO na 2020–2025 gody. Osnovnye polozeniia*. Ofitsial'ny portal MGIMO. [Elektronnyy resurs] [MGIMO Development Strategy for 2020-2025. Main provisions. MGIMO official portal. [Electronic resource]. URL: https://mgimo.ru/upload/2020/01/MGIMO-strategy_2020-2025_text.pdf (Accessed: 11.11.2023)]
25. Flerov, O.V. Osobennosti prepodavaniia vtorogo inostrannogo iazyka v nelingvisticheskom vuze [Peculiarities of teaching the second foreign language in a non-linguistic higher education institution]. *Sovremennoe obrazovanie*. 2015. № 1. P. 1 – 25. DOI: 10.7256/2409-8736.2015.1.14101

26. Chigasheva, M.A., Ionova, A.M. Professional'naiia napravlennost' iazykovoy podgotovki po nemetskomu iazyku v vuze [Professional orientation of language training in German language in higher education] // *Inostrannye iazyki v shkole*. № 10, 2017. P. 64–68.
27. Erstling, L.V., Petrova, M.L. *Accent français A1*. [Frantsuzskiy iazyk dlia nachinaiushchikh] [Accent français A1. French for beginners]. M.: Buki Vedi, 2018. 220 p.
28. Erstling, L.V., Petrova, M.L. *Accent français A2: uchebnik frantsuzskogo iazyka* [Accent français A2: textbook of the French language]. Moskva: Buki Vedi, 2020. 288 p.
29. Yastrebova, E.B., et al. Iazykovoie obrazovanie v vuze: uroki vynuzhdenogo perekhoda v onlain [Language education in higher education: lessons of forced transition to online] // *Obrazovanie i nauka*. V. 24, № 5, 2022. P. 11–40.
30. Iastrebova, L.N. Puti optimizatsii protsessu obucheniia angliiskomu iazyku kak vtoroy pedagogicheskoy spetsial'nosti [Ways to optimize the process of teaching English as a second pedagogical specialty] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2013. № 7(135). P. 155–158.

Сведения об авторе:

Гринина Елена Анатольевна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: социолингвистика, история романских языков, лингвокультурология, каталанистика.
E-mail: eagrinnina@yandex.ru. ORCID ID 0000-0003-4005-1895

Ионова Анна Михайловна – доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкого языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: лингводидактика, методика преподавания иностранных языков для профессиональных целей, межкультурный подход, лингвокультурология, развитие компетенции гражданственности.
E-mail: a.ionova@my.mgimo.ru ORCID ID 0000-0001-7725-850X

Конколь Марина Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка №3 МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: подходы к преподаванию иностранного языка профессий и формирование компетенций, межкультурная коммуникация, сертификация лингвистических компетенций.
E-mail: m.konkol@my.mgimo.ru ORCID ID 0000-0003-1664-4153

About the authors:

Elena A. Grinina, PhD, is Associate Professor of the Department of the Spanish Language, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: sociolinguistics, history of Romance languages, linguoculturology, Catalan studies.
E-mail: eagrinnina@yandex.ru ORCID ID 0000-0003-4005-1895

Anna M. Ionova, PhD, is Associate Professor of the Department of the German Language, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: linguodidactics, methodology of teaching foreign languages for professional purposes, intercultural approach, linguoculturology, development of citizenship competence.
E-mail: a.ionova@my.mgimo.ru ORCID ID 0000-0001-7725-850X

Marina M. Konkol, PhD, is Associate Professor of Department of the English Language №3, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: approaches to teaching a professional foreign language and development of competences, intercultural communication, testing and certification.
E-mail: m.konkol@my.mgimo.ru ORCID ID 0000-0003-1664-4153

* * *

REMINISCENCE OF THE EXISTENTIALISM PHILOSOPHY IN HINDI LITERATURE

Ksenia A. Lesik¹, Guzel V. Strelkova²

¹ *Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
53/2, bld. 1, Ostozhenka street, Moscow, 119021, Russia*

² *Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Moscow
12/1, Building 1, Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031, Russia
Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
11, bld.1, Mohovaya street, Moscow, 125009, Russia*

Abstract. This article is focused on the peculiarities of the perception of existential philosophy in modern Indian literature of the late 20th–21st centuries. The research is based on the stories of Hindi writers – Kunwar Narain (1927–2017) and Nirmal Varma (1929–2005). Their works is the brightest example of existential literature. The research is also based on two English novels by Indian-born writers Anita Desai (born 1937) “*Where Shall We Go This Summer?*” and Upamanyu Chatterjee (born 1959) “*English August*”. Despite the renewed interest in existentialism in modern literature, known as *neuro-existentialism*, the study of which takes place with the participation of the latest achievements of neuroscience, there are still few analyses in Russian Indology that are aimed at studying the influence of this philosophical trend on Hindi works and postcolonial literature. The aesthetics of existentialism is quite pronounced, moreover, they, creating a new theme of literary works, remain within the framework of traditional poetics, referring to Indian images, plots, religious foundations of Hinduism, as well as to their own self-awareness. However, the philosophical implications of works in Hindi and English are different. Writers interpret the foundations of existentialism in different ways, and the characters choose different ways to solve their internal contradictions.

In the light of the stated topic, the problem of why the psychological life of the characters of these writers is depicted differently is considered. If the heroes of K. Narain and N. Varma, accepting the absurdity of existence, do not see the infinity of suffering and death of meaning, building their lives around the belief in rebirth, then the hero of the works in English fatally accepts the frailty of existence, believing in his helplessness before fate.

Keywords: Indian modern story, astitvavad, Kunwar Narain, Nirmal Varma

For citation: Strelkova, G. V., Lesik, K. A. (2024). Reminiscence of the existentialism philosophy in Hindi literature. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(1), pp. 139–150. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-1-38-139-150>

РЕМИНИСЦЕНЦИЯ ФИЛОСОФИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА В ЛИТЕРАТУРЕ ХИНДИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

К.А. Лесик¹, Г.В. Стрелкова²

¹ Дипломатическая академия МИД РФ
119021, Россия, г. Москва, Остоженка, д.53/2 стр.1

² Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской Академии Наук
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д.12
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр.1

Аннотация. В данной статье анализируются особенности восприятия философии экзистенциализма в современной индийской литературе конца XX – начала XXI вв. За основу исследования взяты рассказы, написанные на хинди, таких писателей, как Кунвар Нараян (1927–2017) и Нирмал Варма (1929–2005). Часть их творчества по праву относят к литературе экзистенциализма. Это направление в индийской литературе появилось в 40-х годах XX столетия, когда писатели начали активно знакомиться с идеями европейского модернизма. В исследовании также уделяется внимание двум романам на английском языке писателей индийского происхождения Аниты Десаи (р. 1937) «Куда мы поедem этим летом?» и Упаманью Чаттерджи (р. 1959) «Английский август». Несмотря на возродившийся интерес к экзистенциализму или нейроэкзистенциализму в современной литературе, изучение которого происходит с участием последних достижений нейробиологии, в отечественной индологии до сих пор проведено мало исследований о влиянии первой и второй волны этого философского направления на произведения хинди и литературу постколониализма. В творчестве выбранных писателей эстетика экзистенциализма выражена довольно ярко, более того, они, создавая новую тематику литературных произведений, остаются в рамках традиционной поэтики, обращаясь к индийским образам, сюжетам, религиозным основам индуизма, а также к собственному самосознанию. Однако философский подтекст произведений на хинди и на английском языке отличается. Писатели по-разному трактуют основы экзистенциализма, а герои выбирают различные пути решения своих внутренних противоречий.

В свете заявленной темы рассматривается проблема, почему психологическая жизнь героев этих писателей изображается по-разному. Если герои К. Нараяна и Н. Вармы, принимая абсурдность существования, не видят бесконечность страданий и смерть смысла, выстраивая свою жизнь вокруг веры в перерождение, то герой произведений на английском языке обречённо принимает брэнность бытия, уверовав в свою беспомощность перед судьбой.

Ключевые слова: индийский современный рассказ, аститвавад, Кунвар Нараян, Нирмал Варма

Для цитирования: Стрелкова Г.В., Лесик К.А. (2024). Реминисценция философии экзистенциализма в литературе хинди конца XX – начала XXI вв. *Филологические науки в МГИМО*. 10(1), С. 139–150. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-1-38-139-150>

1. Введение (INTRODUCTION)

Индийский экзистенциализм (*astitvavād/astitvavād*) – литературное течение индийского модернизма, который начал воспринимать этот художественный мир из западной экзистенциалистской литературы только с 40-х годов XX столетия [18]. В это время индийские писатели начинают знакомиться с европейским модернизмом, с идеями фрейдизма, авангардизма. Философы движения европейского экзистенциализма, которое отчётливо появляется только накануне Второй мировой войны, считают, что главная задача литературы состоит в исследовании индивидуального существования, определении категорий свободы и выбора. Экзистенциалисты утверждают, что только отдельная личность, а не общество, способно создавать смысл в своей собственной жизни. Человек в такой литературе прежде всего сталкивается с самим собой и со своим прошлым. Смысл его существования заключается в установлении ценности жизни по мере того, как он живёт. Система таких верований была заимствована индийскими литераторами у Жан-Поля Сартра, который предложил рассмотреть существование человека, его места и функции в мире посредством его отношений с Богом или отсутствия таковых [11].

Самый расцвет экзистенциальной литературы Индии приходится на 1960-е годы. Связано было это с общим разочарованием в революционной идеологии, общественных идеалах, которые стали основой для привнесения в литературный процесс многих тем и мотивов, таких как психологическая жизнь человека, индивидуалистическое начало литературного героя, ощущение реальности как сиюминутного опыта переживаний, разочарование, отчаяние и пессимизм [4, с. 142-143, 221]. Самым ярким примером экзистенциальной прозы в литературе хинди является роман «Сами себе чужие» (*“Apne-apne ajanabi”*) Саччидананда Хирананда Ватсьяяна, писавшего под псевдонимом Агъей. Этот роман, формально относящийся к реализму, является типичным модернистским, экзистенциальным произведением, в центре которого представлены герои, плывущие по течению, потерявшие своё место в жизни [там же, с. 144]. Более того, Агъей становится первым индийским писателем, «который сочетает экзистенциалистский бунт с индивидуалистическим модернизмом, в котором индивидуальный талант вправе сам определять и интерпретировать предшествующую литературную традицию, существующую не как объективная и общепризнанная истина» [19]. Автор рассматривает традицию так, как он сам её понимает, часто ради легитимации своей собственной художественной программы [там же]. Именно в романе «Шекхар: история одной жизни» (*“Šekhar: ek jivani”*), написанном с 1940 по 1944 гг., Агъей в предисловии отмечает, что на его творчество сильно повлиял роман французского писателя Ромена Роллана «Жан-Кристоф». В предисловии также прослеживается очевидное влияние таких экзистенциальных мыслителей, как Сёрен Кьеркегор, Фридрих Ницше [6, р. 15-43]. В самом романе в уста героев писатель вкладывает слова поэтов-романтиков, таких как Данте Габриэль Россетти, Байрон, Перси Шелли, Джон Китс, чтобы ярче выразить «агонию трёх главных лиц – Шекхара, Шаши и Маники» [19].

Эстетика экзистенциализма литературой хинди была адаптирована в процессе становления индийского художественного процесса. Писатели *аститвавада* обращались к новым выразительным средствам, создавали новую тематику литературных произведений, а также привнесли в индийскую традиционную литературу, которая складывалась веками, жанровое разнообразие, так на первый план вышел жанр короткого рассказа. При этом писатели и поэты остаются в рамках своего собственного самосознания и образов, обращаясь к традиционной индийской поэтике.

Однако, несмотря на однозначное влияние европейских художественных приёмов на индийский модернизм, европейские литературоведы, в том числе и индийский критик Джайдев в своей работе «Культура стилизации¹: экзистенциальный эстетизм в современном романе на хинди»,

¹ Под стилизацией понимается имитация, принятие и интертекстуальность текста, в котором прослеживаются в частом и неправомерном сходстве отрывки индийских и западных писателей. Так, герой Сэмюэла Беккета в романе «Моллой» спрашивает: «*Ты ещё не умер?*», – а герой Кришны Балдева Вайда вопрошает: «*Ты всё ещё жив?*» [11, с. 26].

отмечают то, что многие писатели, очарованные знаниями модернизма и экзистенциализма, «позволяют [западному] влиянию стать доминирующим кодом в их романах» [11, с. 3, 23], при этом исследователи не находят реальной значимости и резонанса этого западного литературного течения среди индийских читателей. Более того, экзистенциалистов часто обвиняли в излишней пессимистичности и сложной стилистической форме [4, с. 142].

Несмотря на новую волну популярности в современном мире экзистенциализма², в том числе и в литературе хинди, влияние первой и второй волны этого философского направления на литературу Индии до сих пор мало исследовано. Проблема отчуждения человека от бытия – основная проблема любого экзистенциализма. Современный герой литературы утрачивает онтологический смысл, ощущение своей связи с бытием, что погружает его в эпоху тревог, сомнений и отчаяния. Связано это с осознанным противопоставлением человека с вселенной. Герой отдаляется от неё, становится для неё чужаком, находя подтверждение своему выбору в словах Ницше «Бог мёртв». Персонаж художественного произведения сталкивается с тем, что старые боги исчезли, на место традиционным ценностям приходит метафизическая пустота³.

2. Материал и методы исследования (METHODOLOGY AND MATERIALS)

Теоретико-методологической основой этой статьи стали отечественные и западные, в частности, индийские работы по истории развития современной индийской прозы [4], [11], [15], [18], а также исследования, посвящённые философскому понятию экзистенциализма и реминисценции этой мысли в художественной литературе [1], [5], [14]. Основным методом статьи является метод сравнительного анализа, с помощью которого художественные произведения рассматриваются во взаимосвязи с другими литературами и философскими концепциями.

Данная статья – попытка начать анализ индийского *аститвавада* на примере хиндиязычных рассказов писателей Кунвара Нараяна (1927-2017) «Комнаты» (“*Kamre*”) и «Протест жены против будущего Вальмики» (“*Bhaviṣy ke Vālmiki se patnī kā pratīvād*”) и Нирмала Вармы (1929-2005) «Иной мир» (“*Dūsrī duniyā*”), а также на примере романов, написанных на английском языке, писателей индийского происхождения Аниты Десаи (р. 1937) «Куда мы поедим этим летом?» (“*Where Shall We Go This Summer?*”, 1975) и Упаманью Чаттерджи (р. 1959) «Английский август» (“*English August*”, 1988).

Выбор писателей – Нирмалы Вармы и Кунвара Нараяна – связан с тем, что они являются одними из главных представителей нового направления современной литературы хинди, такого как *Новый рассказ* (*Naī kahānī*). К нему относят всё прозаическое творчество Нирмалы Вармы и поздние рассказы Кунвара Нараяна. Представленные в статье англоязычные писатели индийского происхождения – Анита Десаи и Упаманью Чаттерджи – являются важными фигурами английской литературы постколониальной Индии.

Критерий отбора художественного материала основан, во-первых, на том, что все произведения – это ключевые индийские тексты, которые способны продемонстрировать формирование современного индийского сознания и культуры, а также привести важнейшие теоретические выводы об отличительных особенностях рассказа и романа в Индии, особенно художественной литературы 1980-х и 1990-х годов. Во-вторых, эти произведения схожи в развитии коллизии: герой-индиец стоит на распутье дальнейшего жизненного пути. Находясь долгое время в одиночестве, ему предстоит сделать выбор – либо остаться в порочном круге, либо выйти из него. А выход будет зависеть от культурной парадигмы, к которой будет относиться герой.

² Современный экзистенциализм, или *нейроэкзистенциализм*, был введён в научный оборот профессором нейробиологии О. Фланаганом и профессором философии Г. Д. Карузо [7]. Суть этого философского направления заключается в том, чтобы на основе нейробиологических наук и их достижений разрешить вопросы проблемы бытия.

³ Интеллектуальное постижение смысла и поиск истины не смогли заменить истинную сущность, которая заключается в познании экзистенции или бытия. Об этом говорит Эдмунд Гуссерль: «существование предшествует сущности», – иными словами, интуитивное сознание в рамках феноменологической редукции могло привести к базовой реальности субъекта.

В этих произведениях вопрос «Кто я такой?», задающийся философами-экзистенциалистами, определяет тему последующего текста, на первый план которого выходит существование единичной личности, её волнений и абсурдности бытия, страдания, отчуждения и смерти. Герои этих писателей как истинные последователи философии Сартра путешествуют от небытия к небытию [16].

3. Результаты исследования, их анализ и их обсуждение (RESULTS, ANALYSIS AND DISCUSSION)

Особенности экзистенциализма в рассказах Кунвара Нараяна и Нирмала Вармы

Прозаическое творчество Нирмала Вармы и отчасти некоторые рассказы Кунвара Нараяна относят к *Новому рассказу* (*Nai kahānī*), индийскому течению второй половины XX столетия, зародившемуся как форма творческого взаимодействия между литературой Запада и Востока. Новаторством *Наи кахани* становится художественное изображение эпизода, подчиняющего себе сюжет произведения. Его основная идея заключается в иллюстрации неустроенности жизни, безысходности человеческого бытия и общей неудовлетворенности. Такая черта присуща и рассказам выбранных писателей. Они полностью сосредотачиваются на описании внутреннего мира своего героя, тщательно прорабатывая стилистику повествовательных эпизодов и их логической завершенности, которая построена в скрупулезном выражении мельчайших деталей. Этому способствовало отношение индийских прозаиков к представителям европейского модернизма, таким как Альбер Камю, Сэмюэль Беккет, чье творчество становится идеалом для стилистического и тематического преобразования художественной прозы хинди.

Увлечение обоих писателей идеями экзистенциализма можно объяснить их долговременным пребыванием за границей (Кунвар Нараян в 1955 г. побывал в Европе и СССР, а Нирмал Варма долгое время, начиная с 1950-х гг., работал переводчиком в Чехии). Такое знакомство с Европой и личное общение и сотрудничество с западными писателями стали формирующим опытом, повлиявшим на их предстоящий творческий путь. Индийская исследовательница Датхар Сангита Виджай отмечает непосредственное влияние философских течений (философия Платона, эстетика марксизма, фрейдизм, экзистенциализм) и произведений европейских писателей (Франц Кафка, Жан-Поль Сартр, А. Роб-Грийе и Н. Саррот) на прозу и художественный мир рассказов Кунвара Нараяна и Нирмала Вармы [12]. Несмотря на восхищение творчеством европейских литераторов, оба писателя критиковали необдуманную европеизацию индийской литературы. Экспериментировав в сочинении произведений на английском языке, они сознательно выбрали языком своих произведений язык хинди. Именно это решение становится важным фактором того, как будет изображаться экзистенциальный мир в художественных произведениях на их родном языке⁴.

Подробнее стоит остановиться на рассказах «Комнаты», «Протест жены против будущего Вальмики» Кунвара Нараяна и «Иной мир» Нирмалы Вармы. Их объединяет экзистенциальный дискурс, который выражен в осмыслении человеком его жизненного опыта, в поиске веры. Три героя, Вальмики и два безымянных рассказчика, погружаются в глубокую тьму, которая становится символом экзистенции философского вопроса – что следует за этой тьмой, является ли заря новой жизнью или бесконечным продолжением старой?

⁴ Стоит отметить, что писателей индийской литературы после обретения независимости можно разделить на два типа: писатели, которые основным языком своего творчества выбрали родной язык (хинди, урду, маратхи и т.д.), и писатели, чье творчество в индийском и европейском литературоведении рассматривается в рамках постколониализма. Эти авторы создают свои произведения на английском языке. Именно эта литература диаспоры отличается от западной литературы, потому что такие писатели, как Четан Бхагат, Амиш Трипати и Ануджа Чаухан, Салман Рушди, Викрам Сет или Амитав Гхош, несмотря на владение в совершенстве английским языком, знают свой родной индийский язык, который так или иначе парадоксально влияет на создание независимой от Запада художественной действительности [10, с. 403].

Читатель встречается с тремя героями во время их психологического надлома. В построенном в форме психодрамы рассказе «Протест жены против будущего Вальмики» герой Агнишарма предстаёт во время внутреннего кризиса. Он не понимает, чем должен заниматься настоящий мужчина, который привык охотиться и убивать других ради безопасности семьи. Заканчивается произведение открытым финалом: «*Не только самого себя, но голодного, страдающего от жажды Агнишарму, который три дня подряд бежит в густых лесах, и его кто-то преследует, чтобы убить. Нет, я не могу быть снова убитым. Я не дам этому произойти*»⁵ [13, с. 80]. Однако не всё так однозначно. Кунвар Нараян усиливает психологизм героя за счёт названия рассказа. Вальмики является создателем одного из двух главных эпосов Индии – «Рамаяны», а Агнишарма, понявший эфемерность жизни и проживший несколько лет в аскезе, и является этим будущим Вальмикой. Несмотря на явный открытый финал, будущее предрешиено, именно название рассказа утверждает счастливый исход событий. Герой, сходящий с ума, не обречён на бесконечные страдания. Писатель даёт возможность своему герою на спокойное, просветлённое будущее.

Композиция «Комнат» и «Иного мира» построена на фрагментарности бытия и судьбоносном значении мига, который является символом экзистенциалистской поэтики. Каждое событие героя в развитии сюжета – это зарисовка яркого мгновения, в котором рассказчик затерян. Несмотря на кажущуюся динамичность развития эпизода, мысли героев статичны, сконцентрированы не на внешнем, а на внутреннем мире. Неподвижная точка мысли в быстротечном бытии – как символ неприкаянности в поэзии Агъейи. Несмотря на реалистическое изображение жизни, герой и его мысли находятся не в материальном пространстве, а в слитном единении с природой, как *джива*⁶ и *праkritи*⁷. Этот параллелизм восходит ещё к древней индийской философии, изложенной в Ведах. Как отмечает Гуру Датт, это – неразрывная связь между человеком и природой, Шивой (божество) и Шакти (энергия Вселенной). Только в единстве жизни и постижения своего «я» жизнь способна функционировать [9].

Здесь заключается первая исключительная черта индийского *аститвавада*: если для европейских экзистенциалистов природа независима от человека и даже враждебна ему, то для Кунвара Нараяна и Нирмала Вармы такая цельность человека и природы позволяет сократить конфронтацию между традицией и современностью, соединяя между собой прошлое, настоящее и будущее.

Что же касается одного из главных вопросов экзистенциализма – вопроса смерти – то и здесь, в индийских рассказах таится отличное понимание. Герои Кунвара Нараяна и Нирмалы Вармы, блуждающие по улицам Европы, заплутавшие в своей комнате, страдающие от невыразимой напряжённости в отношениях не только любовных, но и семейных, имеют право на «свечение недоступного притязания» [1, с. 64]. Если герои европейской литературы обнаруживают крайнюю возможность спасения «я» в «попытке западного человека примирить аспект бессмертия, превращённого в символ блаженства, с попыткой сделать жизнь переносимой» [там же, с. 65], то герои индийских писателей выходят из квазиреальности более сильными. Смерть и у Кунвара Нараяна, и у Нирмала Вармы не несёт понятия окончания жизни как таковой, бесконечная тоска и безысходность героя приобретают смысл и превращаются в свет⁸ и надежду. Выход из страдания порождает новую жизнь только в другом образе, которая обещает быть счастливее. Такое понимание основано на индуистском понимании *идеи перерождений*. Смерть, как и жизнь, становится цикличной, как приход тьмы и рассвета, герой будет постоянно рождаться и умирать. Именно

⁵ Перевод представленных в статье рассказов и отрывков из романов выполнен авторами статьи – Лесик К.А. и Стрелковой Г.В.

⁶ *Джива*, согласно индуизму, «часть бога как особое его определение; дживы вечны и зависят от бога, атомарны, отличны от тела, органов чувств» [2, с. 131]. Истинную природу Атмана джива может обрести во время снов без сновидений. У Кунвара Нараяна в «Комнатах» рассказчик делает акцент на том, что герой проснулся: «*Вздвогнув, я проснулся. Не мог понять, этот удар произошёл где-то возле меня или где-то далеко, тысячу лет назад, в космосе. Протянув руку, я зажгёт ночник*» [13, с. 148-149].

⁷ *Праkritи* – одно из двух вечных начал: «единая и вечно изменчивая материя-природа» [2, с. 389], которая эволюционно разворачивается, превращаясь в мир психических способностей одушевлённых и неодушевлённых существ и предметов.

⁸ Согласно «Веданте», свет бытия-сознания раскрывает человеческую реальность как бытие-с-другими [9].

поэтому герой рассказа «Комнаты» заканчивает своё странствие словами: «*Всего того, что было, сейчас не было. С того, что не было, и начался новый день, будто это происходило в первый раз*» [13, с. 152].

Герой Нирмала Вармы, оставшийся в конце рассказа со своим одиночеством наедине, в глубокие души убеждён, что в его мировоззрении настолько тесно переплетены индийская и европейская философии, что он не способен испытывать боль от критических суждений и одиночества, так как есть слабая связующая нить, дарующая принадлежность к общей человеческой традиции и общность с окружающим миром. «*Я первый раз увидел столько звёзд в лондонском небе, чистые и блестящие, будто их вымыл дождь... подул сильный ветер. Его слабый порыв пропал в темноте, и деревья стали шелестеть. Тогда я услышал слабый голос, обвинивший безграничную бездну... Я оглянулся. Никого не было – ни голоса, ни звука – только ветки деревьев качались на ветру. Мне не хотелось идти дальше. Я хотел, чтобы на этот раз меня в последний раз неизбежно поймали*» [17].

Иными словами, оба писателя находятся в рамках Веданты, в которой категория страдания не является центральной, так как основное внимание уделено достижению *ананды*, блаженства. Кунвар Нараян и Нирмал Варма, обращаясь к европейскому экзистенциализму и опираясь на индийскую литературную традицию, создают гармонично объединённый мир, в котором посредством символики экзистенциализма и *аститвавада* герой, проходя в своей душе эволюцию ключевых идей понимания жизни, кончает с нерешительностью выбора в пользу своего внутреннего мира и благодарного принятия бытия.

Специфика экзистенциализма в произведениях Аниты Десаи и Упаманью Чаттерджи

Писателей-экзистенциалистов двух языков объединяет то, что они исследуют житие единичной личности, которая сама несёт ответственность за то, кем она является. Литераторов не интересует целостность человека и его универсальность, именно поэтому главной темой всей литературы становится проникновение в тревожное состояние современного сознания и обнаружения в нём причины страданий.

Однако понимание экзистенциализма и главного ответа на вопрос – «кто я?» – расходится в индийской литературе, которая создаётся на английском языке, и в хиндиязычных произведениях. Это связано с тем, каким образом рассматривает автор «Я» героя. Под «я» в литературе хинди подразумевается личностное отношение к объективному миру, которое раскрывается как объективное содержание сознания. Согласно «Веданте», чистое сознание, лишённое эгоцентризма, в своей сокровенной сути является сущностью Бытия. Противопоставлением такому пониманию становится тезис Сартра о том, что сознание – это «ничто» [5, с. 78]. Такая противоположность во взглядах и отражается в экзистенциальной литературе, которая пишется с учётом индийской литературной и философской традиций, и в рамках традиции европейского экзистенциализма. В «Веданте» сознание сияет во всей своей чистоте и величии при достижении *самадхи*, фундаментального онтологического измерения (*turiya*) человеческого опыта, которое коррелируется в дуализме бытие-сознание (*sat-chit*) [9].

Если в европейском модернизме бытие-сознание – это монополия, которая касается только немногих привилегированных, эгоцентричных людей [4, с. 144], то в литературе хинди каждый индивид обладает этим знанием как глубочайшим духовным потенциалом своего существования. Герой хинди не закрывается от мира в своих мысленных экспериментах, он постигает бытие как трансцендентное и всеобъемлющее единство своих отношений с природой. Писатель хинди не забывает, что человеческое существование – это попытка проявить Бытие через сознательное осознание этой взаимосвязи, при достижении полной интеграции⁹ личности в природу, когда эгоизм, бессознательное и эмоциональные привязанности разрываются.

⁹ Идентичность человека с Сущим выражается в таких утверждениях, как «Я есмь Брахман» и «Это есть Ты» [Брихадараньяка Упанишада 1.4.10 и Чандогья Упанишада 6.8].

Романы Аниты Десаи и Упаманью Чаттерджи схожи тем, что в них воссоздаётся социальный мир отношений человека со своей семьёй, с политикой, с государством. Оба писателя очерчивают личностную роль в семье и других институтах, в которых есть конфликты и напряжённость между людьми. Потребность изображения внутренних чувств привела к тому, что в этих романах объединились экзистенциализм и абсурдизм.

Анита Десаи – индийская писательница, обладательница третьей по значимости правительственной награды Индии *Падма Бхушан*, в своём романном творчестве затрагивает тему экзистенциализма. Её считают одной из главных представительниц индийского *аститвавада*, для творчества которой путешествие человека в страдания и проникновение в самые сокровенные глубины человеческой психики становятся главной темой [16, с. 2].

Главными персонажами Десаи являются героини. Именно через их взгляд на жизнь вырисовывается борьба с абсурдом, их попытка справиться с экзистенциалистскими проблемами, чтобы навести порядок в беспорядочном мире. Её женские персонажи – Майя («Крик павлина»), Мониша («Голоса в городе»), Сита, Бим и Нанда Каул – наделены исключительной чувствительностью, богатым воображением, их отношение к жизни не прозаично. В романе «Куда мы пойдём этим летом?» героини следуют философии Сёрена Кьеркегора¹⁰ – человек выбирает свой путь без помощи универсальной и объективной нормы, высшее благо для каждого человека заключается в нахождении им своего уникального призвания. Личность становится самой собой только тогда, когда её внутренние страсти подчинены свободе, только тогда она может обрести душевный покой. Что же происходит с героинями индийской писательницы? Их можно разделить на два типа: первый – более ранние героини Майя и Мониша. Спасаясь от борьбы за существование, они выбирают путь смерти и невроза. Более поздние героини меняют свои жизненные принципы: Сита, сталкивающаяся с конфликтом индийской традиционности и современных тенденций, идёт на компромисс с жизнью. Она – беспомощная жертва, оказавшаяся между иллюзией и реальностью, и всё, что ей остаётся – признать, что реальность является сосуществованием. Эта мысль становится её знанием, усиливающим тревогу. Она смиряется с абсурдностью происходящего, иначе будет раздавлена. Так, она примиряется с мужем, который не воспринимает её как мать и свою жену и говорит слова, с которыми ей приходится смириться: «*Другие люди мирятся с этим – это не так уж невыносимо [...] жизнь – это всего лишь разочарование, но не катастрофа*» [16, с. 9].

Техника изображения экзистенциальной философии Десаи выражается в использовании описания потока сознания, с помощью дневниковых записей героини, воспоминаний, диалогов и самоанализа, который обнажает бессознательное Ситы и её распад. Структурное единство достигается за счёт слияния прошлого, настоящего и будущего. Описание природы не играет такую же роль, что и у Кунвара Нараяна и Нирмала Вармы. Природа Десаи функционирует как сила, делающая жизнь бессмысленной, как посторонний фон, на котором исследуется абсурд. Иными словами, героини способны найти баланс между собой и миром, который готов их поглотить, только вырвавшись из своих фантазий в сторону реальности.

Ещё одним художественным приёмом изображения человеческой психологии у Десаи является соединение реализма и фантазии в мире её героинь. Писательница убеждена, что реальность способна проникать в самые сокровенные глубины человеческой психики. Героини Десаи не имеют права уклоняться от ответственности и убегать от реальности, но иногда они могут погружаться в свои фантазийные миры, чтобы спрятаться от противоречивого мира. Именно

¹⁰ Сёрен Кьеркегор (1813-1855), датский философ, отмечал, что фундаментальным значением в жизни является способность существовать: существовать в присутствии Бога, свободно выбирая между неподлинной естественной жизнью и подлинной религиозной жизнью. Интеллектуальное постижение смысла и поиск истины, согласно его философии, не могут заменить истинную сущность, которая заключается в познании экзистенции или бытия [9, с. 5-6].

их неспособность отличить фантазию от реалий мешает им вовремя достичь самореализации в жизни. В итоге, реальность побеждает фантазию. Сита, как и другие поздние герои индийской писательницы, находят баланс между двумя гранями, спасаясь от самоуничтожения¹¹.

Экзистенциализм Аниты Десаи заключается в примирении человека с бременем своего прошлого, от него требуется социальная ответственность, которая способна спасти его от уничтожения. Единственный способ справиться с этим абсурдным существованием – позитивное самоотчуждение и самоотречение, побег от мысленной изоляции, которая ведёт к беспричинности жизненного пути, приспособление к существующим законам жизни. А также безмолвное принятие тревоги, которая открывает глаза на реальность человеческого положения. Это похоже на философию француза Андре Мальро, у которого «парадоксальная сопряжённость признания, что сущее лишено смысла, утверждает, что достоинство личности обеспечивается осмысленностью “жизни вопреки”» [3]. А если кто-то из героев Десаи берёт на себя смелость изменить обстановку вокруг себя, он теряет опору и погибает.

Писатель Упаманью Чаттерджи – бывший индийский государственный служащий. Его романы, в том числе и дебютный роман «Английский август», также изображают абсурдность бытия.

Герой романа «Английский август» – проводник читателя в мир индийской бюрократии, который раскрывается перед ним в мелких деталях, как и у Десаи, в потоке сознания. (Мир бюрократов и администрации соприкасается друг с другом, изображаясь в сатирическом виде). Главный герой – Агастья, служащий административной службы в Мадне, – не может посвятить себя чему-либо полностью. Для этой должности важны интеллектуальность, рациональность, логичность, здравомыслящий подход к жизни, что совершенно противоположно внутреннему миру Агастья. Он далёк от рационализма и практичности. Чувственная природа человеческого «я» высмеивается Агастией, который смотрит на свою собственную жизнь с точки зрения повседневного существования, его интересуют наркотики, телесные удовольствия. Конфликт в сознании Агастья появляется из-за попыток найти смысл в жизни, преобладание в его бытийности иррациональности порождает дуализм между рациональностью и бессмысленностью. Высокие идеи о морали разбиваются в сознании героя об его аморальную жизнь с грубыми физическими реалиями. Эту идею несёт ему его отец: *«большинство из нас живут со смутным чувством неудовлетворённости. Нам навязан определённый ритм, из которого не вырваться»* [20, с. 135].

Описание индийской административной системы является фоном для изображения человеческой жизни в её основной форме, лишённой всякой сути. Герои окружены коррупцией, эксплуатацией, безразличием и снобизмом. На первое место выходят материальные вещи, политика, экономика, а не люди. Второстепенные герои, не добившиеся успеха, кончают жизнь самоубийством. На фоне этих трагедий Агастья пытается осмыслить свою жизнь, привнести в неё хоть каплю надежды: *«Сегодня я вырвал себя из всех своих затруднений, или, скорее, я вырвал их из себя – потому что они были не снаружи, а внутри, они лежали в моём собственном мировоззрении»* [8, с. 288]. Однако все эти попытки, как и у героев Десаи, разбиваются об абсурдность бытия, побуждая героя принять необходимость стать частью системы вселенной: *«Оставайтесь в помещении как можно дольше, по возможности переходите на ночной образ жизни. Внешний мир не стоит того, чтобы ради него отправляться в путешествие, и любая красота за пределами дома видна только в темноте или в предрассветных сумерках»* [20, с. 134]. Весь роман наводит на мысль, что не существует так называемых высших целей жизни, а есть только такие мелочи, как удовлетворение и наркотики.

¹¹ Здесь стоит отметить, что в ранних произведениях Анита Десаи следует экзистенциальной философии А. Камю. Так, согласно французскому философу, важной чертой человечества является восстание человека против условий жизни, которые он считает приемлемыми. Человек бунтует, отказывается подчиняться негодным ему условиям. Более того, бунт не имеет смысла вне общества. Дух бунтарства усиливается, когда индивид убеждается в абсурдности своего существования. Иногда это чувство оторванности от реальности приводит к самоубийству или убийству. Вместо того чтобы страдать от ограничений, несчастное «я» выбирает тёмную победу, которая уничтожает мир [16].

Прошлое в романах обоих писателей не способно принести им утешения, а в настоящем они не видят смысла, что приносит им новую боль. Когда индивид испытывает страдание, он переживает состояние небытия. Это косвенно подтверждает тот факт, что человеческое существование неопределённо, и в своем внутреннем существе мы одиноки.

4. Заключение (CONCLUSION)

В рассказах «Комнаты» и «Протест жены против будущего Вальмики» Кунвара Нараяна и «Иной мир» Нирмалы Вармы вопрос «Кто я такой?», задающийся философами-экзистенциалистами, определяет тему последующего текста, на первый план которого выходит существование единичной личности, её волнений и абсурдности бытия. Экзистенциальные темы страдания, отчуждения и смерти также предстают в романах «Огонь в горах» (*“Fire on the Mountain”*), «Куда мы поедем этим летом?» (*“Where Shall We Go This Summer?”*) Аниты Десаи и «Английский август» (*“English August”*) Упаманью Чаттерджи, герои которых, как истинные последователи философии Сартра, путешествуют от небытия к бытию. Несмотря на единый философский подтекст, произведения, написанные на английском языке и на языке хинди, отличаются.

В свете заявленной темы можно сказать, что психически напряжённая жизнь современного человека по-разному изображается у индийских писателей, которые обращаются к этим двум языкам. Если в английской литературе герой убеждён, что человеческая жизнь абсурдна, потому что нет никакой абсолютной причины для существования, а принять бремя своего прошлого и приноровиться к тревоге – это реальность человеческого положения, то герои писателей хинди, которые так же находятся под воздействием абсурдизма и квазиреальности, живут со свечением недоступного притязания. Это связано с мировосприятием и самосознанием, сформировавшихся в рамках индийской культурной парадигмы и вне её. Для писателя постколониальной литературы Индии идея Фридриха Ницше о том, что «Бог умер», близка, она включена в восприятие этого мира и в фабулу произведения. Если Бога нет, то и человек, и вселенная существуют бесцельно, так как за жизнью всегда следует смерть. Попытка западного человека сделать жизнь переносимой при помощи мнимой веры в бессмертие, которая оборачивается крахом, для героя произведений хинди иррациональна. Он не видит в бесконечности страданий и смерти гибель смысла вещей и света. Его истина выстроена на основе индуистского понимания перерождений. Способность его души к реинкарнации теплит в нём надежду на счастливую судьбу в следующей жизни.

© Лесик К.А., Стрелкова Г.В., 2024

Список литературы

1. Бланшо, М. От Кафки к Кафке / Бланшо М. ; М. : Логос, 1998. 240 с.
2. Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь / под общ. ред. Альбедиль М.Ф. и Дубянского А.М. М. : Республика, 1996. 576 с.
3. Краткая литературная энциклопедия (КЛЭ). Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ) [Электронный Ресурс]. – URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke8/ke8-8511.htm> (дата доступа 15.05.2023)
4. Очерки истории литератур Индии (X–XX вв.) / под ред. Цветковой С.О. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. 313 с.
5. Сартр, Ж.П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М. : Республика, 2000. 639 с.
6. Agyeya, Vatsyayan S.H. Shekhar Ek Jivani / Vatsyayan S.H. Agyeya ; Allahabad : Saraswati Press, 1975. 752 p.
7. Caruso, G., Flanagan, O. Neuroexistentialism: Meaning, Morals, and Purpose in the Age of Neuroscience / Caruso, G., Flanagan O.; Oxford : Oxford University Press, 2018.
8. Chatterjee, Upamanyu. English August / Upamanyu Chatterjee ; New Delhi: Penguin Books, 1988. 326 p.
9. Haridas, Chaudhuri. Existentialism and Vedānta. // Philosophy East and West, University of Hawai'i Press Vol. 12, No. 1. 1962. p. 3–17.
10. Harish, Trivedi. The Hindi Postcolonial – Categories and Configurations. // Comparative Literature Studies, Vol. 53, No. 2, Special Issue: Beyond the Anglophone – Comparative South Asian Literatures. 2016. p. 400–407.
11. Jaidev. The Culture of Pastiche: Existential Aestheticism in the Contemporary Hindi Novel / Jaidev; Shimla, 1993. 266 p.
12. Jathar, Sangita Vijay. Kunwar Narayan ki kavita par pāścātya vicāron kā prabhāv. Shivaji University. 2016. [Электронный Ресурс]. URL: <https://shodhganga.inflibnet.ac.in/handle/10603/223275> (дата доступа 17.10.2020).

13. Kunwar Narain. *Becain patton kā koras*. Rājkamal Prakāśan, Delhi. 2018. 152 p.
14. Molina Fernando. *Existentialism as Philosophy*. N.J. Prentice Hall, Inc. Englewood Cliffs. 1962. 118 p.
15. Mukteshwar Pandey. *Arun Joshi: the existentialist element in his novel*. B.R. Publishing Corporation. Delhi. 2016. 188 p.
16. Neetha Joseph. The influence of existential philosophers and existential themes in the writings of Commonwealth writer Anita Desai. [Электронный Ресурс]. URL: https://www.academia.edu/35942784/The_influence_of_existential_philosophers_and_existential_themes_in_the_writings_of_Commonwealth_writer_Anita_Desai. (дата доступа 02.03.2023).
17. Nirmal Varma. *Duusrī duniyā*. [Электронный Ресурс]. URL: http://www.abhivyakti-hindi.org/kahaniyan/2005/doosri_duniya/dd1.htm& (дата доступа 13.09.2023).
18. Peter Gaeffke. *Hindi Literature in the Twentieth century. A History of Indian Literature, Volume VIII*. Otto Harrassowitz, Wiesbaden. 1978.
19. Prem Singh. Agyeya's 'Shekhar ek jivani': the western influence. *Economic and Political Weekly*, Vol.53, No.29, 21 July 2018 [Электронный Ресурс]. URL: <https://www.epw.in/journal/2018/29>. (дата доступа 12.09.2023).
20. Shivani Verma. Existentialism in Upamanyu Chatterjee's Novel "English August". / *International Journal of English Language, Literature and Humanities*. 2016. [Электронный Ресурс]. URL: https://www.academia.edu/33620052/Existentialism_in_Upamanyu_Chatterjee_s_Novel_English_August. (дата доступа 06.03.2023).

References

1. Blansho, M. *Ot Kafki k Kafke*. [From Kafka to Kafka] M.: Logos publ., 1998. 240 p.
2. *Induizm. Dzhaīnizm. Sikhizm: Slovar'* [Hinduism. Jainism. Sikhism: A Dictionary]. Edit. by Al'bedil' M.F., Dubianskoiy A.M. Moscow: Respublika publ., 1996. 576 p.
3. *Kratkaia literaturnaia entsiklopedia (KLE). Fundamental'naia elektronnaia biblioteka "Russkaia literatuta i fol'klor" (FEB)* [Brief Literary Encyclopedia. Fundamental Electronic Library "Russian Literature and Folklore"] <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke8/ke8-8511.htm> (Accessed: 15.05.2023).
4. *Ocherki istorii literatury Indii (X–XX vv.) pod redaktsiei Tsvetkova S.O.* [Essays on the history of Literature in India (X–XX centuries)]. Edit. by Tsvetkova S.O. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2014. 313 p.
5. Sartre, J.P. *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoi ontologii* [Being and nothingness: the experience of phenomenological ontology] / Trans. from French, preface, note by V. I. Kolyadko. M.: Republic, 2000. 639 p.
6. Agyeya, S.H. Vatsyayan. *Shekhar Ek Jivani*. Saraswati Press, 1975.
7. Caruso G., Flanagan O. *Neuroexistentialism: Meaning, Morals, and Purpose in the Age of Neuroscience*. Oxford University Press, 2018.
8. Chatterjee, Upamanyu. *English August*. New Delhi: Penguin Books, 1988. 326 p.
9. Haridas, Chaudhuri. "Existentialism and Vedānta." *Philosophy East and West*, vol. 12, No. 1, University of Hawai'i Press 1962. pp. 3–17.
10. Harish, Trivedi. "The Hindi Postcolonial – Categories and Configurations. Comparative Literature Studies." *Special Issue: Beyond the Anglophone – Comparative South Asian Literatures*, vol. 53, No. 2. 2016. p. 400–407.
11. Jaidev. *The Culture of Pastiche: Existential Aestheticism in the Contemporary Hindi Novel*. Shimla, 1993. 266 p.
12. Jathar, Sangita Vijay. "Kunwar Narayan ki kavita par pāścātya vicāron kā prabhāḥ." *Shivaji University*, 2016, <https://shodhganga.inflibnet.ac.in/handle/10603/223275>. (Accessed 17 Oct. 2020).
13. Kunwar, Narain. *Becain patton kā koras*. Rājkamal Prakāśan, 2018. 152 p.
14. Molina, Fernando. *Existentialism as Philosophy*. N.J. Prentice Hall, Inc. Englewood Cliffs, 1962. 118 p.
15. Mukteshwar, Pandey. *Arun Joshi: the existentialist element in his novel*. B.R. Publishing Corporation, 2016. 188 p.
16. Neetha, Joseph. "The influence of existential philosophers and existential themes in the writings of Commonwealth writer Anita Desai." https://www.academia.edu/35942784/The_influence_of_existential_philosophers_and_existential_themes_in_the_writings_of_Commonwealth_writer_Anita_Desai. (Accessed 02 Mar. 2023).
17. Nirmal, Varma. "Duusrī duniyā." http://www.abhivyakti-hindi.org/kahaniyan/2005/doosri_duniya/dd1.htm& (Accessed 13 Sep. 2023).
18. Peter, Gaeffke. *Hindi Literature in the Twentieth century. A History of Indian Literature, Volume VIII*. Wiesbaden, 1978. 118 p.
19. Prem, Singh. "Agyeya's 'Shekhar ek jivani': the western influence." *Economic and Political Weekly*, Vol.53, No.29, 21 July 2018, <https://www.epw.in/journal/2018/29>. (Accessed 12 Sep. 2023).
20. Shivani, Verma. *Existentialism in Upamanyu Chatterjee's Novel "English August"*. *International Journal of English Language, Literature and Humanities*. 2016, https://www.academia.edu/33620052/Existentialism_in_Upamanyu_Chatterjee_s_Novel_English_August. (Accessed 06 Mar. 2023).

Сведения об авторе:

Стрелкова Гюзель Владимировна – старший научный сотрудник Отдела литератур народов Азии ИВРАН (Россия, Москва); кандидат филологических наук, доцент кафедры индийской филологии ИСАА МГУ (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: современная индийская литература, литературное направление «женское письмо», художественный перевод.
E-mail: gstr@mail.ru, ORCID ID: 0000-0003-4989-2428.

Лесик Ксения Александровна – преподаватель кафедры восточных языков Дипломатической академии МИД РФ (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: современная литература хинди, поэзия индийских племён (адиваси), художественный перевод.
E-mail: ksundra-l@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0001-6534-403X.

About the Authors:

Guzel V. Strelkova – PhD, is Senior Researcher of the Department of Asian Literature, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Moscow; Assistant Professor of the Department of Indian Philology, IAAS MSU (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: contemporary Indian literature, women's writing literary movement, literary translation.

E-mail: gstr@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-4989-2428.

Ksenia A. Lesik – is Teacher of the Department of Oriental Languages, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: contemporary Hindi literature, poetry of Indian tribes (Adivasi), literary translation.

E-mail: ksundra-l@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0001-6534-403X.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have no conflicts of interest to declare.

* * *

Поздравляем с юбилеем заместителя главного редактора журнала «Филологические науки в МГИМО» (Linguistics & Polyglot Studies), профессора кафедры немецкого языка МГИМО, кандидата филологических наук, доцента Сергея Валентиновича Евтеева! Его научные работы посвящены дидактике немецкого языка, переводоведению, вопросам языкового образования.

Благодарим глубокоуважаемого Сергея Валентиновича за его вклад в развитие журнала и желаем ему крепкого здоровья и плодотворного продолжения творческой работы!